

НА Б ОЕВОМ ПОСТУ

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование внутренних войск

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия:

АРИБЖАНОВ Р.М. (зам. главного редактора),
АРТЮХОВ Е.А., епископ Ставропольский
и Владикавказский Феофан (АШУРКОВ И.А.),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., БОЛТИКОВ В.В.,
БЫСЕНКОВ И.С. (ответственный секретарь),
ВИННИК В.В., ГРЕКОВ В.И., ЕРМАКОВ П.И.,
КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного редактора),
КОРОБЦОВ Д.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
МАКОЕВ Т.К., НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
ПАНЧЕНКОВ В.В., ПОРТНОВ С.А.,
СКРЯБИН В.Н., СОФРОНОВ И.Е., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЧЕПЯШЕВ С.К., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОЛТИКОВ В.В.

Верстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикации, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

На 1-й странице обложки:

Фото Виктора БОЛТИКОВА

Индекс

для подписки через агентство "Роспечать" —

70 610

Сдано в набор 03.04.2007. Подписано к печати 18.04.2007. Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000. Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 128.

Отпечатано в типографии редакции журнала "На боевом посту" внутренних войск МВД России
111250, Москва, Красноказарменная, 9а

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: vvpост2006@yandex.ru

© Журнал «На боевом посту», 2007

Николай Сысоев,
полковник запаса
военный историк,
член Союза журналистов
и Союза писателей России

День Победы — 9 Мая — праздник всенародный. Отмечают его в нашей стране и стар и млад. Ветераны с гордостью надевают боевые ордена, на их лицах разглаживаются морщины, глаза загораются юношеским огоньком. Обидно только, что власти предающие вспоминают о них и дежурно чествуют только раз, от силы два раза в году. А ведь их так мало осталось...

Для меня же День Победы — праздник по большому счёту семейный. Мой отец, кавалерист-гвардеец, храбро сражался с гитлеровцами в Белоруссии и Восточной Пруссии. Награждён тремя медалями "За отвагу" и двумя — "За боевые заслуги". Был тяжело ранен под Кёнигсбергом. Известие о победе над фашистской Германией встретил на госпитальной койке. Очень сожалел, что не дошёл до Берлина. Отец моей жены тоже воевал, в суровом 41-м защищал Москву. Давно их нет с нами — от фронтовых ран и недугов рано ушли они из жизни.

А сколько наших соотечественников не вернулось с той войны? Счёт идёт на десятки миллионов. Не утихает со временем народная боль от человеческих утрат, понесённых в военное лихолетье. Нет такой семьи, из которой не ушёл бы на фронт дед-прадед, отец или брат. Какое славное поколение легло в землю! Сколько они могли бы ещё сделать добрых дел на земле: растить детей, строить дома, возвращать хлеб! Но им выпала несладкая доля — жестокой войне ценой собственной жизни отстоять честь и независимость нашей Родины, победить сильного и коварного врага. Они это сделали...

Мы же, дети фронтовиков — израненных и искалеченных, но всем смертям назло выживших в огне сражений и вернувшихся домой с Победой, гордились своими отцами. Хорошо сказал о нашем послевоенном поколении мой сослуживец и коллега по редакции журнала полковник Евгений Артюхов, замечательный русский поэт, написавший такие проникновенные строки:

*Посредине двадцатого века,
после самой кровавой войны,
я родился в семье человека,
разделившего участь страны.*

Ясно осознавая свою ответственность за будущее Отечества, мы так же, как и наши отцы, готовы были сполна "разделить участь страны". Никто из нас даже в мыслях не допускал того, что, когда придёт срок, не сможет по каким-то причинам надеть военную форму. Не служить было стыдно. Увы, те времена, когда мальчишки хотели быть военными, когда служба в армии действительно была почётной обязанностью каждого, а профессия офицера считалась привилегированной, давно прошли. Нынешние юнцы-акселераты, в сознании которых нет ничего святого, готовы пуститься во все тяжкие, лишь бы откосить от армии.

Но, к счастью, понятия долга и чести не потеряны ещё окончательно. Кадетские корпуса и суворовские училища не испытывают недостатка в воспитанниках. С каждым годом растёт конкурс в военные институты. Учиться в них становится, как и прежде, весьма престижно. Военно-патриотические клубы не пустуют. Так что, слава богу, есть ещё на нашей грешной земле молодые люди, готовые посвятить себя служению Отечеству.

А значит, как говаривали фронтовики, будем жить, славяне. С праздником вас, дорогие читатели! С Днём нашей Победы!

САЛЮТ ПОБЕДЫ

Цветной фонтан взмывает над планетой.
Людская радость плещет через край.
Мы всю войну мечтою жили этой,
И он ворвался к нам — победный май!

Живым потоком, взмахами ладоней,
Весенним солнцем, выскерком огней,
И пеннием залихватских гармоней,
И смехом воззвизнувших парней.

Всё замелькало: лица и улыбки,
Запело, заиграло, разрослось.
Сатиновые платья, плащ-накидки —
В порыве счастья всё переплелось.

Фуражки, бескозырки, гимнастёрки,
Горящий взгляд желанных женских глаз...
И думалось, что сам Василий Тёркин
Выходит в жаркий круг на перепляс.

Мы этот день с боями проносили,
Не думая о том, что нас убьют...
И вот в вечернем небе над Россией
Расцвел победный праздничный салют!

Анатолий КАПУСТИН

С праздником Великой Победы!

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ШКОЛА
8 СЛУЖИТЬ БУДЕМ ВМЕСТЕ!

КОМАНДИРЫ
**10 С ВОЙСКАМИ ОН
ПОЗНАКОМИЛСЯ РАНЬШЕ,
ЧЕМ ПОШЁЛ В ШКОЛУ**

СЛУЖБА
**14 СВЯТАЯ РУСЬ
ЗА ЯДЕРНЫМ ЩИТОМ**

**18 ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД
МОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО**

22 ЦЕНТР УСТОЙЧИВОЙ СВЯЗИ

ВОИНСКАЯ ДИСЦИПЛИНА
**25 МАМЕНЬКИН СЫНОК?
НЕТ, ЗАЩИТНИК РОДИНЫ**

МАЙ 2007

ИНТЕРВЬЮ
НОМЕРА

Начальник Саратовского военного Краснознамённого института
внутренних войск МВД России полковник Сергей МУХОЕД:
**НАШИ ВЫПУСКНИКИ УСПЕШНО СЛУЖАТ
НЕ ТОЛЬКО ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ.
ИХ ЦЕНЯТ И В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ПОЛКУ**

4

С ЛЕЙКОЙ И БЛОКНОТОМ
**28 ЖУРНАЛИСТИКА —
СУДЬБА МОЯ**

ТЕХНИКА И ВООРУЖЕНИЕ
**34 НАРУШИТЕЛЯМ
ПОСТАВЛЕН “БЛОК”**

ВЕРА
36 ПАТРИАРХ И СТАЛИН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
**40 ЗАСЛУЖИВАЮТ ЗВАНИЯ
ГВАРДЕЙСКИХ**

ИСТОРИЯ
**43 “НА САМОМ ДЕЛЕ
БЫЛО ТАК...”**

СПОРТ
**48 ВИКТОР ТИХОНОВ:
ДРУЖИТЕ СО СПОРТОМ,
МУЖИКИ!**

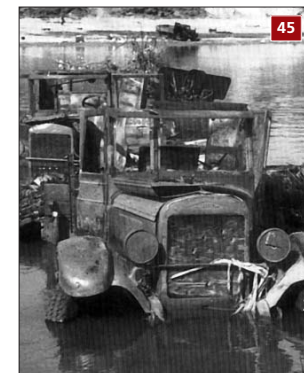
КНИЖНАЯ ПОЛКА
50 ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

50 “ЗДЕСЬ Я И ЖИЛ, И РОС...”

ЛИТЕРАТУРА
**52 ГОДЫ ТЕ, КАК ГРОМ,
ОТГРОХОТАЛИ...**

54 ВЕСЁЛЫЙ АККОРД

**56 ИЗ РАССКАЗОВ
ИВАНА АНТОНОВИЧА**

45

3

Сергей Дмитриевич Мухоед родился в селе Буда-Варовичи Полесского района Киевской области в 1959 году. В 1980 году окончил Вольское высшее военное училище тыла, в 1989 году – Военную академию тыла и транспорта. Командовал курсантским взводом, ротой, батальоном. Преподавал на кафедре тактики и общественных дисциплин. С 2000 года – заместитель начальника Вольского филиала Военной академии тыла и транспорта. С сентября 2003 года проходил службу в Главном командовании внутренних войск. Указом Президента Российской Федерации от 9 августа 2006 года назначен начальником Саратовского военного Краснознамённого института внутренних войск. Награждён медалью “За боевые заслуги”, медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени.

Начальник Саратовского военного Краснознамённого института внутренних войск МВД России полковник Сергей Мухоед:

НАШИ ВЫПУСКНИКИ УСПЕШНО СЛУЖАТ НЕ ТОЛЬКО ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ. ИХ ЦЕНЯТ И В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ПОЛКУ

– Товарищ полковник, вы возглавляете одно из старейших учебных заведений внутренних войск, которому в мае нынешнего года исполняется 75 лет. В канун юбилейных дат принято подводить итоги, говорить об успехах, о том, что удалось сделать и над чем предстоит работать. С какими достиже-

ниями Саратовский Краснознамённый институт подходит к столь знаменательному рубежу?

– В течение нескольких последних лет постоянно совершенствовалась учебно-материальная база института. Построен новый учебный объект – караульное помещение, где проводим занятия по те-

мам, связанным с охраной важных государственных объектов. Ведь около четверти наших выпускников служат в воинских частях, выполняющих именно такие задачи. Раньше курсантам приходилось многое объяснять на пальцах. Теперь этот пробел в практической подготовке будущих офицеров устранён.

К юбилею института в учебном центре будет закончено строительство взводного опорного пункта, отвечающего требованиям Боевого устава сухопутных войск. На войсковом стрельбище оборудован городок гранатометания, отремонтированы учебные классы, закончена реконструкция стрелкового тира. Скоро начнём капитальный ремонт клуба, в котором не стыдно будет принимать гостей. В апреле приступаем к обновлению учебного корпуса и санитарной части.

На мой взгляд, определённые успехи достигнуты. Нам есть что показать гостям и ветеранам института. Но хотелось бы отметить, что мы готовимся не только к юбилею. Не за горами очередной выпуск лейтенантов, затем вступительные экзамены абитуриентов и новый учебный год.

– Нынешняя специализация у войсковых вузов одинаковая, все готовят командиров взводов с дипломом юриста. Исключением является Пермский институт. Но в Санкт-Петербурге сильны традиции подготовки офицеров по работе с личным составом. В Новосибирске куют кадры для отрядов специального назначения. Есть ли своя изюминка у вас?

– Наши выпускники одинаково успешно служат во всех воинских частях внутренних войск. Независимо от их специализации. А изюминка такова: саратовцев высоко ценят даже в Президентском полку. Сегодня девять выпускников нашего института проходят службу на различных командирских долж-

ностях в этой знаменитой воинской части. Из числа выпускников этого года туда отобрали ещё троих кандидатов. Как понимаете, попасть в такую воинскую часть весьма не просто. А раз наших лейтенантов и туда с удовольствием берут, значит, и к службе в войсках они подготовлены.

– На каких традициях сегодня воспитывают курсантов Саратовского института?

– Во главу угла мы ставим воспитание безаветной преданности и верности своей Отчизне. При поступлении в институт говорим абитуриентам прямо: внутренние войска – войска воюющие. Наши выпускники прошли через все горячие точки бывшего СССР. Сегодня они участвуют в контртеррористических мероприятиях на Северном Кавказе, выполняют непростые служебно-боевые задачи по охране общественного порядка и важных государственных объектов.

– В прошлом году на военном совете дважды рассматривался вопрос о подготовке кадров в военных институтах внутренних войск. И оба раза было отмечено, что военная подготовка молодых офицеров хромает. В чем, на ваш взгляд, причина такого положения дел? Как в Саратовском институте подтягивают до необходимого войскам уровня военную составляющую обучения курсантов?

– Сложно ответить однозначно. Не будем забывать, что сегодня мы готовим офицеров с дипломом юриста. И на военные дисциплины планируется пятьдесят шесть процентов учебного времени, включая стажировки. Остальные часы отведены блоку юридических дисциплин. Иначе нельзя: госстандарт! Так что, с одной стороны, в нашем институте курсанту дают все необходимые знания, прививают начальные навыки для успешной службы в подразделениях внутренних войск. Учебный процесс организован в соответствии с утвержденными программами и указаниями вышестоящего командования. Но с другой стороны, военно-профессиональная подготовка наших выпускников по объективным причинам слабее, чем у курсантов пятнадцатилетней давности. Хотя если быть до конца объективным, то ни один институт или академия не может на сто процентов подготовить слушателя или курсанта ко всему, с чем ему предстоит столкнуться в войсках. Очень важно, к какому командиру и в какое подразделение попадет наш выпускник, под чьим руководством будет проходить его офицерское становление.

Мы же делаем всё возможное, чтобы лейтенант, придя в войска, имел тот необходимый минимальный набор знаний и первичных навыков, которые станут фундаментом для его дальнейшего профессионального роста.

Юриспруденция юриспруденцией, но нам нужно готовить курсантов к предстоящей службе именно в войсках. А значит, наш выпускник должен уметь стрелять, водить боевую технику, самостоятельно проводить занятия, обладать достаточными командирскими и педагогическими навыками. Иного пути у нас нет.

Повторюсь: для овладения всеми этими премудростями в институте имеется достаточная учебно-материальная база: полностью оборудованное войсковое стрельбище, тактическое поле и бронедром для выполнения учебных упражнений вождения БМП и БТР. Укомплектованность институтского парка бронетехникой за последние годы достигла почти ста процентов от штатной численности. Оборудованы специализированные классы технической подготовки бронетранспортёров и боевых машин пехоты к боевому применению, в которых курсанты учатся водить БТРы и БМП. Единственная проблема: пока не можем построить директрису для боевой стрельбы из вооружения БМП-2. Проект находится в стадии согласования. Думаю, Главкомат наше стремление поддержит, а местные власти выделят необходимую территорию.

– **Сколько стажировок проходит курсант за время обучения в институте?**
– В соответствии с учебным планом три: одну юридическую, в орга-

новится офицером. По каким причинам чаще всего недотягивают до лейтенантских звёзд воспитанники вашего института?

– Мы провели подробный анализ причин, по которым отчисляются наши курсанты. И вот на какую закономерность вышли: за предыдущие пять лет самый большой процент отчисляемых среди уроженцев города Саратова и Саратовской области! Из трёхсот шестидесяти местных абитуриентов, поступивших в институт, в последующем отчислено около сорока четырех процентов. То есть эти курсанты поступали в военный вуз, заранее не собираясь становиться офицерами! Просто хотели пройти военную службу рядом с домом, а затем, взяв справку о неполном высшем образовании, восстановиться в любом гражданском вузе на юридическом факультете. Среди курсантов, приехавших из других регионов, доля отчисленных не превышает двенадцати процентов. Как правило, это молодые люди, разочаровавшиеся в выборе профессии, не справляющиеся с учебной программой или физическими нагрузками, комиссованные по состоянию здоровья или же исключённые за нарушения воинской дисциплины.

– **Соответствует ли, на ваш взгляд, уровень квалификации командиров курсантских подразделений и профессорско-преподавательского состава института задачам качественного подготовки будущего офицерского корпуса внутренних войск?**

– Ещё недавно многие наши командиры подразделений и преподаватели не то что не имели боевого опыта, а даже не служили в войсках, оставаясь в институте сразу после выпуска. Нам пришлось это дело поправить. Теперь большинством курсантских рот и батальонов командуют офицеры с солидным боевым и служебным опытом. Согласно требованиям главнокомандующего, сейчас на высшестоящие должности на военных кафедрах и в управлении института выдвигаются офицеры, понюхавшие порохов.

Но есть одна проблема: если на юридических кафедрах у нас всё нормально и с кадрами, и научным потенциалом, то на военных не всё так гладко. Для получения учёного звания преподаватели поступают в военные адъюнктуры в Москве. Но назад они, как правило, уже не возвращаются. Хотя и эта удручающая «традиция» в последнее время начинает ломаться: совсем недавно из столицы вернулся подполковник Эдуард Барсуков, защитивший диссертацию и ставший вторым кандидатом военных наук в институте. Между прочим, это наше достижение: двух кандидатов военных наук в других вузах внутренних войск

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Подготовка кадров

нет. Командование всячески поддерживает офицеров, стремящихся к учёбе и получению учёного звания. Сейчас на заочных отделениях различных военных адъюнктур обучаются девять наших офицеров.

В институте работают десять докторов и тридцать шесть кандидатов наук. Шестнадцать человек имеют учёное звание профессора, тридцать семь – доцента. В прошлом году были защищены две диссертации, в этом – ещё три. При институте действует адъюнктура, где проходит обучение четырнадцать слушателей по специальности «теория и методика профессионального образования».

– **Как организовано взаимодействие института с войсками?**

– Мы сотрудничаем весьма тесно. Буквально накануне юбилея наш четвёртый курс возвратился после стажировки в воинских частях ОДОНа, Московского и Привол-

душ наших офицеров и преподавателей.

– **Какие социальные проблемы волнуют коллектив института?**

– Основная проблема – жилищная. В очереди на получение жилья стоит сто тринадцать человек. В этом году Главкомат выделил нам денежные средства для приобретения пятнадцати квартир. В управлении расквартирования и строительства ГКВВ прорабатывается вопрос о заключении договоров на участие в долевом строительстве ещё пятидесяти девяти квартир. Если удастся найти пути его решения, очередь значительно сократится.

Размер денежного довольствия наших офицеров считается средним по Саратовской области. Конечно, хотелось бы больше, но это от нашего желания не зависит.

– **Что бы вы хотели пожелать ветеранам училища и институ-**

жского округов внутренних войск. Офицеры ГКВВ, управления Приволжского округа и отряда специального назначения постоянно проводят занятия с нашими курсантами. Участвуют в них и офицеры, прибывающие на действующие при институте курсы усовершенствования. Из частей к нам регулярно поступают отзывы о наших выпускниках. Большинство из них положительные.

А на одном из военных советов командир ОДОНа с трибуны прямо заявил, что выпускники Саратовского и Новосибирского военных институтов служат лучше других. Такие слова дорогого стоят и греют

та, офицерам, преподавателям, курсантам в канун юбилея?

– Счастья, успехов в службе, крепкого здоровья и долголетия! И самое главное – здорового оптимизма. Посудите сами, за последние годы немало сделано для улучшения жизни военнослужащих и ветеранов военной службы. Моя же задача, как начальника военного института, создать такие условия для работы, чтобы офицеры спешили на службу с хорошим настроением.

★
**Подполковник
Николай ПЕТЕЛИН**
Фото автора и из архива
военного института

СЛУЖИТЬ БУДЕМ ВМЕСТЕ!

— Рота, подъём! — Зычная команда дневального обрывает сладкий сон парней, заставляя их выпрыгивать из своих уже лейтенантских грёз в привычный распорядок курсантской жизни выпускного курса Саратовского военного института. В мгновение ока сотня крепких юношей облачается в спортивную форму и выбегает на утреннюю физическую зарядку. Сегодня по плану кросс. Придётся попотеть.

Возглавляя подчинённых, легко перепрыгивая широкие весенние лужи, навстречу расцветающей багряной заре бежит заместитель командира взвода старший сержант Дмитрий Городилин — один из лучших курсантов роты и в учёбе, и в спорте. Родословная обязывает: и дед, и отец Дмитрия — бывшие офицеры-ракетчики. А он продолжатель семейной династии.

— Мы, дети офицеров, не просто росли в военных гарнизонах, — охотно делится своими воспоминаниями без пятидесяти дней лейтенант. — Вся царящая в них атмосфера была пропитана духом уважения к нелёгкой ратной службе. Ещё на гражданке я активно занимался спортом, так как знал известную в наших краях шутку: «Курсант Саратовского института должен стрелять, как ковбой, а бегать, как его лошадь».

...Трижды обжевав периметр своей альма-матер, вспотевшие парни направляются в роту. Скоро построение на завтрак. Затем развод на занятия. Учебная программа выпускного курса весьма насыщена. Курсанты готовятся к защите дипломных работ, тщательно переписывая их от руки. Этакая вынужденная мера защиты от бездумного скачивания готовых работ из Интернета.

Заканчивается пятый год учёбы. Уже пройдены две войсковые и одна юридическая стажировки, во время которых кандидат на золотую медаль Дмитрий Городилин многое переосмыслил.

— Во время стажировки в отдельной бригаде оперативного назначения Приволжского округа внутренних войск увидел, как водят бронетехнику офицеры и прапорщики подразделений, вернувшихся из Чечни, — с восторгом вспоминает старший сержант Городилин. — Такого опыта вождения в институте не получишь! За годы учёбы мне довелось водить БТР и БМП в общей сложности десять раз. Так что теперь не упускаю возможности потренироваться на тренажёре...

Время в аудитории летит незаметно. Построение на приём пищи. После сытного обеда — перекур. Затем самостоятельная подготовка.

Поздним вечером Дмитрий покидает территорию института, торопясь к своей молодой жене. Хотя с Дашей они знакомы давно, более шести лет, решились на ответственный шаг всего полгода назад. Теперь молодая семья снимает комнату в общежитии рядом с институтом. Дарья — обаятельная и образованная современная женщина. Имея диплом лингвиста-преподавателя английского языка, получает второе высшее образование, экономическое. После свадьбы, чтобы быть ближе к любимому человеку, она переехала из Самары в Саратов, оставив работу стилиста-визажиста на телевидении.

— Многие подруги не понимали моего выбора, — рассказывает жена будущего офицера. — Прожужжали все уши: «Эта профессия теперь неprestижна, зарплата маленькая, с жильём вечные проблемы. Служат у чёрта на куличках, да ещё по горячим точкам мотаются. Зачем тебе жизнь жены декабриста?» Но я так не считаю. Мой муж — настоящий мужчина, защитник. Надёжное плечо, на которое можно опереться в трудную минуту. А ещё он умный, сильный, образованный. Я за ним как за каменной стеной. А к предстоящим семейным трудностям и бытовым неурядицам я давно

готова. Мой папа тоже военный. Вместе с ним наша семья моталась по разным гарнизонам. Полжизни ютились в общежитиях...

Даша и Дмитрий с оптимизмом смотрят в завтрашний день, ожидая выпускных экзаменов и распределения к первому месту службы. Их совместной службы! И где бы оно ни было, ясно одно: у этой замечательной пары впереди яркая, интересная, хотя и не безоблачная жизнь, посвящённая службе. Службе в восках правопорядка.

★
Подполковник
Николай ПЕТЕЛИН
Фото автора

С ВОЙСКАМИ ОН ПОЗНАКОМИЛСЯ РАНЬШЕ,
ЧЕМ ПОШЁЛ В ШКОЛУ

Большинство лейтенантов, впервые пересекающих КПП воинской части, в которой начинается их офицерская служба, мечтают через какое-то время пройти через те же ворота, но уже в статусе командира полка.

Мечтают, очевидно, многие. Только вот удаётся это единицам...

СЫН ОТЦА СВОЕГО

Когда в 1990 году на плечах выпускника Саратовского высшего военного Краснознамённого командного училища Геннадия Овчинникова засверкало золото лейтенантских погон, глаза его отца светились от счастья и гордости: ровно двадцать лет назад Валентин Васильевич и сам стоял на том же плацу, ставшем для него стартовой площадкой в офицерскую жизнь. И вот теперь по его стопам отправляется наследник. Военная служба становится их семейным делом!

— Если честно, то иной судьбы, иной профессии себе никогда не представлял и не желал. Можно сказать, что служить, а точнее — прибавляться к службе во внутренних войсках я начал раньше, чем пошёл в школу. — Лёгкая улыбка пробегает по лицу Геннадия Валентиновича при воспоминаниях о детстве. — Семья жила тогда в посёлке Сельцо Брянской об-

И всё же среди прочих должность командира роты я бы выделил особо. Это даже не ступенька, это... плацдарм для дальнейшего роста офицера. Закрепится он на нём, удержится, накопит силёнок для следующего движения вперёд — всё, считайте, что как командир он процентов на восемьдесят сформировался. Потом главное — не растерять приобретённое...

ласти, где отец командовал взводом, а затем ротой в батальоне, охранявшем важный государственный объект. Он целыми днями пропадал на службе. И практически каждые выходные забирал меня с собой. Потом, когда я уже пошёл в школу, мы с друзьями всё свободное время проводили в подразделениях, в спортивном городке или на стрельбище: подтягивались и бегали вместе с солдатами, стреляли, когда это разрешалось, присутствовали на занятиях, с интересом наблюдая со стороны за всем происходящим. Так что методику проведения инструктажа караула я усвоил раньше, чем законы Ньютона...

В небольшом посёлке, где всё население так или иначе было связано с

объектом, отношение к людям в военной форме, его охранявшим, и особенно к офицерам, было подчеркнуто уважительное. Что тоже сыграло не последнюю роль в выборе профессии Овчинниковым-младшим. Но определяющее значение, конечно же, имел для Геннадия Валентиновича пример отца. Всегда подтянут, в отутюженной форме, в начищенной до блеска обуви, внутренне собран, неизменно выдержан и доброжелателен в общении со всеми, он являл собой образец офицера. Не довелось видеть Овчинникова-младшего раньше, но при нашем первом знакомстве достаточно

лет не устарела. Более того, Геннадий Валентинович «по большому секрету» признался, что, уже став комбатом да и приняв полк, порой доставал из сейфа отцовские тетради как учебное пособие для своих взводных и ротных командиров.

«ВЫПЬЕМ ЗА ТЕХ, КТО КОМАНДОВАЛ РОТАМИ...»

После выпуска из училища он принял взвод в одном из полков саровской дивизии. Был заместителем командира и командиром роты, началь-

ником штаба учебного батальона. Закончив Военную академию имени М.В.Фрунзе, вернулся в своё родное соединение, чтобы принять батальон. Затем служил заместителем командира полка, начальником штаба и командиром отдельной воинской части в Подмоскowie. И только потом получил предложение возглавить полк. Тот самый, где начиналась его лейтенантская служба.

— Каждая из должностей, а особенно командирских, требует от офицера полной самоотдачи. Каждая многому учит. И всё же среди прочих должность командира роты я бы выделил особо. Это даже не ступенька, это... — Геннадий Валентинович на секунду задумался, подыскивая нужное слово, — плацдарм для дальнейшего роста офицера. Закрепится он на нём, удержится, накопит силёнок для следующего движения вперёд — всё, считайте, что как командир он процентов на восемьдесят сформировался. Потом главное — не растерять приобретённое...

Комполка знает, о чем говорит. И на вопрос: «Что лично ему дало ко-

мандование ротой?" – уверенно отвечает: "Практически все!".

Прежде всего понимание, что становление любого офицера частей по охране ВГО начинается с досконального изучения организации службы на порученном участке. Сколько раз ему, ещё молодому лейтенанту, заступившему со своим взводом в караул, ротный подбрасывал внезапные вводные и устраивал внеплановые проверки боеготовности! А потом лично в любую погоду, время года и суток водил за собой по постам, проверяя, где заняли оборону караульные отдыхающих и бодрствующих смен, где выставлено усиление, правильно ли заняты рубежи блокирования. Причём тут же сверяя всё это с

Есть и ещё одна специфичная сторона у этой непростой службы, которую нельзя не учитывать. Морально-психологическая подготовка военнослужащих СМВЧ, частей оперативного назначения или бойцов спецназа ориентирована преимущественно на "ведение разговора" со злоумышленниками, правонарушителями или откровенными преступниками. А вот солдатам частей по охране ВГО в абсолютном большинстве случаев приходится общаться с добропорядочными гражданами. Более того, через КПП на объектах, где они несут службу, нередко следуют академики, доктора и кандидаты наук, лауреаты всевозможных премий, мастеровой люд высочайшей квалификации. Одним

командиры, все уже носят погоны с двумя просветами. О чем полковник Овчинников говорит с нескрываемой гордостью.

Для офицера частей по охране ВГО должностная командира роты – это ещё и первый опыт общения с администрацией объекта, без которого его дальнейшая успешная служба тоже немислима. И уж, конечно, только тот, кто "посидел на этой сковородке", в полной мере на себе ощутил, что такое ведение ротного хозяйства и материальная ответственность!

– По сути, роты – это тот же полк, только в миниатюре, – говорит Геннадий Валентинович. – Должность начальника штаба батальона научила меня работе с документами, организации занятий с офицерами управленческого звена. Учёба в академии пополнила запас знаний, которых больше нигде не приобретёшь, без которых дальнейший профессиональный рост офицера просто невозможен. Не сможет он, как бы усилен ни занимался самостоятельно, без академического образования грамотно организовать штабную тренировку, тактическое учение с батальоном или полком. Не сможет! Период командования "периметровым" батальоном, который я принял после академии, тоже открыл много новых особенностей в организации службы по охране ЗАТО, о которых, служа в "объектовых" и учебных подразделениях, не догадывался или знал понаслышке, весьма поверхностно. В общем, каждая должность учила чему-то новому. Но рота... – Комполка делает долгую паузу. – Это настоящая командирская школа!

И ПРИКАЖЕТ, И ПОДСКАЖЕТ, И НАУЧИТ, И НАПРАВИТ

Командиром воинской части Геннадий Валентинович стал в тридцать один год. Правда, тогда это был ещё не полк, а отдельный батальон. Но всё же самостоятельная войсковая единица, совершенно новый воинский коллектив. А если учесть, что все заместители и большинство офицеров управления этой части были старше своего командира, то станет понятно, что новоиспечённому комбату поначалу пришлось тяжёловато.

– Не скажу, что решение возглавить воинскую часть далось мне без колебаний. Да, служебный опыт имелся, академия за плечами. Но всю предыдущую службу надо мной всегда

был командир, который и прикажет, и подскажет, и научит, и... направит, если что не так пойдёт. – Четвёртый глагол, уже готовый сорваться с языка и лечь в рифму с первыми тремя, полковник Овчинников заменил другим, более подходящим, по его мнению, для определения одной из сторон деятельности командира. – В общем, выполнять чужую волю всегда легче, чем заставлять сотни людей подчиняться своей. И нести ответственность буквально за всё.

Так что сомнения были. Но, в первых, я и раньше никогда не отказывался от предлагаемых должностей. Да и не принято это в офицерской среде. Какой тогда смысл носить погоны и связывать свою жизнь с военной службой, если на полпути начнёшь прятаться от ответственности? А во-вторых, сказалась упёртость моего характера. Именно упёртость, а не упрямство. Решил для себя раз и навсегда: справлюсь! Значит, обратного хода нет. Хотя шишек поначалу себе понабыва-а-а...

А когда "шишки" прошли и вчерашний "академик" доказал, что прочно встал на ноги, ему доверили полк. Тот самый, в который он когда-то пришел зелёным лейтенантом. И в который теперь ему действительно предстояло отвечать за всё.

Прежде всего – за качественную подготовку своих подчинённых. Чтобы постоянно поддерживать её на должном уровне, было решено внести новизну в организацию занятий по боевой подготовке, придать им большую динамичность и соревновательный дух. На какое-то время все подразделения полка стали "экспериментальными лабораториями".

Ещё со времен школы и летних лагерей многие знают, что такое комплексная эстафета. Тот же принцип и был положен в основу новой методики, по которой стали обучать не только отдельные военнослужащих, но и целые подразделения. Из сборника нормативов выбрали несколько упражнений по различным предметам обучения, выполнение которых можно было бы объединить в один динамичный ряд. И начинали их выполнять.

Например, командир взвода, следующий этой методике, за пятнадцать минут отрабатывает со своими солдатами пять-семь нормативов: разбег на три команды-отделения, соревнуясь друг с другом и секундометром, его бойцы последовательно разбирают и собирают автомат, надевают и снимают ОЗК, бегут стометров-

ку, подтягиваются. Так же комплексно отрабатываются нормативы в звене взвод – караул: подразделение поднимается "в ружьё", совершает маршбросок на один километр, выполняет норматив по подносу боеприпасов на поле боя (переползание с ящиками) и сразу же после этого – по надеванию ОЗК. Двадцать минут – взвод отрабатал четыре норматива. Аналогично организуется по новой методике учёба в звене рота – дежурное подразделение: подъём по тревоге, выдвижение на посадочную площадку, посадка личного состава в автотранспорт и высадка из него, совершение маршброска, блокирование участка местности. За сорок минут подразделение в полном составе выполняет пять нормативов.

Когда новая методика была обкатана в полку Овчинникова и стала приносить свои плоды, её продемонстрировали на сборе всем офицерам дивизии и настоятельно рекомендовали взять на вооружение.

Однако комполка думает не только о том, как лучше обучить подчинённых всем премудростям ратного ремесла. Но и о том, как заинтересовать солдата и сержанта службой. Достойно внимания ещё одно новшество, внедрённое в подразделениях полковника Овчинникова. Сам Геннадий Валентинович называет его "личной рейтинговой книжкой военнослужащего".

У любого солдата и сержанта полка есть при себе блокнот, в котором ему выставляются баллы за каждое удачное действие во время занятий или несение службы: задержание нарушителя пропускного режима, предотвращение пожара, выполнение тех же нормативов на "отлично", оказание помощи сослуживцу и т.п. За неудачные действия баллы вычитаются. В ту же книжечку выставляются оценки по предметам обучения.

Таким образом, отношение к службе и успехи в ней каждого бойца всегда на виду, постоянно известны и командиру, и сослуживцам, и самому воину. Когда в конце недели или месяца наступает пора подведения итогов, всё "прозрачно" и сразу ясно, кто как потрудились за отчётный период. И ни у кого не возникает вопросов: почему одним увольняют, культпоходы, благодарности, грамоты и знаки "За отличие в службе", а другим, извините, пост дневального или кухонный наряд в выходные и праздники. Сумма показателей каждого военнослужащего определяет и место подразделения в це-

лом. А значит, каждому в отдельности прививается ответственность за коллектив, а в коллективе – заинтересованность всех в успехах каждого. Согласитесь, неплохо придумано!

И с дирекцией, и с отделом режима охраняемого объекта сумел Геннадий Валентинович выстроить плодотворные отношения, найти полное взаимопонимание во всех вопросах, касающихся организации службы. Тесное сотрудничество помогает комполке использовать возможности администрации и в воспитательном процессе: одно дело, когда солдатам о важности возложенных на них задач говорят их командиры и начальники, то есть те, кому это в общем-то положено делать. И совсем по-другому бойцы воспринимают те же слова, но сказанные директором охраняемого предприятия, академиком или делегатом работников завода. Волей-неволей солдаты начинают осознавать, что несут службу воистину государственного значения.

"Служить у Овчинникова нелегко, но интересно" – так сказал один из подчинённых Геннадия Валентиновича. И пояснил: нелегко, потому что командир части досконально разбирается во всём, что касается службы, и требует того же от всех офицеров и сержантов, кто его окружает. А интересно, потому что сам постоянно ищет что-то новое, всегда готов по достоинству оценить инициативу других, заметить и поощрить старательных и усердных.

За весь прошлый год в воинской части, которой командует Геннадий Валентинович, не было ни одного случая неуставных отношений. А офицерский коллектив полка славится на всю дивизию своей спайкой. Есть тому весьма красноречивое подтверждение, на которое многие в дивизии обратили внимание: вскоре после того, как Овчинников возглавил полк, из него перестали уходить офицеры и прапорщики. А сейчас туда стремятся перевестись из других частей соединения.

И это, наверное, лучше всего характеризует полковника Геннадия Валентиновича Овчинникова – командира полка, который сроднился с внутренними войсками раньше, чем переступил порог школы.

★
Полковник
Игорь СОФРОНОВ

Фото автора и из архива воинской части полковника Геннадия ОВЧИННИКОВА

планом охраны и обороны объекта. И недовольно качал головой, если кто-либо из бойцов находился всего в паре метров от места, обозначенного на том плане. Так учил взводного Овчинникова, так он сам учил своих солдат и офицеров, когда принял роту.

Умение работать с людьми, начальные навыки педагога и психолога тоже приобретены полковником на этой ключевой должности. Что ни говорите, а постоянное пребывание вблизи ядерно-опасных объектов, степень их секретности давят на психику солдата. Добавьте к этому службу, не балующую разнообразием. И поймёте, как не просто ротному в этих условиях добиться от подчинённых ежедневной собранности, скрупулёзного и педантичного выполнения служебных обязанностей.

словом, научная и техническая элита страны. Значит, и внешний вид наших военнослужащих, и умение себя вести должны быть соответствующие. И это следовало помнить ротному командиру! Безусловно, вместе со взводными, обучение и воспитание которых тоже его прямая обязанность. Какие качества командир роты Геннадий Овчинников ставил во главу угла? Первое и основное требование – личная примерность офицера. Никогда не терпел рядом с собой и в своём подчинении "молотобойцев", пытавшихся строить свой командирский авторитет с помощью лужёной глотки и зуботычин. Такие у него в роте долго не задерживались. Зато те, кто вписались в коллектив, созданный в своё время Геннадием Валентиновичем, и прошли в нём школу офицерского становления, все состоялись как

Сов. Секретно
РАСЕКРЕЧЕНО

Саровские леса — места дивные: намоленные и чудотворные, легендарные и загадочные. Здесь обрелся затворник и провидец преподобный Серафим — один из самых почитаемых в православном мире святых. Здесь творили всемирно известные физики-ядерщики, выдающиеся организаторы и руководители оборонной промышленности, целая плеяда (26!) Героев Социалистического Труда, из них пятеро — трижды Героев: Н.Л.Духов, А.Д.Сахаров, Я.Б.Зельдович, Ю.Б.Харитон и К.И.Щёлкин.

Саров, Арзамас-16, Арзамас-75, Кремлёв, «Москва, Центр-300» — и это всё о нём.

СВЯТАЯ РУСЬ ЗА ЯДЕРНЫМ ЩИТОМ

Сегодня, в век урбанизации, расхожим стал термин «градообразующее предприятие» — ядро, основа, некий центр, дающий работу, кров, прокорм, обеспечивающий материальное (и, увы, не везде, — духовно наполненное) существование местного населения.

В городе Сарове именно Центром — Российским федеральным ядерным центром — называется Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики. Эта заковыристая аббревиатура — РФЯЦ-ВНИИЭФ — в закрытом и далеко не для всех доступном городе стала привычной. Так же, как понятия «режим», «охрана», которые здесь воспринимаются обыденно легко, в которые здесь никто не вкладывает какой бы то ни было негативный смысл.

Даже с приходом пресловутой «эпохи гласности», когда снимали в перестроечном раже, где надо и где никак нельзя, грифы разной степени секретности, история и жизнь Сарова и здешних горожан широкой публике известна лишь в общих чертах, либо в мелких частностях, вряд ли интересных многим.

Читателям нашего войскового журнала сегодня предлагаем подборку материалов, подготовленных в преддверии 60-летнего юбилея 94-й ордена Красной Звезды дивизии внутренних войск МВД России, военнослужащие которой все эти шесть десятилетий дено и нощно (в буквальном смысле, без секундного перерыва) стоят на охране таких научных, военных, государственных секретов, выше которых просто не существует.

Создание отечественного ядерного оружия — эпохальная задача, над решением которой трудились и трудятся тысячи умнейших учёных, мастеровитых производственников, самоотверженных военных. Наши внутренние войска самым непосредственным образом всегда были причастны к созданию ядерного щита Отечества. «Наша дивизия» — говорят в Сарове с гордостью и теплотой о людях, на плечах которых лежит ответственность за безопасность города, страны и всего мира. Особая жизнь Сарова, его уникальная атмосфера, нормы и правила, утвердившиеся с годами, его традиции и менталитет заслуживают изучения, осмысления, описания...

МВД СССР — могучее (теперь принято говорить — силовое) ведомство всесильного Л.П.Берия — обеспечивало невиданный доселе проект «от» и «до», от первого колышка секретного КБ-11, созданного на базе заурядного заводика в Сарове в первом послевоенном году, до «часа X» — 29 августа 1949 года, когда в присутствии самого Лаврентия Павловича на Семипалатинском полигоне была испытана первая советская атомная бомба и раздалась ликующие возгласы её создателей: «Есть! Получилось! Вышло!». Этому экстраординарному событию предшествовали годы неустанный труда...

25 апреля 1946 года, в Пасхальное воскресенье, на железнодорожной станции Шатки (будущий Арзамас-16 некоторое время кодировался ещё и как «Шатки-1») разгрузилась большая группа офицеров МВД. Строительство «Объекта» вело стройуправление №880 МВД СССР во главе с подполковником А.С. Пономарёвым. Его заместителем по спецконтингенту (тысячи осуждённых работали здесь до полного «закрытия» города) был подполковник И.С. Голов. Строились лаборатории, цеха, жильё. Наши трудяги-конвойники внесли свой вклад в важнейшее для страны дело.

По мере «обрисовки» объекта самой насущной задачей становится охрана огромной территории — то была часть Мордовского заповедника и Горьковской области. Воинские части по охране важных государственных объектов (по-другому — спецчасти, «спецы») создавались всерьёз и надолго. Характер и цели предстоящей научно-производственной деятельности подлежали полному засекречиванию.

Границы объекта существовали пока только на карте, разведка местности была проведена весьма приблизительно. Нужно было учесть и ещё одно немаловажное обстоятельство. Саровский монастырь был закрыт, в значительной степени разру-

17 февраля 1947 года постановлением Совмина №297-130, подписанным И.В.Сталиным, КБ-11 было отнесено к особо секретным режимным предприятиям с превращением его территории в закрытую зону. Обеспечить это было не так-то просто.

К тому времени внутри периметра зоны располагалось семь населённых пунктов — сам рабочий посёлок,

шен (как выяснилось, его кирпичные постройки оказались самыми надёжными — здесь разместились некоторые подразделения «Объекта»), но оставался заветной целью тысяч паломников, стекавшихся издалека, чтобы помолиться в обители преподобного Серафима, испить живой воды из здешних источников.

Предстояло оградить огромную территорию с периметром в 56,4 километра, причём «Объект» постоянно развивался. Режим охраны территории зоны должен был вступить в действие с 1 мая 1947 года. 365-й полк внутренних войск под командованием подполковника С.Е.Гончарова состоял пока из трёх батальонов и мало чем отличался от других частей внутренних войск. Задачи же предстояло решать уникальные — нужно было создать строго секретную зону, полностью закрытую от внешнего мира, включавшую как производство, так и жильё дома. Какое-либо ограждение на тот момент вовсе отсутствовало, а ответственность за охрану невиданного прежде объекта была огромной. Командование полка (многие офицеры прошли фронт), сознавая серьёзность проблемы, пыталось обосновать невозможность полной гарантии надёжности охраны. Кое-кто счёл это уклонением от выполнения возложенной на войска задачи.

Границы объекта существовали пока только на карте, разведка местности была проведена весьма приблизительно. Нужно было учесть и ещё одно немаловажное обстоятельство. Саровский монастырь был закрыт, в значительной степени разру-

Границы объекта существовали пока только на карте, разведка местности была проведена весьма приблизительно. Нужно было учесть и ещё одно немаловажное обстоятельство. Саровский монастырь был закрыт, в значительной степени разру-

В Совмине СССР от руководителя объекта генерал-майора П.М.Зернова пошла информация о невыполнении постановления, подписанного Сталиным. По тем временам прецедент был неслыханный, известно

чем чреватый для “строптивого” комполка. Но, как отмечают сегодня люди, знакомые с историей КВ-11 и самого секретного города СССР, куратор проекта Л.П.Берия вовсе не “рубил головы” направо и налево, но принимал чёткие волевые решения, чтобы выйти из любого прорыва.

Подполковник С.Е.Гончаров получил новое распоряжение начальника внутренних войск о принятии объекта под охрану с лагерным несением службы. А в Саров прибыла высокая комиссия. 6 июня 1947 года начальник войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог генерал-лейтенант Сироткин, заместитель начальника отдела “К” МГБ СССР полковник Свердлов, начальник КВ-11 генерал-майор Зернов, заместитель уполномоченного Совмина СССР по КВ-11 Рукавицын и командир полка подполковник Гончаров подписали акт о том, что периметр зоны ядерного объекта принят под охрану.

Тем летом 47-го форсированно прорубались просеки шириной 25 метров. Шло сооружение основного ограждения периметра, сторожевых вышек, четырёх контрольно-пропускных пунктов.

Проход через них был чётко и строго регламентирован. Все остальные дороги, подходившие к объекту, были наглухо перекрыты. Частотол запретительных табличек “Проход закрыт”, “Стоп! Запретная зона!”, “Тупик” был всюду, где можно было прежде пройти на территорию бывшего Саровского монастыря. Полностью строительство ограждений

зоны и комплекса зданий (заставы, штаб полка, казармы и пр.), предназначенных для выполнения внутренними войсками боевой задачи, было завершено в 1948 году. В начале июня 1947 года для осуществления пропускного режима была организована войсковая комендатура, которую возглавил майор И.С.Жуков, и бюро пропусков, первым начальником которого был лейтенант П.Р.Гузенко. Деятельность этих подразделений была жёстко регламентирована утверждённой генерал-майором Зерновым и генерал-лейтенантом Сироткиным “Временной инструкцией о порядке пропуска в закрытую зону объекта”.

Контроль за осуществлением режима был многоступенчатым.

Ещё в феврале 1947 года в Первом Главном управлении при Совмине СССР было утверждено “Временное положение по режиму и охране объ-

екта №550”, согласно которому начальнику объекта в целях установления твёрдой дисциплины среди всех военнослужащих боевой задачи, выполнения требований секретности предоставлялись права... командира дивизии. По сути, все проживающие в зоне КВ-11 (другие наименования: “Объект-550”, “База-112”, “Приволжская контора Главстроя СССР”, “Почтовый ящик №49, 51, 214, 975”) становились как бы “рядовыми” этой дивизии, что предполагало их неукоснительное подчинение своему командиру. Исключений в пропускном режиме не было ни для кого. Под него подпадали все, в том числе и военнослужащие, охранявшие объект.

“Зарегимленные” саровчане из числа военнослужащих дивизии — обычные люди. Более того, они много дисциплинированнее, рассудительнее, спокойнее жителей нынешних мегаполисов, где центробежные и центростремительные силы порою раздирают живого человека, электризуют его, находящегося постоянно между “плюсом” и “минусом” пресловутой цивилизации. И, безусловно, саровчане в большинстве своём заметно образованнее, культурнее, нежели обитатели российской провинции, потерявшие работу в перестроенной пертурбации, живущие в ветхом жилье, спивающиеся от безысходности, разувевшиеся в “светлом завтра”.

Назову лишь три фамилии старожилы и патриоты Сарова и нашей 94-й дивизии — в подтверждение преданности местных жителей этому благословенному “зарегимленному” краю.

Иван Семёнович Крылов — из ветеранов восточной, ему 91 год! Воевал под Москвой и Сталинградом, после

войны в числе первопроходцев осваивал “Объект”. Сегодня он продолжает, насколько позволяет здоровье, общественную работу, часто встречается с молодыми солдатами и офицерами дивизии. В Сарове ветеранов искренне уважают, привечают не только по праздникам. Дивизией своей Иван Семёнович гордится. Он твёрдо убеждён — это образец сплочённого воинского коллектива, которому под силу любые задачи.

Старший прапорщик Валентина Ивановна Литовченко более двадцати лет служит в центральном бюро пропусков. В дивизию пришла по примеру отца-сверхсрочника. Здесь познакомилась с Виктором, который служил срочную. Сегодня Виктор Васильевич работает в гражданской градообразующей “конторе” — он токарь 7-го разряда во ВНИИЭФе. В семье две дочери — студентка и школьница. Они — коренные саровчанки. Есть квартира, садовый участок. Есть мир и покой. По совокупности — счастье...

Полковник запаса Сергей Иванович Лобанов ещё полтора года назад был заместителем командира дивизии. В этом соединении прошла вся его офицерская служба. Заочно учился в адыонктуры, стал кандидатом педагогических наук. Сегодня возглавляет городской департамент образования. Заинтересованно поговорила мы с ним о военно-патриотическом воспитании допризывной молодёжи, о шесфских связях учреждений образования с дивизией. Ежегодно школьники проводят акцию “Застава” — приходит к солдатам с подарками, концертами, играют с ними в футбол. Военные помогают школам проводить “Зарницу”, сборы со старшеклассниками по программе “Основы военной службы”. Несколько офицеров запаса работают преподавателями ОБЖ в школах города.

Все наши собеседники искренне гордятся своим Саровом и своей дивизией. И город, и ядерный центр, и соединение внутренних войск развиваются в соответствии с требованиями дня. В городе недавно сдан новый драматический театр, Ледовый дворец, строится многоэтажное и коттеджное жильё. Ядерщики ведут прорывные разработки, выходят на международный уровень сотрудничества. Дивизия же, определяя приоритеты, не снижает результативность службы (в такой службе расслабляться нельзя!), наращивает ка-

чество боевой учёбы. Создано крепкое подразделение спецназа. Прошло крупномасштабное учение “Саров-2003”, в ходе которого части по охране ВГО обменялись опытом, отработали взаимодействие силовых структур по противодействию терроризму. Словом, жизнь продолжается...

Ещё одна знаковая встреча была у нас в соседнем Санаксарском монастыре, знаменитом тем, что здесь находятся мощи святого праведного воина Феодора Ушакова, адмирала флота Российского. В этой обители несёт своё послушание инок, который звялся в миру Виталием и срочную службу проходил... в саровской дивизии внутренних войск.

Служба — там, служба — здесь... Наши воины в числе многих паломников приезжают в Санаксарскую обитель, чтобы поклониться Феодору Непобедимому, светлый облик которого необычайно близок и воинству, и народу, чей пример побуждает к столь же ревностному служению военному и гражданскому, “дабы увидеть новую славу любезного Отечества”.

Возвращались из поездки в Саров, обитель атома, вполне убеждённые в том, что ничего случайного не может произойти в этих местах. Известно, что преподобный Серафим предупреждал о грозящих России опасностях, и прежде всего о “всемирной централизации всего богопротивного”. В сокровенных словах, которые в XIX веке пытались донести до государя современники, люди, близкие Серафиму Саровскому, сегодня очень отчётливо слышатся отзвуки тревожных мыслей об опасности глобализации, о нитях, связывающих богатство и политическую влияние, о странностях применения двойных стандартов, об уверенности некоторых зарубежных аналитиков в том, что “будущий мир

будет строиться против России, на обломках России и за счёт России...”

Может быть, увидев тщетные попытки достучаться до осторожных государей и радея спасти Отечество собственными трудами, сам преподобный Серафим распорядился устроить так, чтобы именно Саровская пустынь превратилась в Арзамас-16 — в кузницу оружия такой мощности и такой отрезвляющей силы, что некоторые из ранее предугаданных багряной враждебных сил уже навсегда отказались от штурма российских твердынь...

Подобное неординарное суждение было высказано диаконом Андреем Кураевым во время саровских торжеств. В прошлом году, через три века после своего рождения, был вновь открыт мужской монастырь Свято-Успенская Саровская пустынь.

И слава богу, что наша святая Русь — за ядерным щитом. Нашим ядерным щитом.

Борис КАРПОВ,
член Союза писателей России

Фото из книги
“Советский атомный проект”
(Саров, 2006) и архива дивизии

Почти полвека о Северске мало кто знал: его не отмечали на картах и все его жители обязаны были строго соблюдать режим секретности. О том, что происходит в городе, расположенном за колючей проволокой, нельзя было рассказывать. За разглашение гостайны виновных сурово наказывали. Сегодня все изменилось: город и его главное предприятие – Сибирский химический комбинат – известны далеко за пределами нашей страны, а об ассортименте продукции, изготавливаемой одним из мощнейших заводов России, можно узнать из справочника или Интернета. Другое дело, что специфика производства по-прежнему не позволяет ослабить систему безопасности, в которой главное звено – северская дивизия внутренних войск. Военнослужащие этого соединения вот уже на протяжении 55 лет являются щитом самого большого закрытого города страны.

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД МОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО

БОЛЬШОЙ ДИВИЗИИ – БОЛЬШИЕ УЧЕНИЯ

Северская дивизия – крупнейшее соединение в Сибирском округе внутренних войск. Но в середине марта её численность увеличилась ещё на сто человек. Правда, ненадолго – всего на десять дней, пока проходило учение по мобилизационной подготовке.

В КШУ были задействованы подразделения внутренних войск, специальной милиции, МЧС и Министерства обороны. Учение преследовало цель проверить боевую и мобилизационную готовность подразделений войск правопорядка, военных комиссариатов, а также частей и учреждений других силовых структур, дислоцированных в Томской области.

Согласно плану в первый день учения в один из полков дивизии прибыло около ста военнослужащих запаса – жителей Северска. Возраст разный: от 23 до “полтинника”. На КПП “призывников” встречали, проверяли и направляли в стационарный пункт приёма личного состава. Размещался он в здании гарнизонного клуба. На этом пункте “молодых” солдат подстригали, мыли, выдавали военное обмундирование, снаряжение. Здесь же “новобранцев” фотографировали, оформляли положенные им документы и вооружали.

В последующие несколько дней с запасниками проводили занятия по боевому слаживанию. Как ни странно, никто из них не противился такому глубокому погружению в армейскую жизнь. Наоборот, отнеслись к этому очень ответственно и серьёзно. Если бы подобные учения проводились в столице, то результат скорее всего был бы совершенно другим.

Хотя достоверности ради необходимо сказать, что заманили людей на сборы хитростью. В военкомате резервистов уверяли: прибыть в часть нужно лишь для галочки. Мол, придёте, вас рассадят в клуб, покажут фильм про армию и через пару часов, сказав большое спасибо, отпустят. Когда же выяснилось, что ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра домой никто не попадёт – началась паника, которую, впрочем, действующие офицеры быстро прекратили. С “партизанами”, так в народе называют призывных из запаса на военные сборы граждан,

провели беседу. Им объяснили, что на них возложена ответственная задача: участвовать в очень важном учении, руководить которым придет сам министр внутренних дел России. Так что негоже перед высоким начальством сибирякам позориться, нить и отказываться от святого ратного дела.

Представительная комиссия: начальник организационно-инспекторского управления МВД России генерал-лейтенант Виктор Ракитин, начальник организационно-мобилизационного управления ГКВВ МВД России генерал-лейтенант Константин Богданов и командующий войсками Сибирского округа внутренних войск генерал-лейтенант Александр Бутин – приехала в дивизию к завершающему этапу учения.

После доклада командира соединения генерал-майора Сергея Куценко о ходе учения и действиях дивизии по тревоге inspectирующим лицам показали, как происходит развёртывание новых подразделений, начиная со встречи резервистов на КПП и заканчивая принятием под охрану особо важного объекта – городской ТЭЦ.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ – ДОКУМЕНТЫ

Тем временем для большинства личного состава дивизии несколько дней учения протекали по обычному плану несения боевой службы. Если не считать мер усиления, предпринятых в соответствии с планом действий при чрезвычайных обстоятельствах.

Северское соединение внутренних войск охраняет периметр закрытого административно-территориального образования и объекты Сибирского химического комбината, который является градообразующим предприятием. Любой человек, входящий или въезжающий в этот закрытый город, первым делом встречается с воен-

нослужащими внутренних войск и обязан предъявить им документы, удостоверяющие личность, и пропуск.

КПП в городе несколько. Все они одинаково хорошо оснащены и оборудованы. Пассажиры и автовладельцы проходят контроль отдельно. Первых досматривают на проходной женщины-контролеры, вторых в отсеках автоКПП – солдаты срочной службы.

Желающих попасть в Северск незаконным путём достаточно. Закрытый город, как запретный плод, так и манит к себе людей. Бывали случаи, когда солдатам, досматривающим автотранспорт, предлагали деньги. Суммы называли по российским меркам огромные – до ста тысяч рублей. Но купить военнослужащего внутренних войск невозможно. Сказано, нельзя без пропуска в город попасть или без соответствующего разрешения провести что-либо, значит, нельзя.

А чего только не находят наряды на КПП в машинах, следующих в Северск. Один бывший милиционер, например, припрятал ящик с патронами от пулемёта. Его задержали и передали сотрудникам ФСБ.

На разные ухищрения идут нарушители пропускного режима. Однажды часовые нашли “лазутчика” в ящике, который гражданин вёз в багажнике автомобиля. Крышка его была забита гвоздями, а водитель доказывал, что в нём ничего существенного нет. Другого нарушителя поймали в автобусе. Он спрятался в проёме под задними сиденьями и укрылся тентом. И на что только надеялся! Даже если бы он попытался проехать среди мясных туш в холодном отсеке рефрижератора, то все равно шансов у него не было бы. Придумавшего и такой хитрый ход гражданина бдительные бойцы тоже обнаружили.

На Западе существуют опасения, что в России возможна утечка ядерно-опасных элементов с предприятий, их изготавливающих. Хочется заверить, что в Северске это просто невозможно.

Вывести из города радиоактивные вещества нелегально не удастся никому. Несколько лет назад на сквозных проездах КПП установили специальные мониторы. Как только обнаруживается превышение фоновых значений, ворота закрываются: машина в ловушке. Подобное случается иногда по два-три раза в неделю. Правда, попадают в капкан не перевозчики ядерных материалов, а люди, которым поставили изотопный укол. Чувствительная система реагирует даже на небольшое излучение.

В советские годы документы на проходной проверяли военнослужащие по призыву, сегодня времена изменились. Низкий уровень зарплат в Томской области и невозможность женщины трудоустроиться сделали военную службу по контракту довольно привлекательной и престижной для многих представительниц прекрасного пола. И это несмотря на тяжёлый рабочий график.

— Отстоять на посту 12 часов в сутки, 12-15 смен в месяц (и это без учёта занятий и постоянных учебных тревог!) трудно любой женщине, — говорит прапорщик Наталья Варнашова. — Но со временем все входит в ритм, и трудностей уже никто не замечает.

Эх, правду говорят на Руси, что наши женщины могут и коня на скаку остановить, и в горящую избу войти.

С этой точки зрения для командования соединения женский контингент очень удобен. Не секрет, что женщины более внимательны, а значит, шансов у нарушителей режима очень мало.

— Как показывает практика, — говорит комендант войсковой комендатуры капитан Юрий Григорчук, — львиная доля задержанных — «лазутчики» с поддельными документами. Некоторым гражданам почему-то лень их правильно и легально оформлять. Считают, что вправе выписать их самостоятельно. Особенно это касается временных пропусков.

Может, конечно, возникнуть вопрос, а способны ли военнослужащие-женщины остановить преступника или, хуже того, группу правонарушителей?

— Им достаточно лишь передать сигнал в караул, — говорит заместитель коменданта центральной комендатуры подполковник Александр Шкуратов. — А тревожная группа справится с любым преступником.

Впрочем, сигнал тревоги контролёр может и не подавать. Начальник караула и его помощник видят всё, что происходит на постах, через камеры видеонаблюдения. На мониторах также видны все подходы к КПП. И в случае непредвиденной ситуации тревожная группа готова немедленно прийти на помощь.

НА ГРАНИЦУ КАЖДЫЙ ДЕНЬ!

Чтобы не допустить проникновения в ЗАТО постоянных лиц, периметр города обнесён забором с колючей проволокой. Общая его протяжённость превышает 60 километров. Это расстояние поделено на сектора, которые закреплены за заставами. Самыми настоящими. С контрольно-следовой полосой, дозорами...

Район второй заставы расположен рядом с полуразрушенными цехами одного из недостроенных предприятий СХК. Как шутят военнослужащие, пейзаж напо-

минает грозненский середины 90-х годов. Особенность участка охраняемой зоны этого подразделения — технологические каналы, которые пересекают городской периметр. Для диверсантов — лаз, лучше не придумаешь. Нырнул на одной стороне — вынырнул за забором. И хотя желающих искупаться в «теплой» воде пока не находилось, видать, знают, чем это может закончиться для организма, работы у часовых меньше не становится.

— Пытаясь сократить путь, чтобы не идти до КПП, через зону лезут напролом любители зимней рыбалки, — рассказывает начальник заставы капитан Игорь Крассоткин. — Их, безусловно, задерживают и передают в соответствующие органы.

Застава — особое подразделение, со своим жизненным укладом, работающее почти в автономном режиме. Своего рода отдельный гарнизон. Всё находится в одном здании: и штаб, и спальное помещение, и столовая. Вокруг него расположены спортгородок, собачий питомник и хоздвор, где хрюкает, кудахчет и пытается ненароком боднуть незадачливого посетителя разная живность. Хозяйство здесь, кстати, одно из лучших в дивизии.

— У нас свой свинарник, огород, теплица, благодаря которым круглый год на столе все необходимые продукты, — рассказывает старшина заставы старший прапорщик Иван Назарчук. — Летом у нас жарко, бывает, до плюс 35 доходит, а зимой температура опускается до минус 40. При таких нагрузках человеку требуется очень хорошее питание. Придётся боец в казарму после смены, уставший, продрогший, а в столовой уже стол накрыт, причём приготовлено все вкусно, по-домашнему.

Созданы здесь и прекрасные условия для отдыха. Одна комната досуга чего стоит. Большой зал, с диваном, мягкими креслами и выложенным щёбнем фонтаном в центре. Водичка журчит, нервишки успокаивает. Рядом телевизор, видеоманитфон, музыкальный центр.

На службу, то есть на охрану участка, можно даже сказать границы, бойцы заступают, как говорится, через день — на ремень. Но недовольных нет. Самое страшное

наказание для солдата на заставе — перевести его в часть, дислоцированную в городе. Ещё ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь попросил об этом сам, как

правило, бойцы из других подразделений на заставу просятся.

КАРАУЛ — ЗАДАЧА БОЕВАЯ!

Лейтенант Замир Эражибов подал команду и нажал кнопку секундомера. Ожившая стрелка стремительно побежала по циферблату. Одна, две, три секунды... Отсчёт времени выполнения норматива «Караул, в ружьё!» начался. Быстрота и слаженность действий военнослужащих — вот залог успешных действий. Не прошло и минуты, как старшина Иван Головачев доложил начальнику караула о готовности подразделения. Отличный результат лишний раз подтверждает высо-

кий уровень боевой подготовки личного состава. Впрочем, что тут говорить, специфика службы заставляет быть постоянно начеку.

Каждый день на плацу дивизии проходит развод, после которого, рассеявшись по автомобилям, сотни военнослужащих отправляются заступать в караулы, на боевую службу. Именно на боевую, поскольку военнослужащие внутренних войск стоят на рубеже обороны объектов, имеющих государственное значение, от которых зависит оборонная мощь страны. И неважно, кто и с какой целью, хочет нарушить запретную зону. Это пусть выясняют компетентные органы. Главное, что нарушитель будет задержан.

Однажды в районе центральной КПП сработала сигнализация. Как и положено, группа блокирования оценила местность, а тревожная выдвинулась на поиски нарушителей. Начальник караула нёс службу не первый год и прекрасно знал все

Командир соединения
генерал-майор Сергей Куценко

подходы к объекту. Он отправил тревожную группу наперерез к стене за мостом, к тому месту, где, вероятнее всего, нарушителей могла ждать машина. И не прогадал. Солдаты задержали четырёх человек. Двое — местные, двое — из Томска, все наркоманы. Один из северских парней недавно, отбыв срок в местах не столь отдалённых, вышел на свободу. Ни паспорта, ни пропуска ещё не оформил. Решил попасть домой напролом и взял с собой товарищей, любителей острых ощущений.

Конечно, такие случаи бывают не каждый день, но стоящие на боевом посту военнослужащие северской дивизии к ним готовы.

НЕ СЛУЖБОЙ ЕДИНОЙ

Несмотря на то, что дивизия расположена далеко от горячих точек, многие ее офицеры, прапорщики и солдаты принимали участие в боевых действиях, а одна из комендатур в горной части Чеченской республики и сегодня укомплектована военнослужащими дивизии. Здесь помнят и чтят каждого, кто не вернулся из боя. В каждом карауле, на заставе есть мемориальные доски. Регулярно проводятся дни памяти.

Не забывают в Северске и про ветеранов. Они желанные гости в любом подразделении не только 9 мая и 23 февраля, но и в обычные дни.

Показатель тесного сотрудничества командования северской дивизии с администрацией города — обучение солдат в вечерней школе во время службы. Теперь те, кто был призван, имея лишь 9 классов за ду-

шой, увольняются со службы с аттестатом о среднем образовании, которое до призыва во внутренние войска получить по разным причинам не смогли.

С помощью руководства Сибирского химического комбината в соединении был открыт лазарет, оснащённый современным оборудованием.

НЕСТАРЕЮЩИЙ ЛОЗУНГ

«Бдительность — наше оружие» — девиз, начертанный на неофициальном знаке соединения, уже на протяжении более полувека является для воинов правопорядка лучшей инструкцией в служебно-боевой деятельности. Именно поэтому северское соединение внутренних войск второй год подряд занимает лидирующее в войсках место по показателям несения боевой службы и по воинской дисциплине, а среди

частей Сибирского округа ещё по техническому и тыловому обеспечению.

И, как говорит командир дивизии генерал-майор Сергей Куценко, мы сильны тем, что каждый на своём посту, от солдата до генерала, делает всё от него зависящее для выполнения поставленной задачи.

★
**Капитан
Виктор БОЛТИКОВ**
Фото автора

ЦЕНТР УСТОЙЧИВОЙ СВЯЗИ

– Как же так! Через час – операция!

– Да понимаете... – Оставшийся за комбата молодой майор стыдливо опустил глаза. – Нашего начальника связи, как назло, контузило позавчера... в госпитале он. Ещё один офицер в Моздок улетел, только завтра должен вернуться... А прапорщик и бойцы... В общем, они прикомандированные, мало что смыслят в технике...

Это была катастрофа. Выставлять заслоны, в особенности ночью, без какой-либо связи, означало конец всей операции.

Эх, если бы знать заранее, можно было бы прихватить из Ханкалы запасные радиостанции или прислать свою резервную группу. А сейчас...

И всё же Кошелев, получив благословение начальника связи полковника Александра Выдрина, решил рискнуть выправить, казалось бы, безнадежную ситуацию...

– Мещеряков! Быстро тащи из кашэмки инструмент и запасной фонарь! Иванов, настраивай станции на запасную частоту! – скомандовал Кошелев своим подчинённым.

Налаживать и разбираться в аппаратуре N-ских связистов пришлось в полной темноте, при тусклом свете карманных фонариков. Да притом на холоде, под мокрым снегом и пронизывающим ветром. Спустя полчаса, когда батальону поступила команда выдвинуться на исходные рубежи, Кошелев с бойцами уже абсолютно не чувствовали своих ооченевших рук, но связь работала.

Впрочем, времени для отдыха у военнослужащих Центрального узла связи не было – началась основная работа. Эфир заполнился голосами множества абонентов, от сержанта-контрактника, сгоронившегося в задае у подножия горы, до руководившего операцией командующего...

Замысел удался на все сто. Ваххабиты Мансура, наткнувшись на заслоны N-ского батальона, были вынуждены свернуть в распадок, где их мгновенно накрыла артиллерия. В это же время соседние подразделения внутренних войск, в десятке километров южнее, громили взятую в клещи банду Арби Хайлаева...

Сутки спустя на подведении итогов в Ханкале командующий сказал немало добрых слов в адрес всех офицеров и солдат, участвовавших в операции. Генерал отметил и военнослужащих ЦУСа, обеспечивших бесперебойную связь...

Официально датой образования ЦУСа внутренних войск считается 9 мая 1957 года. Именно тогда министр внутренних дел СССР подписал приказ о создании при Главном управлении внутренних войск узла связи. Однако ветераны подразделений считают, что история их родной части начинается 9 апреля 1942 года, когда приказом ГУВВ НКВД № 83 был сформирован узел связи внутренних войск для обеспечения ра-

диосвязью командования с частями и соединениями, принимающими участие в боевых действиях совместно с частями Красной Армии. Начальником узла связи тогда был назначен старший лейтенант Александр Усанов.

В период формирования часть размещалась на территории узла связи пограничных войск. С мая 1942 года она дислоцировалась в трех пунктах: приёмный центр – в

деревне Окатово Балашихинского района; передающий – в военном лагере близ Реутово; телеграф, экспедиция и информационная группа

– в знаменитых Покровских казармах почти в самом центре Москвы.

Пока гремела Великая Отечественная, связисты войск правопорядка обеспечивали непрерывную связь с соединениями и частями НКВД, находящимися на передовой, готовили специалистов для партизанских отрядов. С освобождением от врага нашей территории формировались новые воинские части внутренних войск как для охраны тыла действующей армии, так и для ликвидации националистического подполья в западных областях Украины, Белоруссии, Прибалтийских республиках и Молдавии. Связь с ними обеспечивали бойцы узла связи внутренних войск.

За пятнадцать лет, вплоть до мая 1957 года, узел связи неоднократно переформировывали: меняли номер, наименование, подчинённость. Однако каждый раз там оставался основной кадровый состав, по сути, лучшие специалисты внутренних войск.

Страна отметила первое десятилетие разгрома гитлеровских войск. На Украине, в Молдавии, Прибалтике были полностью ликвидированы пособники фашистов – националистическое бандподполье. Однако связистам НКВД по-прежнему хватало ответственной боевой работы.

В один из дней в эфире прозвучал позывной абонента, закреплённый за соединением, дислоцированным на Урале. Корреспондент правильно назвал все условные наименования и коды, кроме... пароля, меняющегося каждые сутки.

Дежуривший на приёме старшина сверхсрочной службы Николай Тенсин насторожился. Быть может,

9 мая
исполняется 50 лет
Центральному узлу связи
внутренних войск
МВД России.

“Духов” запеленговали под вечер.

– Арби, я Семнадцатый. Прошу помощи. – Держись. К тебе идёт Мансур. Этот короткий диалог случайно засёк обычный оператор-связист.

Установить местонахождение и личность Арби было, как говорится, делом техники. Им оказался известный полевой командир Арби Хайлаев, ближайший подручный Шамиля Басаева.

А в неведомом Мансуре разведчики группировки без труда распознали главаря отряда ваххабитов, вот уже год терроризирующего близлежащие селения.

Вот она – возможность разгромить не только отряд Хайлаева, но и соседнюю группировку Мансура...

– Мансур, как пить дать, попытается прорваться через этот распадок, а там у моих орлов все точки пристреляны. Главное, чтобы он в село не двинулся, иначе опять заложников возьмёт. Тогда по нему из “зушек” да “топылянов” уже не отработаешь. – Начальник артиллерии потёр переносицу и вновь склонился над картой.

– Тогда у села надо N-ский батальон заслоном выставить. “Душары” на него наткнутся и пойдут в обход, через тот самый распадок, – не возмущито пожал плечами начальник разведки. – В общем, можем докладывать командующему. Да и про ребят с ЦУСа нужно сказать: если б

они Арби в эфире не выловили, заслаби бы нас “духи” врасплох!

Решение о спецоперации было принято командующим Объединённой группировкой в течение часа. На место ожидаемого прорыва боевиков подтянулись резервы, были выставлены дополнительные заслоны и засады. До времени “Ч” оставалось чуть более двух часов.

Обеспечивать связь с группировкой и батальоном, перекрывавшим подступы к селу, было поручено начальнику передвижного радиопоста лейтенанту Сергею Кошелеву, откомандированному в группировку из Центрального узла связи. Однако на месте в самый последний момент выяснилось, что связь в батальоне не налажена.

кормильца семьи незаметно и как бы сама собой перешла к женщинам. Овдовевшие матери пытались компенсировать традиционное мужское воспитание излишним попечением, ненужной, порой мелочной опекой над ребёнком. Женщинам, испытывавшим жизненные трудности, хотелось оградить от них своих детей. Зачастую лишая себя самого необходимого, стремясь освободить сыновей от элементарных трудностей – домашних хлопот и простейших мужских обязанностей, – растили бедные матери, “не щадя живота своего”, граждан великой страны, будущих воинов. Но не осознавали, что с таким извращённым пониманием жертвенности, с таким подходом к воспитанию они могли вырастить только эгоистов.

МАМКИНЫ СОЛДАТЫ

Как очевидец, свидетельствую, что в послевоенные годы не редкостью были такие “картинки”: идёт женщина, одетая в драный ватник, обутая в стоптанные кирзовые сапоги, а рядом – подросток-сын, как бы сейчас сказали, “упакованный” во всё трофейное. Мамаши рассуждали так: “Если я выросла в трудностях и в бедности, то пусть хоть мой сынок поживёт в радости и достатке!” В результате появились иждивенцы, которые позже становились в армейский строй.

Ныне матери любят своих сыновей не меньше, и тоже хотят, чтобы они жили комфортно, без забот. Ради

них сутками пропадают на работе, забывая при этом нагружать своих чад домашними хлопотами. В результате те всё больше пропадают на улице и прохаживают там свои университеты. Можно ли после этого удивляться, что солдатские погоны надевают парни, не имеющие никакого понятия о личной и гражданской ответственности, о долге перед матерью и Родиной, об обязанностях перед товарищами и обществом.

Не здесь ли кроется причина столь печальной картины, которую мы наблюдаем в сегодняшней армии? Вспомнить хотя бы известное “дело” рядового Сычёва. Ведь мы ни разу – ни на страницах газет, ни по телевидению – не видели ни его отца, ни отца его обидчика – сержанта Севякова. Оба – типичные маменькины сынки, а бы сказал – мамкины солдаты.

СОЛДАТСКИЕ МАМКИ

Я приветствую создание комитетов солдатских матерей. Они необходимы нашему обществу, стремящемуся к открытости и прозрачности. Однако, к сожалению, женщины-активистки не видят истинных причин дедовщины в армии, они борются лишь с их негативными последствиями. Когда я вижу по телевизору, что очередная солдатская мать набрасывается на парламентариев, не создавших прочную законодательную базу для надёжной защиты “таких замечательных парней”, призываемых на службу,

невольно закрадывается мысль: “А почему нам ни разу не показали мать, которая бы поведала миру о том, как она воспитывала своего сына, ставшего казарменным хулиганом?” Ведь откуда-то берутся злодеи, издевающиеся над “беззащитными мальчишками”? Страшные армейские “деды” – разве они не дети тех же самых солдатских матерей? Или их нам из-за границы забрасывают?

Я с презрением отношусь к тем “мамкам”, которые распространяют различные брошюры типа “Как уклониться от армии”, вместо того чтобы вплотную заняться воспитанием собственных детей, вырастив из них нормальных мужиков, защитников Отечества, а не “дедов” и их жертв. Пока же большинство наиболее шумных и активных солдатских матерей ведут себя словно квочки, прячущие своих цыплят-сынов под крылышко от грозного ястреба-военкома. Вижу лишь один-единственный выход из этой ситуации: с раннего детства прививать каждому будущему гражданину стремление совершать благородные поступки и внутреннее отвращение к поступкам предосудительным.

“И ОТКУДА ТАКИЕ ПРимерные сыновья берутся?”

Возможно, кому-то может показаться, что я беруся утверждать, будто нормального сына трудно воспитать,

если его растит одна мать. Это не так, и я могу привести немало примеров из жизни моих хороших знакомых.

Лидия Новоселова, прервав учёбу, ушла добровольцем на фронт, была ранена. После войны с отличием окончила школу и институт. Вышла замуж, родила двух парней. Одновременно достигла высокой должности главного архитектора солидной подмосковной проектной организации. Но случилось несчастье – она овдовела. Понимая, что теперь свой крест – воспитание мальчишек-погодков – ей придётся нести одной, она решила, что должна заменить им отца, несмотря на нехватку времени. Лидя с ребятами успевала всё делать по хозяйству, а потом вместе с ними посещала тир, ходила в турпоходы, распевала песни под гитару, ночевала под открытым небом на берегу реки, а когда надо – садилась на вёсла. “Переходный период”, когда подростки теряют контакт с родителями, неполная семья преодолела успешно и без потерь – мать своим сердцем сумела уловить взросление сыновей, став им надёжным товарищем и добрым советчиком.

Другой пример – семья Лилии Кравец. Мать – учительница, допоздна засиживающаяся в школе, отец – вечно пропажающийся в командировках инженер. Тем не менее оба сына с детства приучены выполнять домашнюю работу самостоятельно. Мать поступала мудро: не возмущаясь по поводу случайно разбитой ими чашки, хотя они были наперечёт, хвалила их за произведённую уборку, а потом сама тайком устранила все недостатки. В общем, парни росли самостоятельными и всегда были чем-то заняты по дому. Однажды на родительском собрании Лилию Львовну покриковала одна из мамаш за якобы непедагогичность её методов – мол, эксплуатирует почём зря детский труд. Кто был прав, показало время. Сыновья выросли, отслужили в армии, женились. И поныне все знакомые с завистью говорят о них: “Повезло же жёнам Лилиных сыновей! И откуда такие примерные мужья берутся?”

Одно из моих самых ярких воспоминаний раннего детства: сижу по-турецки на чистой соломе под брюхом нашей кормилицы-коровы Красули, слушаю бабушкину сказку. Но не просто сижу и слушаю, а выполняю “ответственное поручение”: чтобы корова не брыкалась от укусов надоедающих мух и не опрокинула подойник, я веточкой отгоняю мух, с удоволь-

ствием вдыхая хорошо знакомый запах хлеба. Равномерно журчат струйки молока, наполняется ведро. И я знаю, что по окончании дойки я выпью кружку парного молока.

Моя бабушка любую, даже самую грязную и тяжёлую, работу всегда выполняла с неподдельной радостью, которую нутром ощущали мы, её внуки. Она всё делала с душой, всегда светилась от радости, когда могла принести пользу людям. И мы, братья-дошколята, словно повинувшись её гипнотическому воздействию, вместе с ней убрали навоз в хлев, мыли полы в доме. А позже, когда подростки, помогали отцу выполнять самую чёрную работу. В дальнейшем я трудился санитаром в инфекционном отделении горбольницы и не чувствовал безразличности к больным, потому что не смотрел на их раны, а вглядывался в лица. Я помогал им, облегчал их страдания, и это возвышало меня в моих собственных глазах.

На всю жизнь во мне осталось сочувствие к чужой беде, желание помочь нуждающимся. Уверен, что это последствие бабушкиных уроков, данных так естественно и ненавязчиво. В них заложена основа народной педагогики.

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ: “МНЕ ХОРОШО, КОГДА ВСЕМ ХОРОШО”

Приучать человека работать нужно с раннего детства. С возрастом это сделать будет сложнее, так как помимо стойкой апатии к труду у мальчишек появляется юношеский гонор, обтекаемо именуемый “трудностями переходного периода”, и гражданские права, позволяющие ему поступать по собственному разумению. А разум этот уже научился понимать, что труд – дело малопривлекательное, неблагодарное, хлопотное, и его лучше избежать. Не виноваты ли в такой логике его родители?

В городских семьях довольно часто можно наблюдать такую картину. Семейство поужинало, и отец, если он есть, поручает сыну-старшекласснику помыть посуду. “Не надо, сынок, иди учить уроки, я сама помою, – вмешивается в воспитательный процесс сердобольная мама. – Да и потом, это не мужская работа”. Установка дана и легко принята всеми сторонами: исполненная чувства долга мамаша помоет посуду, непринципиальный отец махнёт ру-

кой и уткнётся в телевизор, а самодовольный сын пойдёт “набираться ума” у компьютера.

Не трудно понять дальнейший ход событий после попадания такого юнца в воинский коллектив, где конфликты и столкновения с командирами и старослужащими будут для него неизбежны. Воспитанный в духе эгоизма, не приученный к труду молодой человек заранее обрекает себя на неприятности. Столкнувшись с тяготами и лишениями армейской жизни, где его будут преследовать большие физические нагрузки, он обречён на совершение проистекающих и даже сущих. У каждого избалованного солдата представление о радости эгоистичное: “Мне хорошо тогда, когда мне хорошо”. Девизом же с детства приученного к трудностям бойца является незамысловатое – “Мне хорошо, когда всем хорошо!”

При заполнении солдатских казарм эгоистами даже самому добросовестному командиру не под силу сделать для них службу в радость, ведь эгоистов при рассмотрении выше тенденциях становится всё больше. И здесь уже не поможет никакой офицер-воспитатель.

В наше благополучное время “общества потребителей” в большинстве семей уже стихийно и бездумно растят мальчишек, которые не отвечают традиционным представлениям о настоящем мужчине. Многие из них не только ничего не делают, но и с презрением относятся к повседневному простому труду. В результате армия, внутренние войска получают тех, кого выкормили, вырастили, но так и не воспитали самоотверженные мамы, жалостливые бабушки и безответственные отцы.

Как ни крути, но без пересмотра роли и места родителей в воспитании подрастающего поколения не обойтись. Для этого должны быть желание, сила и воля. А их, к сожалению, у нас всё меньше и меньше.

Да, Россия строит профессиональную армию, где не будет солдат-призывников. Но добровольцы-контрактники растут не в инкубаторах, их воспитывают в семьях. И понятно, из какой семьи стоит ждать хорошего воина, а из какой нет. А кто растёт в вашей семье, дорогой читатель?

★
Александр МОЗГОВОЙ,
участник Великой
Отечественной войны,
отец двоих сыновей-офицеров
и дед троих внуков-студентов

Вся моя сознательная жизнь так или иначе связана с миром печати. Самый плодотворный период приходится на работу в журнале "На боевом посту". Сотрудничество продолжается до сей поры. Потому полувековой юбилей журнала — и мой праздник. А какой праздник без воспоминаний — и о самом журнале, и о собратях по перу, и, конечно же, о себе.

ЖУРНАЛИСТИКА – СУДЬБА МОЯ

29 ноября 1957 года был создан журнал внутренних войск "На боевом посту". Его первый номер вышел в свет в январе 1958 года. Однако в 1960-м редакция была расформирована, выпуск журнала прекратился. Возродился он лишь через 10 лет, в январе 1970 года.

До "второго пришествия" журнала я пять лет числился в военно-научном отделе штаба войск и редактировал закрытый сборник. Хотя он вызывал интерес у читателей, но, конечно, не мог компенсировать отсутствие популярного периодического издания. Поэтому все эти годы я жил надеждой, что вот-вот удасться возобновить прерванный выход журнала и мне посчастливится стать членом его редакционного коллектива.

Моя надежда сбылась. Политуправление приступило к формированию штатного редакции. Ответственным секретарём сразу же был назна-

чен подполковник Владимир Васильевич Журавлёв, курировавший до того в ПУРе войсковую печать и потому хорошо знавший кадры. В те годы к руководству войсками пришли армейские генералы. И естественно, что во главе журнала они хотели видеть своего человека. Выбор пал на полковника Ивана Степановича Семиохина, возглавлявшего один из отделов журнала "Коммунист Вооружённых Сил". Его заместителем несколько позже был назначен тоже армеец полковник Фёдор Кузьмич Гавриков, ответственный секретарь журнала "Военный вестник".

Отдел боевой службы и боевой подготовки предложили возглавить мне. Я с удовольствием согласился – ведь это мой хлеб.

Мне повезло с помощниками. Один из них, Вадим Васильевич Астахин, к этому времени успел покомандовать ротой, побыть во главе дивизионной многотиражки.

Такую же школу прошёл и Евгений Александрович Григорьев – командир взвода учебной части, активный военкор дивизионной газеты, ставший затем её сотрудником.

Вполне логично и естественно определились функциональные обязанности каждого из них. Вадиму Васильевичу больше подходила проблематика боевой службы, а Евгению Александровичу – боевой выучки личного состава. Это не означало, что в случае необходимости они не могли подстраховать друг друга, взявшись за заинтересовавшую тему.

Третий наш коллега, майор Михаил Фёдорович Борисов, прибыл несколько позже. Ему тоже работы хватило. В отдел поступало много корреспонденций о жизни войск, материалов, освещавших опыт Великой Отечественной войны. И кому, как не Михаилу Фёдоровичу, прошедшему с боями до Берлина,

Герою Советского Союза, было братья за это благородное дело. Ведь опыт войны был тогда основой основ и обучения, и воспитания личного состава.

Тематическая направленность публикаций отдела определялась самой жизнью. Руководство войск требовало наведения твёрдого уставного порядка в частях и подразделениях. Журнал "На боевом посту", в том числе и наш отдел, стали активными помощниками в решении этой задачи.

Разумеется, не все наши материалы были одинаково глубоки по содержанию, интересны по форме подачи. Тут многое зависело от квалификации журналистов. К тому же не следует забывать и то, что, будучи людьми старательными, они пришли в журнал из многотиражек, основным читателем которых являлся солдат и сержант. В журнале же необходима была совсем иная глубина анализа войсковой жизни. Я понимал, что такие навыки приобретаются годами в ходе практической учёбы, во время подготовки материалов в очередной номер.

Бывало, сдал сотрудник статью и ждёт моего решения. Вижу – не всё в ней гладко. Легче всего вернуть обратно, заявив, мол, что-то тут у тебя не вытанцовывается. А что – догадывайся сам. Кстати, так и поступали иные начальники отделов, подчас не зная, что и посоветовать подчинённым. Но если молодой журналист сразу не мог справиться с порученным ему материалом, возвращая хоть десять раз на доработку, толку не будет. Не лучше ли посидеть самому над сданной тебе сыроватой статьёй, поправить, усилить аргументацию и показать на примере, как можно заставить материал зазвучать весомее. Я считал

этот путь более продуктивным. К тому же мои подчинённые – ребята смекалистые: они сразу видели промахи, сравнивая, как было и как стало. И на этом учились.

Особенно быстро усваивал науку Вадим Астахин, от природы наделённый аналитическими способностями. Уже по первым его выступлениям стало ясно: он перспективный журналист.

Евгений Григорьев был более выдержан, аккуратен. Чего ему не доставало, так это полёта мысли. Он был несколько приземлён, прагматичен. Подготовленные им материалы частенько бывали суховаты. Зато он прекрасно чертил схемы, хорошо рисовал. На штабной работе ему бы не было цены! Он и в самом деле спустя несколько лет станет нашим начальником штаба – ответственным секретарём редакции, придя на смену ушедшему в запас Журавлёву.

С первых месяцев наш отдел взял хороший темп, стал отличаться актуальностью и остротой публикуемых материалов, глубиной их разработки, разнообразием подачи. Наши лучшие работы всё чаще стали помещать на Красную доску, отмечать на редакционных летучках. Набирали силу остальные отделы. Появились интересные очерки Александра Горлова, Валерия Серединского, стихи Александра Чистякова, возглавлявшего литературный отдел. Обратили на себя внимание публикации начальника отдела партийно-политической работы Николая Седых. Отдел пропаганды во главе с Михаилом Зюзиным основную ставку делал на помощь руководителям групп политзанятий, регулярно снабжая их методическими разработками.

С самого начала у меня сложи-

лись ровные деловые отношения с главным редактором и его заместителем. Они почти не вмешивались в мои дела. Однако к стили и особенностям характеров главного и зама присматривался.

Иван Степанович внешне казался этаким рубахой-парнем, даже простаклом. Но было в нём умение: если о чём-то докладываешь ему или высказываешь просьбу, сразу не отвечал. Он откидывался на спинку поскрипывающего кресла, ногу забрасывал на ногу, а правую ладонь закладывал за левый ладкан кителя: такое впечатление, что от твоих слов у него зашевелило сердце. Так, с закинутой головой, смотрит он минуту-другую в потолок, изредка поглядывая на тебя. Потом, видимо, уловив суть дела, хмыкнет, улыбнётся или, напротив, насупит густые брови, после чего высказет суждение. А чаще пробурчит: "Надо подумать..." Опытный партизан, он всегда держал нос по ветру. Дабы быть в курсе новостей, начинал рабочий день с обхода "коридоров власти", с политуправления, где заглядывал поочерёдно почти во все кабинеты. И благодаря такой осведомлённости главного редактора, идейная направленность журнала всегда была на должном уровне.

Писать передовицы на общеполитические темы было любимым занятием Ивана Степановича. Ясное дело, что кроме политической трескотни и заверений в преданности партии в них ничего не содержалось. Но в целом наш главный уверенно вёл свои корабли.

В журнале чётко выдерживалась линия на пропаганду и внедрение передового опыта. И первое слово в этом важном деле принадлежало авторам с мест. Так как не каждый из них мог толково изложить на бу-

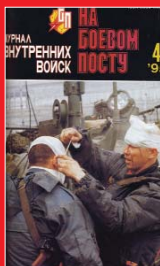
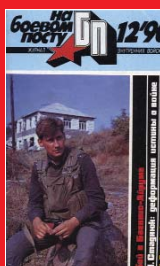
4 Отдельный батальон милиции
УВО при УВД по ЮВАО г. Москвы
приглашает на работу

Командование 4-го Отдельного батальона милиции УВО при УВД по ЮВАО г. Москвы приглашает на службу в органы внутренних дел мужчин с 18 до 35 лет, имеющих среднее и высшее образование, проживающих постоянно в Москве и Московской области, на должности милиционеров и милиционеров-водителей. Принятые на службу обеспечиваются бесплатной формой одежды, имеют стабильную заработную плату, ежегодный отпуск от 30 до 45 суток в зависимости от срока службы, оплачиваемый проезд в любую точку России 1 раз в год к месту проведения отпуска и обратно, а также возможность бесплатно получить высшее юридическое образование. Сотрудникам выдается бесконтактная карта, предоставляющая право бесплатного проезда на метрополитене по г. Москве.

По вопросам трудоустройства обращаться по адресу: г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, дом 14 (м. "Пролетарская", далее автобусом № 608 или автолайном № 223 М до остановки "Ул. 5-я Кожуховская"; "М. Кожуховская").

Телефон отдела кадров: 679-24-95; факс 679-81-34.

маге свои мысли, на выручку приходили журналисты. Убивает кто в командировку – первым пунктом в задании ему значится: организовать статью на такую-то тему, а чаще всего – две.

Но что значит организовать материал? Сообщить автору тему и ждать, когда он что-то сотворит? А у него, особенно если это командир роты, взвода, и без того достаточно дел. Вот и хватаешь за рукав потенциального автора и выматываешь расспросами. Обычно автор всего, что надо для статьи, не выскажет. Потому подобные беседы, особенно для выяснения деталей, проводишь и с другими офицерами, сержантами, солдатами. Но вот блокнот распух от записей. Пора удивляться и писать. Пишешь. Закончив, знакомишь с ней “автора”. Тот ставит подпись, и ты с облегчением вздыхаешь...

Не так обидно, если работаешь на командира низшего звена: у него зачастую не бывает ни времени, ни способностей изложить свои мысли на бумаге. Но ведь нередко приходилось писать и за офицеров штабов частей и соединений.

Со временем я заметил, что такого рода “заавторству” молодое поколение журналистов стало оказывать пассивное сопротивление. Возвращается из войск офицер,

кладёт на стол начальнику отдела свою личную статью, а то и очерк. Спрашиваешь: “А где та, которую ты обязан был в первую очередь организовать?” Отвечает не моргнув глазом: “Да я пытался, но автора срочно вызвали в штаб полка, на “большую землю”. Ждать возвращения времени не было. Вот и решил сам подготовить материал на эту тему...”

Проблема. Конечно, кому охота тратить своё время на “дядю”? Впоследствии мы стали чаще обращаться к такой форме, как интервью. Получалось интереснее и живее, и журналисту моральное удовлетворение: под материалом значится и его фамилия. Ведь, в конце концов, мы пришли в журналистику, чтобы самореализоваться. А как этого достичь, если всю жизнь пахнешь на других?..

Представляю, как современный молодой журналист, перелистывая журналы нашей такой уже далёкой поры, удивляется: ну и мудрили предшественники! Так закручивали, что порой и не разберёшь, о чём автор хотел сказать. Что ж, у каждого времени свои законы. А ты бы на моём месте как писал, если бы денно и ночью чувствовал за спиной недреманное око цензора? Имею в виду не только того, кто вычитывал полосы, сидя в Генштабе. Я говорю и о том, который постоянно находится внут-

ри меня. Этого, внедрившегося с годами в каждую клеточку моего мозга, не проведёшь. Он неотступно следит за ходом твоей мысли, и вместо того, чтобы рассказать читателям о случившемся ЧП ясно и понятно, ты начинаешь сочинять сказку: мол, “в некоторых частях иногда имеют место отдельные недостатки”. Вот так. Тогда как каждый такой недостаток стоит жизни нескольким солдатам и сержантам караула, конвоировавшие осуждённых...

И всё же я убеждён: свой внутренний цензор необходим каждому из нашей пишущей братии. Имя этому цензору – личная ответственность автора и за всё, о чём он пишет, и за культуру языка. А то иной так разукрасит речь своих героев, что, ей-богу, и не поймёшь, где происходит действие – в воинском коллективе или в шайке отпетых босых. Раскованность мысли и развязность языка – понятия отнюдь не идентичные. Но в последние годы многие журналисты стали частенько переходить эту грань.

★
**Полковник в отставке
Михаил ГОРБОВ,
заслуженный работник
культуры РСФСР,
заслуженный работник МВД**

(Окончание следует).

*Главному редактору
на боевом посту*

Мы, военнослужащие оперативных и конвойных частей внутренних войск МВД Узбекистана, обращаемся к вам с необычной на первый взгляд просьбой.

Проживая в одном ведомственном доме, мы дружим семьями, часто вместе проводим досуг: собираемся за чашкой чая, обсуждаем различные проблемы, вспоминаем былое. Многие из нас служили во внутренних войсках МВД СССР и в свое время были активными читателями войскового журнала “На боевом посту”, но после 1993 года он исчез из свободной продажи. Командование пыталось как-то компенсировать его отсутствие созданием печатного органа МВД Узбекистана, но он оказался точной копией советских, официозных изданий, и читать его попросту неинтересно. Другое дело – журнал “На боевом посту”, который мы до сих пор с теплотой вспоминаем. К сожалению, через фирмы доставки подписаться на него мы не в состоянии даже в складчину: при зарплатах в 20-30 долларов нам это не под силу. В нашей общей маленькой библиотеке остались старые номера журнала, которые мы старательно сохраняем, но они уже зачитаны до дыр.

Нам очень стыдно просить, но если есть хоть какая-то возможность получить в нашу библиотеку любые старые, ненужные, даже бракованные номера журнала начиная с 1993 года, мы будем вам очень благодарны. Для нас это – большой и ценный подарок, а для библиотеки – обретение второй жизни. Будем вам очень признательны.

По поручению сослуживцев М.В. СУХИН,
бывший военнослужащий войсковой части 6771 (г. Ленинград)

ОТ РЕДАКЦИИ

Нам очень приятно в год 50-летия журнала получать такие письма от читателей из ближнего зарубежья. Чтобы утолить информационный голод наших коллег из Узбекистана, мы подготовили и выслали в их адрес подборку номеров журнала, которые имелись у нас в наличии. Надеемся, что ожидания ветеранов мы оправдали.

Являюсь постоянным читателем вашего журнала, который мне очень нравится. В одном из номеров прочитал материалы, рассказывающие о 46-й и 102-й бригадах Северо-Кавказского округа, и у меня возникло желание продолжить службу по контракту в одной из этих частей.

Я окончил учебное подразделение в Туле, где получил воинскую специальность снайпера. Мне хотелось бы повысить свою квалификацию, стать настоящим профессионалом и заодно проверить себя на прочность в условиях, максимально приближенных к боевым. Благо здоровье позволяет.

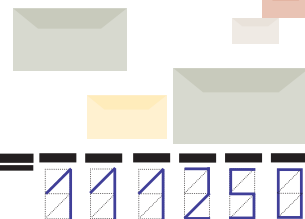
В настоящее время прохожу службу по призыву на одной из застав саровского соединения. Прошу вас сообщить мне адреса 46-й и 102-й бригад и порядок перевода для службы в них по контракту.

Рядовой Анатолий РОМАНОВ,
Приволжский округ внутренних войск

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый Анатолий, адреса указанных соединений можно получить в кадровом органе вашего полка. А заключить контракт Вы можете, либо отслужив в своей части установленный срок службы и уволившись в запас через военкомат по месту проживания, либо заключив контракт с командованием части, где проходите службу. Чтобы попасть в 46-ю или 102-ю бригаду, Вы должны обратиться с рапортом по команде на имя командира своей части с просьбой о переводе в выбранное Вами соединение. По округам периодически рассылается разнарядка, в соответствии с которой производится отбор военнослужащих для прохождения службы по контракту в различных частях, в том числе в 46-й и 102-й бригадах.

ПИСЬМА
В номер

Здравствуй, уважаемая редакция журнала “На боевом посту”!

Я ученик 10 кадетского класса школы № 23 города Кургана. Хотя наша школа и ориентирована на Курганский пограничный институт ФСБ РФ, я твердо решил поступить в Северо-Кавказский военный институт МВД России. Результаты всех экзаменов и нормативов по физу у меня положительные.

Чтение вашего журнала было бы для меня большим подспорьем в работе над собой. Подскажите, где можно достать журнал в самом Кургане, а ещё лучше – как на него подписаться. Заранее благодарен!

Артём ГАНИН,
г. Курган

ОТ РЕДАКЦИИ

Это уже не первое письмо из российской провинции, где о нашем журнале знают и хотят на него подписаться.

Ты, Артём, молодец, что после кадетской школы решил поступать именно в Северо-Кавказский институт внутренних войск. Это одно из старейших военно-учебных заведений России, и там всегда рады распахнуть двери перед любознательным и грамотным, физически развитым парнем. Так что удачи тебе, давай дерзай! Искренне хочется, чтобы ты стал офицером внутренних войск и честно служил России.

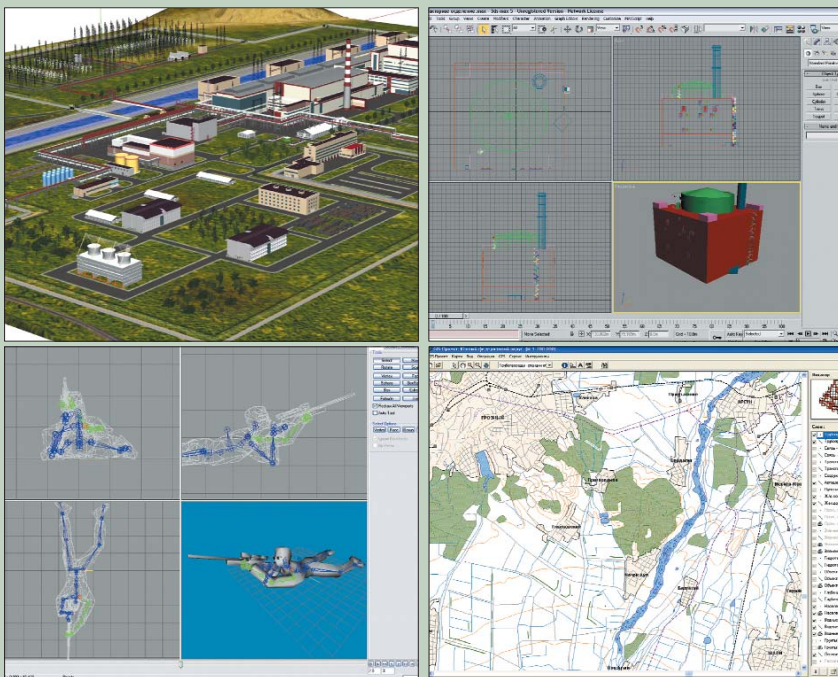
Что же касается подписки на журнал “На боевом посту”, то её можно оформить в любом отделении почтовой связи. Индекс журна-

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

111250, г. Москва,
ул. Красноказарменная, 9а.
E-mail: vvpost2006@yandex.ru

НА Б ЕВОМ
ПОСТУ

НАРУШИТЕЛЯМ ПОСТАВЛЕН “БЛОК”

На первый взгляд это похоже на компьютерную игрушку. Террористы нападают на объект, охрана которого всячески пытается не допустить проникновения на него. Реальное оружие и техника, до мелочей прописанные ландшафты и строения, виртуальные персонажи с физическими качествами людей, различная тактика действий – нет, это не какой-нибудь новый 3D-шутер. Это серьезная программа, помогающая командирам воинских частей со стороны оценивать надёжность систем физической защиты важных государственных объектов, прогнозировать развитие ситуаций и принимать решение на усиление охраны в случае изменения оперативной обстановки. Имя этой системы – “Блок”.

“Блок” – конструктор систем физической защиты (СФЗ), моделируемых в трёхмерном виртуальном пространстве охраняемых объектов. По сути, это имитационная логико-вероятностная модель функционирования системы физической защиты объекта. Технологии, используемые в данном комплексе, применяются в настоящее время при решении задач на реальных объектах.

Благодаря комплексу можно оценивать эффективность функционирования всей системы физической защиты (или её компонентов) реальных охраняемых объектов, быстро принимать решение на изменение СФЗ этих объектов, рассматривать варианты её совершенствования при различных, в первую очередь террористических, угрозах, а также проводить обучение и тренировки персонала служб безопасности. Более того, “Блок” может быть использован и для решения обратной задачи – планирования проведения специальных операций по освобождению заложников, деблокированию территорий и т.п.

Программная составляющая автоматизированной системы состоит из нескольких модулей, в которых поддерживается и осуществляется: создание ландшафтов произ-

вольного и заданного вида; зданий, сооружений и инженерных конструкций, модели объекта, персонажей, вооружения и техники, барьеров и эффекторов; размещение на объекте сил и средств охраны; визуальное программирование действий террористов и сил охраны при нападении на объект.

Создание ландшафтов (или рельефа местности) реального объекта может осуществляться как внутренними средствами комплекса, так и внешними приложениями, из которых рельеф может быть загружен через обменный формат. Построение осуществляется в основном по генеральным планам моделируемых объектов, так как это зачастую единственный более или менее точный источник информации по высотным отметкам местности. На выходе соответственно получается геометрически и географически точная модель рельефа местности. После её создания накладываются соответствующие текстуры. Используя существующую в комплексе библиотеку трёхмерных моделей зданий и сооружений или специально разработав эти модели по чертежам реальных строений в любом современном трёхмерном графическом редакторе, в комплексе осуществляем размещение этих стационарных элементов объекта в виртуальном пространстве моделирования.

Для моделирования подвижных элементов создаются виртуальные персонажи – люди, авто- и бронетехника с соответствующим набором качеств.

После того как все параметры модели заданы, происходит собственно “розыгрыш” заданной ситуации. Происходящие события можно наблюдать от третьего лица или глазами одного из выбранных персонажей. В ходе каждого “розыгрыша” ситуации ведется подробный протокол происходящих событий, который может быть

использован для последующего детального анализа.

На создание модели объекта площадью 4-5 квадратных километров и соответствующей плотности застройки, при наличии полного комплекта затребованной (в основном строительной) документации затрачивается примерно 3 месяца. Специалисты Главного центра автоматизированных систем управления произ-

водят полный комплекс работ – от выезда на объект, сбора и обработки строительной и эксплуатационной документации, фотосъёмки до разработки подробной трёхмерной модели объекта и задания параметров СФЗ, оценки эффективности СФЗ.

★
Капитан
Александр ОЛЕЙНИК

11-я Международная выставка

Проводится в соответствии с распоряжением
Правительства Российской Федерации

30 октября - 2 ноября

INTERPOLITEX
СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Москва

Всероссийский
выставочный
центр

2007

№1
В России

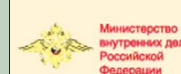
ИНТЕРПОЛИТЕХ
XI МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА
СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОЛИЦИЙСКОЙ И
ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

ГРАНИЦА
IX СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА
ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ И
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАНИЦЫ

ТАМОЖНЯ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА
ТАМОЖЕННОГО ОБОРУДОВАНИЯ

СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
IV СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА
ПРОФИЛЬНОЙ ТЕХНИКИ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

ЭКСТРЕННАЯ МЕДИЦИНА
IV СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА
МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ И
НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Министерство
внутренних дел
Российской
Федерации

Федеральная
служба по
военно-техническому
сотрудничеству

Объединение
выставочных
компаний «Бизон»

Дирекция выставки: 129223, г. Москва, а/я 10 • Тел./факс: +7(495) 937 4081 • e-mail: b95@online.ru
www.interpolitex.ru • www.mvd-expo.ru

ПАТРИАРХ

В годы Великой Отечественной войны не было, наверное, у Красной Армии более надёжного и верного союзника, чем Русская православная церковь. В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского), на долю которого выпали тяжелейшие испытания.

Будущий патриарх Сергий, в миру Иван Николаевич Страгородский, родился 11 (24) января 1867 года в городе Арзамасе Нижегородской губернии в семье священнослужителей. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, принял монашество. Когда начались гонения на церковь, он, оставаясь на своём месте, служил Богу и каждый день ожидал ареста.

Вскоре после смерти в 1925 году патриарха Тихона ставший к тому времени митрополитом Сергий (Страгородский) был назначен Патриаршим Местоблюстителем. С этих пор он фактически возглавил Русскую православную церковь, приняв на себя заботу о ней в страшные годы гонений.

Многие знают его Послание к пастырям и пастве 1927 года, больше известное, как Декларация. В ней говорилось, что Церковь, храня верность православию, желает разделять радости, успехи и неудачи со своей родиной – Советским Союзом (а вовсе не с большевиками, как об этом иногда ошибочно говорят). Этот дипломатический шаг митрополита Сергия бросил тень на его дела, встретив непонимание среди эмиграции. Владыка пожертвовал

ради всей Церкви своим добрым именем. Но главная цель была достигнута: Русская православная церковь в Отечестве получила хотя и зыбкое, но всё же “право на существование” в богоборческом государстве.

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ: “ГОСПОДЬ НАМ ДАРУЕТ ПОБЕДУ!”

Особого уважения заслуживает деятельность Патриаршего Местоблюстителя в дни, когда началась война с фашистской Германией.

22 июня 1941 года – через два часа после выступления по радио наркома иностранных дел Молотова о нападении Германии на Советский Союз и за две недели (!) до обращения Сталина к советскому народу – митрополит Сергий призвал верующих, весь народ дать отпор агрессору.

В разосланном им в тот же день Послании говорилось:

“Повторяются времена Батые, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, го-

лым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству... Не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере... Вспомним святых вождей русского народа... Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания неслла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь... Нам нужно помнить заповедь Христову: “Большие сея любите никогоже имать, да кто душу свою положит за други своя”. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины... Путём

самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует Победу!”

Потрясающий документ! То, о чем потом заявляла советская пропаганда, Патриарший Местоблюститель написал в первые часы войны. Церковь уже определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную, песня о которой (“Идёт война народная, священная война...”) прозвучала на улицах Москвы через несколько дней. Слова, обращённые к братьям и сестрам, о нашем правом деле, о великих предках, которые должны были вдохновить стоящих насмерть русских воинов, – абсолютно новые формулы в устах коммунистического руководителя! – повторит 3 июля 1941 года в своем выступлении по радио председатель Комитета обороны Сталин.

А 7 ноября 1941 года войска прямо с парада уходили на фронт. Верховный главнокомандующий теперь уже с трибуны мавзолея обратился к воинам: пусть вдохновляет нас образ великих предков князей Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова... Вот кто должен был вдохновлять бойцов Красной Армии! Это был последний резерв у Верховного главнокомандующего. В тот момент никаких больше резервов под Москвой не было. Его обращение к предкам – это фактическое признание той роли, которую должна играть Церковь.

СТАЛИН: “ВЛАДЫКО! ЭТО ВСЁ, ЧТО Я МОГУ...”

4 сентября 1943 года Патриаршему Местоблюстителю, едва вернувшемуся из эвакуации из Ульяновска, объявили, что вечером ему предстоит визит в Кремль...

Сталин и Молотов приняли тогда трёх оставшихся на свободе иерархов Русской православной церкви.

Когда Сталин поинтересовался нуждами Церкви, митрополит Сер-

гий спокойно и с достоинством указал на необходимость открытия храмов, духовных учебных заведений, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей, и выборов патриарха.

– А почему у вас нет кадров? – спросил Сталин. – Куда они делись?

После минутного смущения (кто ж не знал, что кадры перебиты в лагерях) митрополит Сергий нашёлся:

– Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза.

Довольная усмешка тронула уста Сталина:

– Да, да, как же, – сказал он. – Я семинарист.

Разговор с архипастырями принял непринужденный характер. Была поднята и самая болезненная тема – освобождение архиепископов, находившихся в ссылках, тюрьмах и лагерях. Сталин сказал:

– Представьте такой список, мы его рассмотрим.

После четверти века гонений на веру и верующих церковным иерархам было дано разрешение созвать архиерейский Собор и избрать на нём Патриарха Московского и всея Руси, а также образовать Синод.

Когда митрополит Сергий сказал, что Собор можно созвать через месяц, Сталин с улыбкой поторопил:

– А нельзя ли проявить большевистские темпы?

Он предложил доставить иерархов в Москву военными самолётами. Кроме того, Сталин дал разрешение на открытие богословского института и пастырских курсов, которые позже были преобразованы в Московские духовные академию и семинарию.

Там же, на встрече в Кремле, митрополитам сообщили об образовании при Совнарком СССР специального органа – Совета по делам Русской православной церкви во главе с генерал-майором НКВД Георгием Карповым.

Беседа затянулась до трёх часов ночи. Проводив гостей до дверей своего кабинета, Сталин, как настоящий иподиакон, взяв под руку митрополита Сергия, осторожно свел его вниз по лестнице, сказав на прощание: “Владыко! Это всё, что я могу в настоящее время сделать для вас!”

Конечно, Сталин не случайно вспомнил о Церкви. Он и его окружение прекрасно понимали, что Церковь и народ были едины в горе и борьбе

военных лет. Патриотизм солдат, большинство из которых были крестьяне с крестиками под гимнастёркой, и искренний отклик народа на призыв Церкви заставили власть одуматься, прекратить гонения против неё, увидеть в ней искреннего союзника.

“ДОСТОИН!”

Архиерейский Собор Русской православной церкви состоялся через четыре дня после встречи в Кремле. Собор открылся 8 сентября, в день Праздника Владимирской иконы Божией Матери, в новом здании Патриархии в Чистом переулке – бывшем германском посольстве. В нем участвовало уже 19 архиереев. Председательствующий на Соборе митрополит Алексий предложил избрать патриархом Местоблюстителем Сергия. В знак согласия все его участники трижды, как того требовали каноны Церкви, пропели по-гречески: “Аксиос!” (“Достоин!”). Интронизация новоизбранного патриарха состоялась в Богоявленском Патриаршем соборе 12 сентября, в день памяти святого князя Александра Невского, небесного покровителя русской земли.

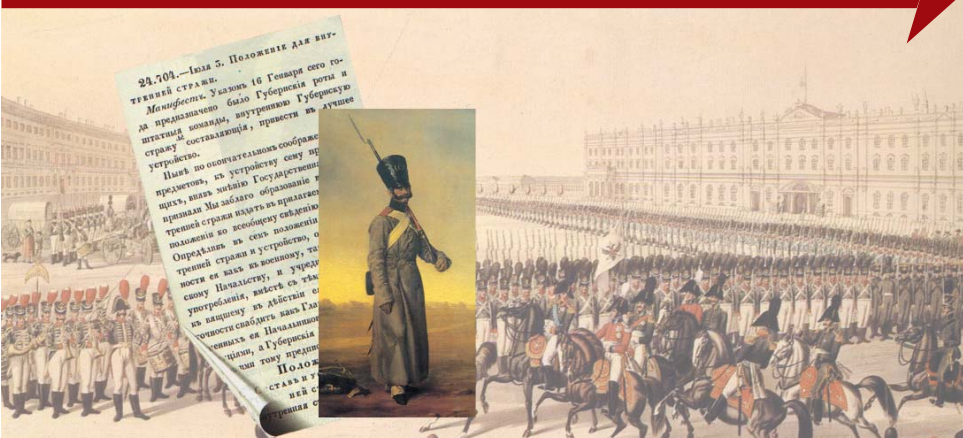
Патриарх Сергий скончался, не дожив до Победы в Великой Отечественной, 15 мая 1944 года и был погребён в Богоявленском кафедральном соборе в Елохово.

Вот что сказал с позиции дня сегодняшнего о роли патриарха Сергия его преемник – Патриарх Алексий II: “...Сегодня разные силы пытаются доказывать, что деятельность Святейшего Патриарха носила характер соглашательства с государственной властью... Нет, он пытался доказывать властям, что Церковь хочет продолжать свою миссию и переживает радости своей Родины, как свои радости, и печали и горе, как свою печаль и свое горе... Одной из главных заслуг Святейшего Патриарха Сергия, видного богослова, иерарха Церкви нашей, является то, что он сохранил в тяжелейшие годы Церкви, провёл её через бури, тревожения и испытания к моменту восстановления Патриаршества”.

...Осенью этого года в Арзамасе, на родине первоиерарха, на площади его имени будет открыт памятник патриарху Сергию.

**Николай ГОЛОВКИН,
член Союза писателей России**

НАВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

“В ПОМОЩЬ ИСПОЛНЕНИЮ ЗАКОНОВ”

К середине 1811 года особый род войск – внутренняя стража, – наделённый полицейскими функциями, уже обрёл довольно стройную военную структуру и слаженную систему управления. Европейская территория России была поделена на округа внутренней стражи – первоначально их было восемь. Каждый округ охватывал несколько губерний. Здесь размещалось от двух до четырёх бригад внутренней стражи. Они, в свою очередь, включали в себя до восьми внутренних гарнизонных батальонов. При этом в каждом губернском городе, как правило, дислоцировался отдельный батальон, а в уездном – воинская команда.

Эти силы были призваны выполнять задачи по охране внутреннего порядка в государстве, которые, претерпев некоторые изменения, стоят и перед нынешними внутренними войсками.

Вместе с тем юридический статус стражи, а также права и обязанности её должностных лиц на законодательном уровне ещё не были окончательно определены. Это порождало всевозможные правовые коллизии и усложняло служебную деятельность новых войск.

Разработкой нормативного документа вплотную занялся личный адъютант Александра I граф Е.Ф. Комаровский. Находясь как бы в двойном подчинении – у царя и военного министра, он исполнял роль дежурного генерала по внутренней страже. “Государь... приказал мне, – вспоминал Евграф Федотович, – рассмотреть постановление внутренней стражи и её обязанности и с моими замечаниями передать военному министру”.

3 июля 1811 года Александр I утвердил первый в истории войск правопорядка важнейший нормативный акт – “Положение для внутренней стражи”, чётко регла-

ментировавший её деятельность в течение нескольких десятилетий. “Определив в сём Положении, – гласила вводная часть документа, – состав внутренней стражи и устройство, означив обязанности её как к военному, так и к губернскому начальству и учредив порядок её употребления, вместе с тем не оставили мы к вящему в действии её совершенству и точности, снабдив как главных, так и подчинённых... начальников подробными инструкциями, а губернские начальства соответствующими тому предписаниями”.

В высочайше утвержденном Положении, к примеру, было четко определено, что подразделения внутренней стражи могли привлекаться исключительно к “восстановлению нарушенного порядка”, и только по требованию губернаторов или им равных государственных чиновников. Из этого следовало, что внутренняя стража, хоть и находилась в составе военного ведомства, но использовалась исключительно для защиты внутренней безопасности и правопорядка, то есть в интересах МВД.

В нормативном акте были четко определены права и обязанности должностных лиц внутренней стражи – окружной генерал приравнивался к командиру дивизии, командир бригады пользовался правами бригадного начальника полевых войск, командир батальона имел статус шефа (командира) пехотного полка, начальник команды соответствовал ротному командиру.

Должность самого разработчика Положения генерала Е.Ф. Комаровского получила название инспектора внутренней стражи с обязанностями “начальника оной во всех отношениях к военному её устройству и порядку” и правами помощника военного министра.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ Май

В этом месяце:

9 мая

• День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

1 мая

• 1947 г. – В городе Сарове сформирован полк по охране КБ-11 (ныне РФЯЦ), позже преобразованный в соединение внутренних войск МВД России.

2 мая

• 1952 г. – Сформировано северское соединение внутренних войск МВД России.

8 мая

• 1965 г. – Почётное звание “Город-герой” присвоено Москве, Ленинграду, Киеву, Одессе, Севастополю, почётное звание “Крепость-герой” – Брестской крепости. В дальнейшем звание “Город-герой” были удостоены Минск, Волгоград (Сталинград), Новороссийск, Керчь, Тула, Мурманск, Архангельск и Смоленск. Каждому городу и Брестской крепости вручены Почётные знамя города-героя (крепости-героя), орден Ленина и медаль “Золотая Звезда”.

20 мая

• 1942 г. – Учреждён орден Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

28 мая

• 1939 г. – В Монголии, в районе р. Халхин-Гол, начались бои между японскими и советско-монгольскими войсками. Япония потерпела поражение и была вынуждена убрать свои воинские соединения с территории МНР. Командовавший во время этих боёв сводной группой войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии майор А.Е. Булыга впоследствии стал командиром Махачкалинской стрелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР.

29 мая

• 1995 г. – Подразделения южносахалинской отдельной специальной моторизованной воинской части внутренних войск приняли участие в ликвидации последствий землетрясения, полностью разрушившего посёлок Нефтегорск и заживо похоронившего под его руинами свыше 2000 человек.

НАМ ДОРОГА НАША ИСТОРИЯ

КАЛЕНДАРЬ

МАЙ 2007

Пусть этот рассказ если не пристыдит, то заставит призадуматься тех, кто в устной или письменной форме продолжает тиражировать лживый, отталкивающий и лишенный даже намёка на героизм образ войск НКВД в истории Великой Отечественной войны.

ЗАСЛУЖИВАЮТ ЗВАНИЯ

13 апреля 1942 года, после третьей неудачной попытки выйти в тыл немцам соединениям, блокировавшим Севастополь, ударные группировки Крымского фронта заняли исходные позиции на Акмонайском перешейке – он соединял занятый гитлеровцами Крымский полуостров с Керченским, откуда и наступали наши войска.

В результате на этой 27-километровой в ширину перемычке сосредоточились основные силы 47, 51 и 44-й армий Крымфронта. В стык 51 и 44-й спустя четыре недели, 8 мая, и ударили немцы. А к 13 мая Крымский фронт уже трещал по всем швам... На запрос командующего о действиях в сложившейся катастрофической ситуации командовавший Северо-Кавказским стратегическим направлением С.М. Будённый отреагировал кратко: «Спасайте людей!».

Враг нёсся на плечах разгромленных советских дивизий к Керчи, вернее, к Керченскому проливу – за ним, на Таманском полуострове, могли ещё спастись остатки войск Крымфронта.

...В предместьях Керчи немцы ворвались вечером 14 мая. Начальник Керченской военно-морской базы контр-адмирал Фролов бросил им на встречу все силы, которыми располагал. К ночи подразделения 156-й стрелковой и 72-й кавалерийской дивизий вместе с бойцами 276-го стрелкового полка внутренних войск и 26-го полка пограничных войск НКВД выбили противника из Солдатской слободы, с ключевых высот примыкавшей к Керчи горы Митридат, а затем погнали его почти до Джаржавы. По приблизительным данным, красноармейцы 276-го полка уничтожили в этом бою до 80 гитлеровцев, 30 из них – в рукопашных схватках.

Вот как описал в своих воспоминаниях события следующего дня (15 мая), которые произошли на западной окраине посёлка Аджимушкай (к северо-востоку от Керчи), командир батареи противотанковых орудий 276-го стрелкового полка внутренних войск старший лейтенант М.Г. Поддубный:

«По приказу заместителя командира полка майора Удовиченко мы сосредоточились западнее Аджимуш-

кая, недалеко от железной дороги. К обороне готовились серьёзно. Рыли окопы полного профиля, оборудовали пулемётные площадки, тщательно маскировались.

На станции обнаружили вагон, полный бутылок с зажигательной смесью, вмиг разобрали их. Снабженцы подвезли противотанковые ружья с боеприпасами.

Через наши боевые порядки просачивались одиночки и целые группы бойцов из отступавших войск. Многие из них, видя нашу организованную оборону, присоединялись к нам, и вскоре мы почти достигли численности батальона.

Противника мы ждали с запада, но он неожиданно появился с севера.

Это была колонна танков с пехотой на броне, за ней – автомашины с автоматчиками.

Наши артиллеристы развернули пушки, но успели произвести только два выстрела. Танки ворвались в расположение подразделения и стали утопить окопы.

Мой заместитель лейтенант Мигунов двумя бутылками с горючей смесью поджёг один танк, но тут же

был сражён пулемётной очередью. Вскоре схватились врукопашную. Наши бойцы умело действовали штыком и прикладом. Тогда особенно помогли бутылки с горючей смесью. Ими били гитлеровцев прямо по каскам, и они, как живые факелы, отчаянно метались и пронзительно орали, приводя в ужас своих товарищей. Когда подоспела рота автоматчиков нашего полка под командой лейтенанта Попова, противник, дрогнув, начал отступать...»

Около двух часов дня гитлеровцы снова набросились на истерзанную батарею Поддубного, но артиллеристы 276-го полка и примкнувшие к ним бойцы РККА вновь отбросили их от посёлка. Лишь очевидная угроза окружения, обрекавшего отряд Поддубного и остальные подразделения части на верную, а главное, бессмысленную гибель, вынудила командование войск НКВД по охране тыла Крымского фронта приказать 276-ому полку отойти к Джанкою. Это привело в ярость командующего фронтом Д.Т. Козлова. На вопрос «почему?» ответил военный историк Всеволод Абрамов в своей книге «Керченская катастрофа 1942-го»:

«Использование частей, которые в обычной боевой обстановке на передовую не выдвигаются, объясняется просто: у командования Крымского фронта уже не было войск, которыми можно было бы управлять. Боевые соединения и части при отходе с Акмонайского перешейка были распылены и полностью потеряли управление». Остаётся добавить – такие «боевые соединения и части» уже не отходят. Они бегут.

Об этом и о том, чем реально пришлось заниматься частям НКВД по охране тыла Крымфронта, говорилось в докладе на имя начальника политуправления войск НКВД:

«В связи с наступлением 8.05.1942 г. фашистских войск на Керченский полуостров войска НКВД решением военного совета фронта были выдвинуты ближе к линии фронта и в последующем на ряде участков оказались впереди переднего края обороны, будучи втянутыми, таким образом, в тяжёлые оборонительные бои.

Быстрый отход частей фронта, потеря связи и управления с соединениями и частями со стороны армейских штабов и занятие ряда участков войсками НКВД для обороны и сдерживания наступающего противника в последующем привели не столько к организации охраны войскового ты-

ла, сколько к использованию войск НКВД в непосредственных боях».

К чему выдержка из доклада? – спросят некоторые. – Ведь то, что частям внутренних и погранвойск, предназначенным охранять тылы керченских армий, пришлось действовать «впереди переднего края обороны», ясно из приведённых выше описаний боёв у Керчи и Аджимушкай. Да, но то были только наиболее выразительные примеры! И только в период 14-15 мая 1942-го! А ведь ещё с вечера 10-го до рассвета 12 мая подразделения 276-го полка НКВД уничтожили около 100 солдат и 11 самолётов гитлеровцев в районе Джелькеджи-Эли.

Да и тот же 276-й – не единственная часть внутренних войск, входившая в состав Крымфронта. Ещё 10 мая принял бой у Семи Колодезей, а затем целые сутки, с 14 по 15 мая, держал оборону, переходя в контратаки, под Багерово 26-й стрелковый полк НКВД. При этом его бойцы перелили до 250 немцев и, не имея никаких специальных противотанковых средств, подбили 6 вражеских танков с помощью связок ручных гранат.

Эвакуация войск разваливавшегося на глазах Крымского фронта через Керченский пролив началась 15 мая.

Из записей генерал-майора Н.С. Киселёва – начальника войск НКВД по охране тыла Крымфронта:

«Весь день 15.05.1942 г. 26-й полк НКВД наводил порядок на рубеже обороны и на переправах. На небольшой площади к востоку от Баксы, и особенно на самих переправах, скопились десятки тысяч людей, машин, обозов, техники, раненых.

Всё это сплошным потоком стремилось переправиться через пролив, и на переправах царил хаос... Эту неразбериху ещё больше усиливала непрерывная бомбёжка переправ авиацией противника. Только энергичная деятельность 26-го полка помогла наконец установить видимый порядок и начать эвакуацию раненых...

Вместе с войсками НКВД дрались отдельные бойцы, влившиеся в состав наших полков.

...Не было питания, отсутствовала вода, на исходе были боеприпасы. Всё это полку пришлось собирать – в брошенных повозках, автомашинах и затем организовывать питание на переправочной линии.

С утра 16.05 противник начал теснить наши части и к 16.00, обойдя наш правый фланг, заняв маяк Еникальский, горы Иванова и Хронева, создал непосредственную угрозу переправам, сосредоточив на них миномётный и пулемётный огонь. Командир 26-го полка получил приказ объединить все части и подразделения войск НКВД (276-й стрелковый полк внутренних войск, 26-й и 95-й пограничные полки, 3-ю роту 59-го полка охраны железнодорожных путей и контратакой отбросить противника от переправ.

В результате энергичной контратаки гитлеровцы были отброшены от переправ и выбиты с маяка Еникальского, высот Хронева и Иванова».

Эта контратака бойцов внутренних войск и пограничников стоила немцам 360 жизней и 17 танков, 2 из которых поджёг броневой-зажигательными пулями из ручного пулемёта красноармеец взвода конной разведки 26-го стрелкового полка Баннов.

Но главное – она дала возможность переправить десятки тысяч красноармейцев на таманский берег...

...Остатки 26-го и 276-го удерживали Еникале, высоты Хронева и Иванова ещё сутки, до ночи 17 мая. На Тамань переправлялись по приказу начальника войск НКВД на подручных средствах – плотах, автобаллонах и с помощью прочих приспособлений, пригодных для преодоления водных преград.

19 мая 1942 года фактически прекративший своё существование Крымский фронт был расформирован. 21 того же месяца его бывший командующий Д.Т. Козлов из Краснодара направил И.В. Сталину телеграмму:

«...Всего до утра 20 мая через пролив пристаней Чуща, Тамань, Ильича и Темрюк эвакуировано 138926 человек, в том числе 30000 раненых. Подсчёт общего количества эвакуированных – ориентировочный...»

Эвакуированная материальная часть орудий тяжёлых – 7, реактивных установок – 29, зенитных орудий – 15.

...Части фронта вели особенно тяжёлые бои в период 14-19 мая, прикрывая эвакуацию главных сил. При этом отлично дрались пограничники, 26-й и 276-й полки войск НКВД, а также парашютно-десантный батальон фронта».

Брошенная техника Крымфронта

Общие потери 300-тысячного Крымского фронта равнялись почти 147000 человек, подавляющее большинство которых попало в плен. Помимо 99 процентов артиллерии войска фронта потеряли на Керченском полуострове все свои танки.

...А войска НКВД с начала и до завершения керченской катастрофы «явили собой пример мужества, отваги и героизма, упорно защищая каждую пядь советской земли, пример того, что упорному, организованному и стойкому бойцу враг не страшен, — писал военный комиссар войска НКВД по охране тыла Крымского фронта Родионов. — Наши части, будучи слабо вооружёнными, крепко били хваленые немецкие войска. Все задачи, которые возлагались на войска НКВД на Керченском полуострове, были ими выполнены с честью. В критической обстановке они своим упорным сопротивлением спасли жизнь десяткам тысяч людей.

Части войска НКВД стали в шеренгу лучших защитников Родины, и передовые из них заслуживают наименования гвардейских...

Скептики и циники обязательно связывают: «Пропагандистская, напыщенная реляция, очковитательство... Всегда так делали для поддержания духа». Да нет... Чтобы писать такие «реляции» после того, что произошло в мае 1942 года на клочке суши между Чёрным и Азовским морями, нужно было иметь на то сверхчеловеческие основания.

Разгромленный на суше, море и в воздухе Крымский фронт ещё около 6 месяцев действовал под землёй — тысячи советских бойцов, не попавших на Тамань, стали его импровизированным «вторым формированием» в сотнях пещер (катакомбах) Аджимушкайских и Булганакских каменоломен.

...К декабрю 1942 года от этих подземных гарнизонов осталось несколько сот полуслепых, иссохших от жажды и голода людей. У них уже не хватало сил убивать даже катакомбных крыс, которые давно служили им единственной пищей, спастись в наиболее глубоких пещерах от обвалов (немцы регулярно подрывали фугасы в лазах и расщелинах) и фогена (его также методично «подавали» сверху). Единственное, пожалуй, что они были ещё в состоянии делать, это время от времени прикладывать язык к стенам пещер — их вековая сырость в ничтожной мере компенсировала отсутствие пригодной для питья воды (ранее для её сбора в гарнизонах каменоломен формировали специальные группы: входившие в них бойцы часами втягивали через короткие трубки в рот капли воды — они периодически выступали на камнях).

«Подземная армия» вселила в уже хозяйничавших на полуострове гитлеровцев столько же злобы, сколько и нервного страха. Обитатели каменоломен с завидным постоянством напоминали о себе беспрецедентными по дерзости вылазками и даже массированными, эшелонированными атаками, имевшими, как правило, одну или одновременно две из трёх традиционные цели: пробиться к переправе, захватить продукты питания, оружие, боеприпасы и набрать из расположенных вблизи колодцев воду.

Гарнизоны катакомб имели максимально приближённую к военной организационно-штатную структуру, включавшую в себя даже особые отделы.

Здесь же, под землёй, были развёрнуты и госпитали. Известно, что среди защитников каменоломен находился военфельдшер 1-й роты 1-го батальона 276-го стрелкового полка НКВД Пётр Фёдорович Попов.

А красноармеец 276-го стрелкового полка внутренних войск Николай Камбулов, сражавшийся в составе своей легендарной части под Керчью в мае 1942-го, спустя два десятилетия написал первую документальную повесть о бойцах аджимушкайского подполья — «Свет в катакомбах». Он же стал соавтором сценария первой театральной постановки, посвящённой трагически завершившейся беспрецедентной эпопее самого маленького фронта Великой Отечественной войны.

Подполковник
Тимур МАКОЕВ

Михаил БЕГЛЕЦОВ:

“НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛО ТАК...”

В первом номере журнала за 2007 год мы опубликовали интервью с участником сражения за Москву, исторического парада у стен Кремля 7 ноября 1941 года полковником в отставке Михаилом Петровичем Беглецовым. Нынешняя беседа — продолжение рассказа ветерана о прожитом и пережитом.

— Михаил Петрович, прошлая наша беседа завершилась событиями, связанными с разгромом немцев под Москвой. Враг отброшен от стен столицы, дивизия Держинского выведена из состава действующей армии...

— И началась у нас усиленная учёба, потому что немцы были очень сильны, под их пятой находилась огромная территория нашей страны, они рвались к Сталинграду. И никто не исключал их нового, уже с волжских берегов, наступления на Москву. Нас как раз и готовили к такому развитию событий.

Это время отчётливо врезалось в память ещё и потому, что в августе сорок второго судьба моя круто изменилась: я стал офицером.

Дело в том, что прибывавшие из запаса командиры были недостаточно грамотны. Например, лейтенант Корчагин совершенно не мог проводить политзанятия. А у меня получалось: я выступал довольно часто, люди меня слушали. И однажды, когда в части проходила проверка политзанятий, в роту неожиданно пришёл командир полка Кабаков. Замкомбата Беликов проводил у нас приём зачётов. Он начал рапортовать, Кабаков прервал: мол, продолжайте, продолжайте, а сам присел и слушает. «Кто из вас может рассказать о Брестском мюре?» — прозвучал вопрос. А я окончил десятилетку с отличием да и дома, в семье профессиональных революционеров, был приучен больше читать политическую литературу, чем художественную... В общем, вылезал отвечать. Получаю оценку «отлично». А комполка и говорит: «Какие, однако, у вас тут сержанты! Кто таков?» — «Сержант Беглецов, командир отделения третьего взвода», — «А кто в этом взводе проводит политзанятия?» — «Да мы там совмещаем...» — начал было капитан Беликов, но Кабаков прервал его: «Вот пусть этот сержант и проводит!»

Так меня назначили руководителем группы политзанятий. А когда взводный пошёл на повышение и образовалась вакансия, меня поставили на третий взвод — врио командира.

— И вы доверие оправдали?

— Со временем... Политический кругозор — одно, но командовать людьми — совсем другое. Тут необходимы знания тактики, топографии, баллистики... Много чего.

— И вы...

— Ночами при копилке зубрил уставы, наставления. Готовился к занятиям. А тогда конспекты требовали подробные. Мамочка родная! Пыхтел, сопел... Стрелковую карту на красноармейца заполнить не мог, приказ отдать о переходе взвода в наступление или оборону, ориентиры верно обозначить... Да ведь в связи с началом войны и полковую-то девятимесячную школу младших командиров окончил ускоренно, за полгода... В общем, весь сорок второй год прошёл для меня помимо службы в непрерывной серьёзной учебе. А где-то в октябре проверяют оружие. Как сейчас помню, приезжает командир полка с оружейным мастером капитаном Гаркавенко. Я в числе прочих командиров представил свой взвод, и оказалось, что у нас дело обстоит лучше, чем у других. Кабаков спрашивает: «А почему старший сержант Беглецов врио комзвезда? Я помню, он хорошо отвечал и на политзанятиях... Заканчивайте с волокитей. Немедленно подавайте на него документы!». И в октябре я стал полноправным командиром взвода.

Полк оперативный. А это значит — бесконечные командировки. В том числе и связанные с депортацией. Это целая эпопея. Рассказывать о ней и горько, и тяжело. Правду мало кто знает, хотя написаны тома...

— Так у вас и есть возможность восполнить пробы. Нам ведь что известно? Поначалу утверждалось, что выселение, предпринятое Сталиным, было оправдано: мера хоть и суровая, но зачистила Северный Кавказ. С хрущёвских времён заговорили, что шаг этот был не только неумным, но и вредным. Отселить целые народы за то, что они, как это было сформулировано в постановлении Государственного комитета обороны и лично Сталиным, являлись предателями, немцев встречали с распростёртыми объятиями...

— Я не стану влезать в дебри, рассуждая ни как политработник, окончивший в пятидесятые институт КГБ, ни как человек сегодняшнего дня, начитавшийся всякого и разного. Я хочу рассказать об увиденном глазами двадцатилетнего сержанта.

— И очень хорошо. Итак...

— Началось все с того, что в сентябре сорок третьего нас сажают в эшелоны и увозят из Москвы. Следующим на Кав-

каз, в Карачаево-Черкесскую область. О целях командировки ничего не говорится. Так, в общем можно понять, что предстоят какие-то масштабные учения.

Недалеко от Черкесска есть большое село – Теберда. Сейчас там курорты в предгорьях Кавказа. Оттуда до Эльбруса рукой подать, местность живописная... Там и остановился полк неподалеку от расположения местного гарнизона. Нам объявили о предстоящей спецоперации. Оперативник или офицер с двумя солдатами заранее закреплялись за определёнными домами, чтобы, в зависимости от количества проживающих, оперативно осуществить погрузку людей и имущества на машины.

– А как готовились к операции?

– Сценарий был примерно один. Предварительно изучили контингент: кто живет в данном дворе, сколько мужчин, как они настроены к советской власти и т.д. В воскресный или праздничный день начинали операцию. Как правило, в шесть утра.

– Оперативник местный, а солдаты наши?

– Да. Но когда оперативников не хватало, во главе бойцов шёл наш офицер. Вот и я шёл с двумя своими солдатами. Дом нам попался зажиточный. Пришли, объявили хозяевам, что согласно постановлению ГКО за содействие немецко-фашистским захватчикам село подлежит отселению в отдалённые районы страны. Разрешается взять с собой из расчёта на каждого человека по сто килограммов груза, включая продовольствие и имущество. Время на сборы – два часа.

Что тут началось! Вопли, слёзы... Но постепенно эмоции уступили место разумным приготовлениям к дальней дороге. Мяс не лет, солдат из СВТ шарах в корову, рубит, тут же “Студебеккер” подъезжает, бросаем в кузов, грузим узлы – и на станцию. А там, в Черкесске, эшелон уже под парами, и ту-ту. Сутки проходят – области как не было.

– А куда везли?

– В разные места. В Казахстан, Западную Сибирь... Потом, спустя годы, ссыльные будут реабилитированы. Впрочем, судьба этих людей – уже совсем другая тема.

– А дальше?

– В конце августа – сентябре была проведена эта операция. А потом мы вернулись в Москву. Началась прежняя служебная, учебная круговерть. Многие просились на фронт, в 70-ю армию, которую как раз в это время набирали из военнослужащих НКВД.

– И много в неё попали дзержинцев?

– Из моего взвода – помкомвзвода Миша Харламов, командир первого отделения Бубнов. Они оба были призваны тридцать девятого года. Писали рапорта и мы, пришедшие на службу в сороковом. Но их складывали под сукно. Ушли же наиболее подготовленные, опытные бойцы и младшие командиры. О дальнейшей их судьбе я тоже ничего не знаю: писем они не писали, и повидаться после войны не довелось. Знаю только, что 70-я армия попала на Курскую дугу до конца не укомплектованная, без тяжёлого вооружения, артиллерии, танков. Она воевала практически одним стрелковым оружием, и очень много её бойцов полегло.

– А ваш путь лежал опять на Кавказ?

– Да. Начинался 44-й – год решающих сталинских ударов, как говорили тогда. Враг был изгнан практически со всех советских территорий. Кавказ очищен от оккупантов. А эшелон нашего оперативного полка двинулся через Сталинград в сторону Калмыкии. Доехали до станции Сорепта, выгрузились. Больше суток по степи совершали марш в тяжелейших условиях. Степь, пурга, мороз, машин нет.

Идем не останавливаясь. Один спит, двое других его под руки ведут. Потом меняемся.

– Это что же, без привалов, что ли?

– Да нет, привалы были. Но Калмыкия – это же беднейший край. На пути попадают хибарки, мазанки... Там негде приткнуться, переночевать. Нищета страшная.

– С карачаевцами и сравнить нельзя?

– Да что вы! А с чеченцами, ингушами – тем паче... Зима суровая, мерзнем жутко в своих шинелишках, вот и шагаем, поскольку на ходу, в движении теплей.

– Что ж машин-то не выделили?

– А чёрт его знает. Когда выселять принялись, грузовики появились, а тут... Идём. По легенде-то мы на учениях. В каком-то посёлке, помню, приглашают в мазанку, чтобы угостить калмыкским чаем. Заходим. Старуха мешает в чане кумыс с каким-то салом, ещё с чем-то там, протягивает плوشку. Не пить неудобно, но и пить противно, когда ты видел, как это готовят...

– И бедноту такую лишать последнего крова?

– А что поделать. Калмыков обвинили в том, что они содействовали немцам, когда те подходили к Сталинграду. Кто содействовал? Конечно же, предатели... А у нас что, власовцев не было? Были. Предатели были и среди русских. А тут вдруг на тебе...

Первого января по уже отработанному сценарию всех калмыков мы посадили на грузовики, доставили в Сорепту – и в эшелоны. Скот остаётся, какие-то предприятия остаются, инородцы остаются, начинается грабёж, мародёрство... Картина чудовищная: вот жила-была республика, пусть бедно, пусть трудно, но жила, а через сутки её нет.

– А жалость в вас какая говорит: нынешняя или тогдашняя?

– Ну какая тогдашняя?.. Тогда я был молод, доверчив. Я был сержантом, выполнял приказ.

– Понятно.

– Что вам понятно?..

– Что выполняли приказ.

– То-то и оно. Но самое интересное происходило, когда мы выселяли чеченцев и ингушей.

– И происходило это...

– Сразу после спецоперации в Калмыкии. Нас посадили на “Студебекеры” и повезли в Орджоникидзе.

– Значит, в начале сорок четвёртого?

– В январе. Я почему хорошо это запомнил? 24 января – мой день рождения, и я шагаю по Орджоникидзе. Нас гарнизонами размещают в пригородах. Легенда такова: войска прибыли сюда, чтобы готовиться к штурму румынских Карпат (война как раз подкатила к тем местам). Мы были все без погон, и определить, приехали энкаведэшники или бойцы Красной Армии, никто не мог.

Мой взвод расположился в хуторе Попов. А неподалёку в двухэтажном кирпичном здании техникума, по-моему, сельскохозяйственного, разместились основные силы батальона.

Попов хутор – это богатый колхоз. И мне выпало выселять как раз его председателя. Но сначала мы работали на свою легенду: и днём, и ночью оттачивали боевое мастерство, создавая впечатление, что действительно готовимся идти на горные кражи. А руководил операцией сам Берия. Он приезжал на место, и даже ходили слухи, будто кто-то из наших войсковых офицеров спас ему жизнь. Горцы якобы устроили камнепад, когда нарком проезжал по Военно-Грузинской дороге...

Так вот, накануне очередной годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии было объявлено, чтобы 23

февраля в шесть часов утра всё взрослое мужское население собралось в таких-то и таких населённых пунктах для ознакомления с важным правительственным сообщением. Чему посвящённым, не говорили, но намекали, что предстоящим торжествам. По оперативным данным, у чеченцев имелось много оружия, и чтобы избежать вооружённого сопротивления, решили отделить мужчин от домохозяйств – женщин, стариков и детей.

Как и всегда, наши оперативные группы накануне изучали обстановку: где кто живёт, ходы-выходы, настроения... А на рассвете мужчин собрали на площади перед техникумом, уже оцеплённой войсковыми нарядами с пулемётами. И пока там с трибуны доводили постановление ГКО да вразумляли негодующую толпу, мы двинулись по дворам.

Ингуши жили очень хорошо. Они в предгорьях валили лес, продавали его. В доме председателя чего только не было – шикарная мебель, ковры, богатая утварь... Я вспоминал своих покойных отца и мать, занимавших высокие посты в Наро-Фоминске, и думал: мой-то на этом фоне – голь перекатная...

Бабы и старики поохали, поахали, поголосили, но деваться некуда – начались сборы. Это голому одеться – только подпоясаться, а тут народ зажиточный. Поклажи – центнер на каждого отъезжающего. Времени в обрез. Много ли захватить? А ведь наживалось добро десятилетиями... Мужиков в доме нет, солдаты помогают вязать узлы и грузить. Подыхал “студер”, просигналил, побросали в кузов скарб, посадили людей, до горьковкала десять минут езды. И всё.

Идёт старик чеченец, плачет: “Что же это делается? Куда меня везут? Почему? У меня сыновья на фронте, два героя. А меня гонят из дома. Дайте помереть спокойно на моей земле...”. А кто его слушает? Кто услышит? Вот откуда – хотим мы того, не хотим – ненависть чеченская.

– Михаил Петрович, это опять в вас заговорил человек сегодняшний.

– Так куда денешься?! Если б к нам, участникам тех событий, прислушивались нынешние политики да военачальники, уверен – столько дров в Чечне заново бы не наломали.

– Хорошо, ну а дальше что было?

– А дальше мы двинулись в горы – в Кабардино-Балкарию. Предстояло выселять балкарцев. Вот ведь как сложилось: кабардинцев Сталин не тронул, а балкарцев покарал. Почему? Говорят, проводниками у немцев служили, к Эльбрусу тех вывели. Но сколько этих проводников? Не весь же народ! К тому же по тем горам и до войны лазили немецкие альпинисты, а в войну они же орудовали, только в форме горно-стрелковой дивизии... Сомнительные доводы какие-то.

– А как же белый рысак в подарок Гитлеру, дорога упряжк к нему?

– Не знаю, все это больше смахивает на легенду. Хотя... Подхалимов и предателей хватает везде. К слову сказать, когда мы в этих местах ловили вражеских парашютистов, то все они, как ни странно, оказались не балкарцами, а кабардинцами...

– Ну хорошо. Вы поднялись в горы, где жили балкарцы, и...

– И увидели не белого коня в золотой уздечке, а страшную нищету. Вторая Калмыкия, если не хуже. Однако приказ есть приказ, и 8 марта, опять-таки в праздник, мы спустили этот народ с гор и отправили в ссылку. А сами вернулись в Москву. Но долго там не задержались. Нача-

лось изгнание немцев с Крымского полуострова. В середине мая столица салатовала освободителям Симферополя, Евпатории и Керчи. Я хорошо это помню, поскольку патрулировал на Крымской площади, в районе Парка культуры и отдыха имени Горького. А вечером, едва вернулись мы со службы, команда: “По эшелону. В Крым!”. Сразу смекнули: опять готовится какое-то выселение.

К месту назначения домчались буквально за сутки: все поезда стояли, уступая нам дорогу.

На полуострове еще оставались войска 4-го Украинского фронта, а мы уже приступили к выполнению своей задачи. Мой взвод оказался в Сиракузах, а рядом размещался штаб фронта генерала Толбухина. Ещё в Севастополе шли бои, а мы уже начали отселение татар.

Так вот, двинулись мы было по сиракузским дворам, а тут прилетает в штаб фронта “Дуглас” с американцами. Докладываю по команде. Мне приказ: “Отложить депортацию до отлета союзников!” Не успел самолет оторваться от взлётно-посадочной полосы, мне звонят: “Наверстывай упущенное!” Едва успели к отправке эшелона...

– Что ж, сценарий известен, действия отработаны...

– Это правда. Хотя и горькая, но правда. Служаки мы были ревностные.

Я ведь без всякой рисовки сколько раз говорил себе: “Эх, Беглецов, Беглецов... Тебе бы воевать, действительно брать Карпаты, а ты занимаешься таким вот делом...” Но судьба. Такова, знаешь, твоя судьба, такова в тебе необходимость. Ты всего лишь солдат, а в Государственном комитете обороны сидят большие люди. Они отнюдь не дураки, знают, что кому и когда делать. Да и Сталин гений, хотя и (как сегодня мы оговариваемся) совмещённый со злодейством.

– Михаил Петрович, мы ж уговорились глядеть на прошлое глазами сержанта... Лучше расскажите, что было потом.

– А потом пёшим порядком мы двинулись через весь Крым в Керчь. Двое суток шли.

– Весь полк?

– Весь.

– А кто во главе?

– Подполковник Каменев Иван Иосифович. А вообще нами руководил комдив генерал Иван Иванович Пияшев, на время депортаций с двумя оперативными полками дивизии Дзержинского прибывший на Кавказ. Каменев и Пияшев – оба боевые офицеры. Пияшев принял дивизию в сорок третьем и привел с собой Каменева. Мы знали, что Иван Иванович Пияшев опытный военачальник, пришёл с “Толубой линии”, а перед тем отличился в боях под Тулой. Ох и дал он нам шороху с первых дней своего руководства! Тогда еще ходила хохма, мол, Пияшев закопал дивизию. А дело было так: познакомившись с расположением частей, комдив рассвирепел: “Вы о чём тут думаете?! Идёт война, а у вас всё, как на выставке – автомобили, танки... Заряжать немедленно!” Ну и весь военный городок в Реутово погрузился в песок и глин...

– А в Керчь-то вы прибыли зачем?

– Затем, чтобы возвратиться в Кабардино-Балкарию. На этот раз нам предстояла борьба с бандитизмом. Там, в районе Нальчика, и встал первый оперативный полк Батальон наш расположился в селениях Нижний и Верхний Каркужин. Селения огромные, протяжённостью чуть ли не в двадцать километров. Мой взвод обосновался в Нижнем Каркужине. А комбат, командир роты – в Верхнем. А во взводе у меня подобрались возрастные солдаты. На их фо-

не я выглядел мальчишкой. Мне двадцать один. А рядовой Демченко, к примеру, бывший начальник городской пожарной охраны, мне годится в отцы. А ещё в строю взвода второй секретарь горкома партии, есть комсомольские деятели...

– **Словом, непростые переростки попадали в дивизию.**

– Да. Народ серьёзный, что и говорить. Я за ними как за каменной стеной. Вот и на этот раз, пока вычерчивал схему охраны гарнизона, мои бойцы уже сходили к председателю каркужинского колхоза, познакомились, притащили баранины, ведро сметаны, масла, молока, хлеба... Я их спрашиваю: “Откуда?” А они мне: “Не волнуйся, командир, всё на законных основаниях”.

– **В общем, встали на постоянной основе. А задача?**

– А задача – бороться с бандформированиями, орудовавшими в Кабарде. Балкарцев мы выселили, а кабардинцев Сталин не тронул. Кстати, и осетин не тронул, хотя на верняка и среди этих народов были предатели да и просто противники советской власти.

– **И как шла борьба?**

– Поначалу туго. Мы стали терять людей... Погибали и в перестрелках, и по своей халатности, в результате случайного выстрела. В Нальчике на кладбище образовался целый участок из наших пирамидок. А всё потому, что опыта борьбы с бандитизмом в горной местности не имелось, необходимого снаряжения тоже, пособий – никаких... Вышло одно-единственное наставление по боевой службе штабов. Помню из него: засада – это такой способ действий, когда задержание проводится по точным данным. А вот секрет – по неточным. А разведывательно-поисковая группа ходит так да эдак и задерживает подозрительных лиц. Всё.

Но постепенно мы освоились, набрались опыта. Хотя наломали дров. Как же без этого.

– **А например?**

– Был у меня сержант Ганжа, боевой такой хлопец. Как-то сидел в засаде, ну и под утро слышит топот какой-то. Нервы же на пределе – бандиты идут! Открыл огонь. А это, как оказалось, стадо выводили. Слава богу, пастухи уцелели, и ни одну корову не зацепил.

– **Повезло.**

– Ещё бы!

– **А много ли удалось поймать бандитов?**

– Ловили, хотя назвать точное количество, разумеется, не могу. Нам ведь ни о чём не сообщалось: информация закрыта. И сегодня не найдёшь – кто там, как и кого. Что видел собственными глазами, о том и могу судить.

Так вот. Серьёзных, крупных банд на весь Кавказ насчитывалось от силы десятка полтора-два. Состояли они из людей, каким-то образом избежавших депортации и ушедших в горы. Если сравнивать с теперешними бандформированиями чеченских полевых командиров – это крохи. Но не будем забывать, что немцы всё время засылали к нам в тыл шпионско-диверсионные отряды. Доставляли самолетами, сбрасывали на парашютах, щедро снабжали оружием, средствами связи, деньгами. Мои подчинённые одними из первых захватили такого парашютиста. Взяла его разведывательно-поисковая группа, в которую входило отделение всё того же сержанта Ганжи. Они на рассвете заметили приближающегося к селению неизвестного, стали преследовать. Тот укрывшись возле источника и начал отстреливаться – убил рядового Демчука, ранил лейтенанта Корчагина. Тогда его обложили со

всех сторон и в конце концов застрелили. При нём обнаружили автомат, два пистолета, кучу патронов, переклаченную рацию и пачки наличности. Диверсант оказался родом из этих мест, бывшим танцором кабардинского ансамбля.

– **Но цена-то велика: убитый, раненый с нашей стороны...**

– Она ещё больше, если учесть, что лейтенанта Корчагина, едва не лишившегося глаза, вскоре списали подчинённую... Конечно, будь он поопытней, примени верную тактику (а то ведь поднял бойцов и чуть ли не с криком “ура!” повел в атаку), и сам бы уцелел, и бойца уберёт. Но бой произошёл, едва мы разместились в Нижнем Каркужине...

– **Опыт, оплаченный кровью...**

– Да, Господи, о чём ты говоришь? Некоторые и до сих пор, после десяти лет чеченской войны, не могут понять, что ловить банды в горно-лесистой местности – это не с автоматом бегать по полю, не полками штурмовать городские кварталы...

Вот, к примеру. Под Заюковым подсолнечник – поле километр на полтора. Каждый стебель как молодое деревце, листья широченные, видимости никакой. Авторота наткнулась на банду, загнала на это поле. Почти весь полк бросили на прочёску. Цепь идёт, локоть соседа едва видно. Где-то стрельба. Хотя что солдату говори, а чуть слышит пальбу, давит на спусковой крючок. Секунда-другая, и вся цепь палит, лишь ошметья подсолнечные летят... Прошли поле, двух-трех бандитов уколошили, но и те в долгу не остались...

– **В общем, надо быть ко всему готовым.**

– А прежде всего – историю всё-таки знать, помнить, как тут предшественники воевали. То есть знать её такую, какова она есть на самом деле – без прикра, без ретуши и лакировки. Тогда можно будет делать правильные выводы. Хотя бы не повторять ошибок.

– **А как поощряли отличившихся?**

– Существовало положение: бойцы, уничтожившие или пленившие диверсанта, а также их командиры взвода представляются к наградам. Но отменяли людей скупое, о наградах мы тогда думали меньше всего. Да и любой человек, понюхавший пороха, знает: поощрение на войне – дело случая.

– **Жив остался – это и есть самая большая награда. Выходит, так?**

– Так.

– **Но не зря говорят: случай хоть ненадёжен, зато щедр. Вам он улыбнулся?**

– Улыбнулся. Я получил орден Красной Звезды за поимку вот этих самых диверсантов. В “Правде” был указ, а вручал в Кремле награду Куусинен. Тогда был порядок и в этом деле. Даже с фронта вызывали в Москву и в торжественной обстановке награждали. Сейчас всё проще, да и наград развелось тьма, каждое ведомство штампует свои...

– **А кто ещё проявил себя?**

– Отлично, помнится, действовал батальон Владимира Тимофеевича Огрызко. В предгорьях Эльбруса, на высоте трёх с половиной – четырёх тысяч метров, где уже лежат вечные снега, мы ликвидировали крупную банду Занкашисева. Операция была серьёзная. Бандитов обложили заслонами и с четырёх сторон двинулись разведывательно-поисковые группы численностью до роты каждая. Возглавлял операцию сам комдив Пияшев. Мой взвод находился в заслоне в Боксанском ущелье, на высоте около четырёх тысяч метров. Холодно. Особенно мёрзнут ноги. Сухая, выданный на десять суток, бойцы приговорили сразу. Аме-

риканская тушёнка, она ведь сама просится в рот. К концу недели в вещмешках пусто. И связь мы потеряли. Но на счастье, голодать долго не пришлось: операция вскоре завершилась.

– **А потом...**

– А потом мы спустились с гор и прибыли во Владикавказ. А вот там-то ждал меня сюрприз куда больший, чем в Кабардино-Балкарии.

– **Вы имете в виду орден?**

– Какой орден... Невесту у меня увели! Познакомился я там с молодой учительницей, Тосей, приехавшей в эти края по разнарядке после окончания института, влюбился.

– **В Нижнем Каркужине?**

– В нём. Но тут комбат к нам нагрянул с проверкой. Я же рассказывал, что благодаря своим великодушным солдатам взвод зажил припеваючи. Вот и встретили мы как-то комсомольского секретаря батальона Гришку Бурштейна хлебосольно: молоко, сметана, шашлык... А он разволновался в батальоне, мол, вы тут мамалыгой давитесь, а Беглецов в сметане сидит. Ну комбат, бывалый фронтовик, с орденом Красной Звезды на гимнастёрке, приезжает с проверкой. Интересуется: “Как вы тут устроились?” – “Да ничего, – отвечаю, – терпимо. Вот кашу едим. Присаживайтесь с нами...”. Он поглядел на меня волком: “Какую-такую кашу? Мне комсорг доложил, что вы тут пируете, а мне кашу?” Словом, угнал он меня вскоре отсюда в расположение батальона. А это в двенадцати верстах. Ну что ж, дело молодое. Предупредил я как-то ординарца Петра Радченко, где в случае чего меня искать, и двинулся к Тосе. В одной руке револьвер, в другой – лимонка. Легкомыслие, конечно. Но тогда-то я так не думал. Пришёл, разговариваем, чай пьём, а ближе к ночи лай собак и стук в дверь. “Беглецов! Ты здесь? Чего молчишь?” С поличным поймали.

– **В самоволке...**

– Ну в какой самоволке? Я же офицер. Но, конечно, покидать расположение – поступок с моей стороны весьма легкомысленный. Так за это комбат и посчитал от души: “Такой-сякой! Взвод бросил... Да я тебя!..” А куда меня? Дальше, чем оказались, и посылать-то вроде бы некуда...

– **А на деле?**

– Благодаря капитану Вершинину, нашему начальнику штаба, я со взводом оказался в Верхней Балкарии.

– **Стало быть, уберёт он вас от новых необдуманных шагов?**

– Если бы так! На мою беду, Тося приглянулась самому Вершинину. Но я-то командир взвода, а он – начальник штаба батальона. Вот и отправил.

– **Чтоб не путался под ногами?**

– Разумеется. И я там службу несю – месяц, другой, пока не получу приказ прибыть в штаб батальона. Приезжаю на перекладных, естественно, захожу к своей симпатии: “Здравствуй, Тонечка!” А она на меня и не смотрит. “Что случилось?” Миша, так, мол, и так... А когда закончилась операция, Вершинин увез её в Москву, они расписались, нарожали детей...

– **...и жили, как говорится в сказках, долго и счастливо?**

– Вот-вот.

– **Михаил Петрович, а какой же ещё большой сюрприз поджидал вас во Владикавказе?**

– А вот какой. В сорок третьем году у нас в дивизии для таких, как я, не имеющих за плечами военных училищ, провели полуторамесный сбор с последующей сдачей экзаменов. Человек пятьдесят собралось, в основном стар-

шины. Позанимались, сдали экстерном за училищный курс. И вот ждем. Кто отчитался на “отлично”, мысленно примеряет лейтенантские погоны, кто похуже – погоны младшего лейтенанта. Я – среди отличников. Но тут командировка на Кавказ, и все ожидания разом отошли на второй план. Но когда стояли мы в Балте, неподдаёму от Владикавказа, как-то под вечер окликает меня капитан Галютин (был у нас в батальоне такой оперуполномоченный), хитро так улыбается и говорит: “Беглецов, ты что это все ходишь старшиной?” “Да мы тут все без погон”, – отвечаю. “Я не о том. Почему ты и Бурштейн (комсорг батальона вместе со мной сдавал экстерном за училище) не носите офицерские погоны? Ведь вы давно уже младшие лейтенанты и приказ есть”. “Как это младшие? – говорю. – Мне ведь сам начальник штаба дивизии обещал лейтенанта”. “Скажи спасибо и за это! – смеётся Галютин. – И учти, уж скоро год, как ты младшой. Приказ твой – 0102. А звездочка до сих пор не обмыта...”

Командир роты, разумеется, подсутился: построил бойцов, вручил перед строем погоны, поздравил и отправил за аракой. Принес я две банки араки (местной самогонки), чтоб отметить событие как полагается. Врезали. Погоны я, правда, тут же снял, но солдаты обращаются ко мне “товарищ младший лейтенант”. Комбату доложили. Тот – ну раз Галютин сказал, какие могут быть сомнения! Смерш на то и Смерш, чтобы всё знать. В общем, значимся мы с Бурштейном офицерами, выслаем чеченцев и ингушей, затем балкарцев. Операция проведена, спустились с гор, надели погоны. Я и Бурштейн младшие лейтенанты, а остальные, кто с нами сдавал экстерном за училище, как были старшинами да старшие сержанты, так ими и остались. Как так? Подходят к нам они – Козырь, Кокушкин, другие: “А чего это вы вырядились?” – “Как чего? Приказ 0102. Галютин сказал”. Те бегом в штаб, а никакого приказа нет. Ничего себе... Комбата к Каменеву. “Это что у тебя такое? Полгода ходят лейтенантами, а ты молчишь? Галютин ко мне!”

Галютин отпирается, мол, пошутил. Каменев на дыбы: “Какие шутки!?” Пияшеву доложили. Тот вызывает нас: “Вы это что?!” Вы кто такие?” Два слова по-русски, три матом. “Да что ж с вами делать?.. Назад не повернёшь, – перед солдатами-то как?” Потом поостыл: “А министерство что ж?” И по “вертушке” звонит в Москву. А там отвечают: “Да, готовится такой приказ. Всем будет присвоено звание младшего лейтенанта”.

– **Все встало на свои места.**

– Ага, как же! Я ведь, душень, и тут ляпнул: “Товарищ генерал, я сдал на все пять, мне лейтенанта обещали”. Пияшев побавровел и вдруг как закричит: “Молчи! Ах ты... самозванец! Поставил комдива в идиотское положение да ещё торгуется!..” Потом немножко успокоился и спрашивает: “Что будем делать, командир полка?” – “Да вообще, они оба из лучших. Ребята смелые”. А надо сказать, Пияшев смелых любил. Он и сам был не робкого десятка, с нами в цепи шёл на прочёсывании с револьвером в руке. И тут пылил-пылил, а потом и говорит: “Ну что ж. Коль смелые, возьму и я на себя смелость: носите свои погоны, чёрт с вами!”.

– **А как же Галютин?**

– Его чехвостили покрепче нашего. Но тоже обошлось. Он служил ещё долго, вышел в генералы КГБ и умер лет десять назад.

Вел беседу полковник
Евгений АРТЮХОВ

Ни у одного тренера в мире нет такого обилия титулов. Достаточно сказать, что под руководством Виктора ТИХОНОВА сборная СССР по хоккею выиграла 8 чемпионатов мира, 10 раз становилась первой в Европе, трижды завоевывала «золото» на Олимпийских играх. А команда ЦСКА 12 раз побеждала в чемпионате страны, 13 раз – в розыгрыше Кубка европейских чемпионов, выигрывала Кубок Канады и Кубок звёзд. В канун очередного чемпионата мира и Европы, который в этом году пройдёт в Москве, наш корреспондент встретился с прославленным тренером и попросил его дать интервью.

ВИКТОР ТИХОНОВ: ДРУЖИТЕ СО СПОРТОМ, МУЖИКИ!

– Виктор Васильевич, сборную СССР вы возглавили 30 лет назад, в нелегкое для неё время. Впервые за многие годы наши хоккеисты проиграли подряд два чемпионата мира и Европы. Именно тогда председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов пригласил вас на Лубянку и предложил должность главного тренера ЦСКА и сборной Советского Союза. Скажите, пожалуйста, с какими трудностями вы столкнулись в первую очередь?

– Сейчас уже всего и не вспомнить. Столько времени прошло...

Прежде всего я долго не соглашался принимать две великие команды. Во-первых, хорошо знал многих ребят, в своё время играл против них. Видел и понимал, что это мастера высочайшего класса.

Во-вторых, ЦСКА под руководством Константина Борисовича Локтева выиграл в 1976 году чемпионат СССР. И занимать место тренера, который привел команду к «золоту», было как-то не совсем тактично и этично.

Когда Андропов вызвал меня во второй раз и сказал, что мне не надо будет учить мастерству наших прославленных хоккеистов, что необходимо всего лишь навести в команде строгий порядок и укрепить дисциплину (со своей стороны, Юрий Владимирович пообещал помощь и поддержку), тогда пришлось согласиться.

– Безусловно, Локтев был великодушным спортсменом, хорошим тренером, замечательным человеком. Однако мягкость его характера позволяла подопечным общаться с ним на «ты». Попросту говоря, в коллективе к тому времени сложились панибратские отношения начальника с подчинёнными.

– Да, и руководство нашей страны стало об этом известно, потому наверху приняли не совсемординарное решение о замене главного тренера ЦСКА и сборной СССР.

– Однако, Виктор Васильевич, время показало оправданность и справедливость такого решения! Значит, основной упор вы делали на укрепление дисциплины и порядка?

– Конечно! Не забывайте, я ведь работал со взрослыми мужиками, прославленными спортсменами. Многие меня за глаза называли диктатором. А иностранцы прозвали «Мистер Дисциплина».

– Словом, вы стремились к тому, чтобы сборная страны, как и любой коллектив, была управляемой?

– Именно так. Хоккеист, а тем более член сборной СССР должен быть дисциплинированным и в быту, и во время тренировок, и в ходе игры.

– Впервые в истории мирового хоккея вы начали использовать в сборной СССР тактику иг-

ры в четыре звена нападающих. Насколько она оправдала себя?

– Сейчас весь мир играет в четыре звена. Сначала я использовал это ноу-хау в рижском «Динамо», тогда из второй лиги мы вышли в первую. Отрыв от команды, преследовавшей нас, был в 16 очков. А когда на следующий год из первой перешли в высшую, то разница с ближайшими соперниками составила уже 20 очков!

Поначалу это моё новшество воспринимали в штыки. Помню, капитан команды Борис Петрович Михайлов возмущался: «Виктор Васильевич, мы привыкли играть в три звена!» Пришлось доказывать ему: «Боря, ты будешь находиться на льду 40-45 секунд, но выполнять тот объём работы, который делал за полторы-две минуты. И, поверь, сыграешь гораздо лучше, потому что выйдешь на площадку свежим, отдохнувшим».

– В сборной СССР во все времена огромное внимание уделялось физической подготовке. В ходе тренировок вы не уменьшили нагрузку на хоккеистов?

– Ну что вы, конечно, нет. Кроссы бегали по 10-12 километров. Каждый игрок за день занятий в спортзале в общей сложности поднимал более 20 тонн «железа». Ни одна команда мира ни в какое сравнение с нашей сборной не шла по физической и психологической подготовке.

– Виктор Васильевич, каких результатов вы ждёте от чемпионата, который пройдёт в этом году в Москве?

– Как никогда я жду от сборной России только «золото»! Во-первых, последнее мировое первенство, проходившее у нас в стране, мы выиграли в 1986 году. Во-вторых, в сборной наконец-то появилась пятёрка лидеров из «АК Барса»: Морозов, Зиновьев, Зарипов, Прошкин, Никулин. В-третьих, никто из наших «легионеров», приглашённых под флаги сборной, в этом году не капризничает. Уговаривать играть в Москве никого не приходится. Все хотят не только выступить за российскую команду, но и показать себя с лучшей стороны. Уже дали согласие прилететь Овечкин, Семин, Гончар и Хабибуллин.

– Вы по праву считаетесь патриархом отечественного хоккея. Такого богатого опыта работы со сборной страны сейчас, пожалуй, нет ни у кого. Оказываете ли какую-то помощь российской команде в формировании, становлении, в организации тренировок, сборовой подготовки?

– Я как-то сказал однажды Быкову: «Вот что, Слава, по себе знаю, как плохо работать тренером, когда на тебя постоянно кто-то давит своим авторитетом, со всех сторон пытаются чему-то научить, стараются подсказать. Ты же будешь сам себе предоставлять. Никто в твои дела лезть не станет. Но ни на минуту не забывай, что отвечаешь за конечный результат! Если потребуется моя помощь, добрый совет, то дверь для тебя всегда открыта».

Самое главное сейчас – не мешать Быкову работать со сборной.

– Какие впечатления остались у вас от хоккейного шоу на Красной площади?

– Самые хорошие. Оно сыграло важную роль в популяризации этого вида спорта в нашей стране. На матч пришло много зрителей, в том числе и с детьми. Все-таки играли сборные СССР и мира. Это была дружеская встреча ветеранов мирового хоккея. И ничейный счет 10:10 говорит сам за себя.

– Виктор Васильевич, вы играли в команде мастеров ВВС, которую курировал Василий Иосифович Сталин. В её составе трижды становились чемпионом СССР. Затем играли в хоккей за московское «Динамо». А потом возглавляли рижское «Динамо».

Поэтому военнослужащие внутренних войск, сотрудники МВД по праву считают вас воспитанником динамовской хоккейной школы, а вашим крёстным отцом знаменитого тренера Аркадия Ивановича Чернышёва.

– Да, я многим обязан этому человеку. Кстати, прежде чем стать тренером по хоккею, он успешно проявил себя в футболе. Дважды в составе московского «Динамо» становился чемпионом СССР. А в первом хоккейном чемпионате страны в 1947 году динамовцы победили под руководством Чернышёва, тогда еще играющего тренера.

Рекордный срок, 28 лет без пере-

жите, пожалуйста, чем вы занимаетесь сейчас?

– Я избран президентом хоккейного клуба ЦСКА. Вхожу в тренерский совет российской хоккейной суперлиги. Работы хватает, свободного времени практически не бывает. Так что жизнь продолжается...

– 4 июня 2007 года вам исполнится 77 лет. Однако тренер Тихонов – кумир молодежи 70-х и 80-х годов – всегда подтянут и аккуратен, строен и бодр духом. Поделитесь с нашими читателями секретами своей молодости.

– Прежде всего надо требовательно относиться к себе. Ежедневно заниматься физкультурой. Я, напри-

рыва, Аркадий Иванович возглавлял команду «Динамо»! В 1947 и 1954 годах она была чемпионом Советского Союза, 21 раз становилась призёром первенства страны.

– А сейчас, Виктор Васильевич, с кем-нибудь из бывших одноклубников по «Динамо» поддерживаете отношения?

– Конечно. Например, с Виталием Давыдовым, Валерой Васильевым. Да и с Сашей Мальцевым часто видимся, беседуем. Кстати, обычно на матчах с участием московского «Динамо» встречаю министра внутренних дел Нургалиева. Рашид Гумарович, оказывается, не только болеет за любимую команду, но и сам играет в хоккей. Он мне признался как-то: «Знаете, Виктор Васильевич, пару раз в неделю надеваю коньки, беру в руки клюшку и выхожу на лёд. Такое удовольствие получаю, такой заряд энергии! Ведь мы в своё время воспитывались на хоккее».

– В заключение нашей беседы, Виктор Васильевич, расска-

мер, никогда не курил. Позволяя себе иногда выпить немного спиртного, но это в исключительных случаях. Только с друзьями за хорошим столом и в доброй компании.

Словом, всегда нужно следить за собой. Как только ты перестаёшь контролировать себя, сразу проявляются лень, апатия. А с ними приходят различные болячки. Поэтому дружите со спортом, мужики!

– От имени читателей и от себя лично благодарю вас, Виктор Васильевич, за интересную беседу. Желаю вам сибирского здоровья, кавказского долголетия, громких побед и новых успехов в нелёгком труде. Пусть удача всегда сопутствует вам и нашей сборной по хоккею!

– Спасибо.

★
Беседовал
Геннадий ШАХОВ,
подполковник запаса
Фото Татьяны ЯКУБ
и из архива В.В.ТИХОНОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

В популярной, любимой миллионами россиян "молодогвардейской" серии "Жизнь замечательных людей" вышел том, посвященный выдающемуся поэту фронтового поколения Николаю Константиновичу Старшинову (1924-1998).

Писать об этой книге мне и легко, и трудно одновременно. Легко, потому что посчастливилось быть не просто знакомым с Николаем Константиновичем, но и учиться у него в Литературном институте им. А.М. Горького, а затем без малого два десятилетия испытывать на себе теплоту дружеского общения с этим человеком.

Как сейчас, помню день, когда впервые ехал в "Молодую гвардию", в альманах "Поэзия", который редактировал Старшинов. Не обилие поэтических книжек и множество сувениров на стеллажах поразили меня тогда, а заваленный горками писем и бандеролей рабочий стол Николая Константиновича и без конца трезвонящий телефон на этом столе. Сколько же людей буквально отовсюду обращалось к нему! И ко всем он старался быть внимательнее, не обидеть раннего творческого человека. Молодыми же поэтами в буквальном смысле нянчился, помогая не только с первыми публикациями, но нередко и в чисто бытовых вопросах.

О таких, как он, говорят: это наша совесть. Семнадцатилетним прямо со школьной скамьи ушел на фронт.

Стал сержантом, помощником командира пулемётного взвода. В сорок третьем под Смоленском был тяжело ранен, едва не лишился ноги (к слову сказать, незаживающие раны мучили его всю оставшуюся жизнь). Пять месяцев отлежался в госпиталях под Вязьмой и Махачкалой. Со стопочкой стихов о виденном и пережитом на войне ещё на костылях пришёл учиться в Литинститут. Жил тяжело, трудно, сначала один, затем, женившись на такой же фронтовичке, как и сам, — Юлии Друниной.

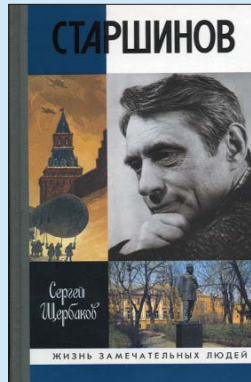
Жизнь моя! Она бывала всякой.

Пела синевой любимых глаз

И молчала зло перед атакой...

Может, потому и удалась!

Эти строки он напишет к своему 50-летию, подводя первые жизненные итоги. От окончательных их будет

отделять без малого четверть века. За это время Николай Константинович успеет многое. Он оставил нам сотни прекрасных стихов и переводов, десятки поэтических книг, в том числе "Реку любви", отмеченную Государственной премией России. Оставил составленные с глубоким знанием и любовью коллективные сборники и поэтические антологии. К примеру, когда к 40-летию Победы в издательстве "Современник" было задумано двенадцатитомное собрание художественных произведений о Великой Отечественной, именно на Старшинова была возложена его поэтическая часть. Николай Константинович посвятил этому два года своей жизни! Мало сказать, что он блестяще справился с задачей. Он сделал то, на что вряд ли бы решился кто-то другой из составителей: "перелопатил" тысячи книг не только маститых, но и доселе практически никому неизвестных авторов фронтовиков. Россияне этих жемчужных зёрен, предоставленных наравне с классикой, и был украшен каждый из томов "венка"...

Старшинов всегда охотно откликался на мои просьбы. Он и сам с желанием выступал перед войнами внутренних войск, печатал стихи в нашем журнале, подсказывал как, к кому из маститых авторов обратиться за стихами или прозой, на кого из молодых обратить внимание.

В силу служебных обстоятельств я находился в стороне от бурлящего котла литературной жизни столицы, Старшинов был не таков. Он держал меня в курсе дел, и

благодаря ему я знал, где и что происходит в писательском мире, какое решение принимать в той или иной конкретной ситуации. В непростое, переломное время конца восьмидесятых — начала девяностых я целиком доверял его человеческой, творческой позиции, во многом разделял её. Не говорю уже о его эрудиции и безупречном литературном вкусе. Это был кладёзь человеческой и духовной мудрости и вместе с тем живой, горячий человек. Многие годы он собирал народные частушки, его коллекция и сегодня остаётся уникальной — одной из самых интересных и значительных.

Он был страстным рыболовом. Написал об этом книжку — "Моя любовь и страсть — рыбалка". И до сих пор проводятся состязания по подлёдному лову рыбы, зарегистрированные Госкаспортом России как "Кубок памяти Николая Старшинова"...

Хорошо, что книгу о Старшинове писал не сторонний ему человек. Сергей Щербаков многие годы работал рядом с Николаем Константиновичем в редакции поэзии "Молодой гвардии". Он профессиональный поэт, литературовед, кандидат филологических наук. Поэтому книга написана не только со знанием дела, но и увлекательно, с массой живых подробностей. К тому же Сергею в этом помогли своими воспоминаниями, стихотворными посвящениями мастеру "теницы старшиновского гнезда".

Полковник Евгений АРТЮХОВ,
член Союза писателей России

"ЗДЕСЬ Я И ЖИЛ, И РОС..."

К 80-летию со дня рождения одного из самых известных советских поэтов — Николая Константиновича Старшинова в Центральном доме литераторов с успехом прошёл вечер его памяти, на котором с воспоминаниями выступили друзья, ученики, коллеги по поэтическому цеху. "Российская газета", "Литературная газета", "Парламентская газета" поместили материалы о поэте, а на телеканале "Культура" прошла посвящённая ему передача. Говорилось и о том, что в издательстве "Молодая гвардия" в серии ЖЗЛ готовится том об этом замечательном человеке. И вот он вышел в свет.

Скажу откровенно, не без волнения я узнал, что очень многим знаменитый поэт-фронтовик обязан моему родному Пушкинскому району Подмосковья, и прежде всего селу Рахманово...

После войны Старшинов работал литературным консультантом в газете "Известия", был первым редактором отдела поэзии в образованном в 50-х журнале "Юность", возглавлял литературное объединение Московского университета, более двадцати лет руководил популярным, единственным в стране общесоюзным альманахом "Поэзия", вёл семинары в Литератур-

ном институте им. А.М. Горького. Об этой стороне деятельности, бывшей у всех на виду, хорошо известно. Но мало кто знает, откуда, из каких глубин сознания шли у него не показушные, а очень личные, лирические стихи, написанные уже в 70-е годы.

Эмма Антоновна, вдова поэта, рассказала мне, что в детстве родители Николая ежегодно отправляли его к родственникам на всё лето в село Рахманово, что на северо-востоке Пушкинского района.

А я в Москве родился, неудачник,
Меня мальчишки, попрекнув Москвой,
Чтобы обидеть, называли
"дачник",
Чтобы утешить, говорили —
"свой".

Год от года юный москвич креп, набирался сил на природе, путешествуя с деревенской, как он писал позднее, "лопоухой детворой" по близким и дальним окрестностям или с утра до вечера в погожие летние дни пропадая с удочкой на речке. Рассказывают, что у него в то время была удочка с суровой ниткой вместо лески и крючком из заточенного гвоздя. Вот на эту нехитрую снасть как-то раз попалась

щука. Николай сам испугался размеров рыбы, но всё-таки сумел вытащить её на берег. Когда принёс свой необыкновенный улов домой, то всё село собралось посмотреть на героя, поймавшего щуку, которая чуть ли не больше его роста.

Он сам и его родные не подозревали тогда, что ни война, ни жизненные невзгоды, обрушившиеся лавиной на поэта в послевоенные годы, не смогли замутить этот хрустальной чистоты родник воспоминаний из его детства. Могу сказать: я из деревни вышел, Я до сих пор там первый рыболов... И все-таки, видать, я недослышал Каких-то самых деревенских слов.

В 60-е годы, будучи известным стихотворным поэтом, он вместе с женой вновь побывал в Рахманово. Сюда его по-прежнему влекла живописная местность, сплошь покрытая лесами и прорезанная руслами многочисленных речек. Уже по дороге в Рахманово, наблюдая из окна пригородной электрички за проплывающим пейзажем, он словно очищался от того, что мешало дышать полной грудью. Позднее поэт под впечатлением этой поездки, вспоминая нахлынувшие на него чувства, напишет:

Соберу-ка я все горести
по горстке
Да решительно их выброшу
в пути...

А в Хотькове или где-нибудь
в Загорске
В наш вагон должна
красавица войти.

Всё на его малой родине оказалось на месте: и Торбеево озеро, и низвергающийся в речку Вондичу с тридцатиметровой высоты водопад Гремячий ключ — подлинное чудо подмосковной природы, и по-прежнему несущие свои родниковые воды речки Вязь, Сумерь, Скалба, Талица, Воря, Махра, в которых насчитывалось до сорока видов рыб. В этих некогда заповедных местах в теперь уже оставшихся далеко позади детские годы Николай, засучив штаны, уходил по стын-траве на речку Сумерь или отправлялся на Талицу, а то и на Вору. Ранние походы с краюх домашнего хлеба за пазухой снова зримо предстали перед ним и остались в его стихах:

Вясной тиши и шуме,
В радости и в беде
Я тебя, речка Сумерь,
Не забывал нигде.
Ты уносила к морю
Всю мою грусть-тоску:
В Талицу, дальше — в Вору,
В Клязьму, потом — в Оку.
Нетопорливой Волгой
В Каспий её несла...
Видно, разлука долгой
И для тебя была.

Река Сумерь — "ах, какое имя!" — восклицал поэт — неизменно привлекала его внимание своей поэтичностью, живописностью открывающихся видов, в том числе и на село Рахманово с далеко видной окрест постройной ещё в 1802 году церковью Вознесения:

...Из далека туманного,
Из невеселых мест
Вижу, мое Рахманово —
Крыши... Церковный крест.
...Пашино увижу заново,
Ельник рассветный, гать.
Крыши и крест — Рахманово!
И на крыльчике — мать...

"Моя Сумерь", "мое Рахманово"... Поэт, так проникновенно писавший о природе Пушкинского района, и сам стал частью духовной жизни этих мест. И как знать, не рахмановские ли мужики и бабы, умеющие и работать, и отдыхать, открыли в те предвоенные годы будущему поэту истинные жемчужины народной поэзии — частушки, удивляющие своеобразием, самобытностью, фантазией и меткостью слова, услышанные, но тогда, видимо, по малолетству недослышанные им.

Николай Старшинов страстно собирал и изучал частушки. В его коллекции их более шести тысяч, в том числе и таких, которые он сам определил как озорные.

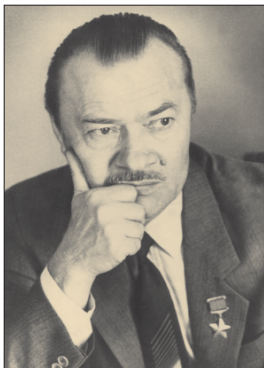
Оставаясь горожанином, веселым и самоироничным человеком, он признавался:

...Я не родной —
приёмный сын деревни,
Но я люблю её, как любят мать.

Старшинов мечтал о том, чтобы поселиться в деревне, к которой, по его словам, он "привязан с малых лет", иметь возможность спокойно, не отвлекаясь на городские соблазны, работать над стихами. В 1990-х годах поэт обзавёлся наконец собственным земельным участком. Но, к своему сожалению, не в милом его сердцу Рахманово, где осталось за частокотом годов его детство, а далеко от Москвы, аж в Тверской области. Здесь вошли в его жизнь и поэзию речки Медведица, Ловать, Плещеево озеро — прикормленные плесами тамошнего общества рыболовов. Но, похоже, сбылось его же собственное стихотворное пророчество, когда он писал о селе Рахманово и его крышах, которые он видел с берега милой сердцу речки Сумерь, где он "и жил, и рос", о сияющем на утренней зорьке церковном кресте:

Что же им сердце палитась,
Светом его лучась?...
... Знаю, он мне запомнится
Даже в последний час.

Полковник
Василий ПАНЧЕНКОВ

Михаил Фёдорович Борисов родился на Алтае в посёлке Михайловский в марте 1924 года. Семнадцатилетним попал на фронт. Сражался под Сталинградом, отличился на Курской дуге, дошёл до Берлина. Герой Советского Союза, кавалер многих орденов и медалей. После войны учился, работал, служил во внутренних войсках, в том числе и в нашем журнале. Автор трёх десятков поэтических книг, лауреат нескольких литературных премий. Его стихи переведены почти на все основные европейские языки. Член Союза писателей России, его Высшего творческого совета

ГОДЫ ТЕ, КАК ТРОИ, ОТПРОХОТЯЛИ...

* * *

В тусклом небе висит «рама».
Резко спотыкаюсь на бегу,
Чтоб затем надёжно и упрямо
Снова встать на волжском берегу.
Годы те, как гром, отгрохотали...
Но во мне
Не смолкнуть им вовек
Ни в грозу, когда темнеют дали,
Ни в мороз, когда искрится снег.
Навсегда войною искалечен,
Я мечтал – в сиреновой тиши
Золотой строкой увековечить
Торжество воспрянувшей души.
И считал, что очень даже просто
Поднимусь туда, где благодать,
Где смогу не по диктату ГОСТа
Для себя дорогу выбирать.
Спешно отрываясь от бессилья,
Задирая при разбеге нос,
Сколько раз ломал, бывало,
Крылья
И летел не ввысь, а под откос!
Но лежал поверженным недолго,
Как тогда, над стрелем огнем.

...Не тебе ли я обязан, Волга,
этим стойким мужеством своим?

ГОЛОС СЕРДЦА

На висках моих
белизны налёт,
Словно снег упал с облаков.
Только снег упал
Да и был таков,
А она уже не сойдет.
Это ярый след череды разлук,
Непогод сплошных переписок...
Потому и мил для меня сейчас
Сердца верного перестук.
Что теперь жалеть
Молодую стать,
Что скрывать висков белизну?
...А оно стучит и зовет весну,
Журавлей велит подождать.

* * *

Дедство смотрит издалёка,
Различное едва.
Там к Оби спешит протока
Под названием Суеда.

Это маленькое диво,
Тальниковая душа,
То встречает суетливо,
То – спокойно, не спеша.

Пряной дымкой над водою
Даль стирается с утра,
И встает передо мною
Босоногая пора.

Не она ль, родная речка,
От судьбы кружа к судьбе,
Как волшебное колечко,
Привела меня к тебе?

ПАМЯТЬ

Давно ночная птица открывала,
Сошла с небес угасшая звезда.
Меня рассвета робкое начало
От койки отрывает иногда.
Он был уже
Однажды насмерть вспорот
Огнём тысячестольным
на заре.
Услышав даже яблоневый
ропот,
На дату погляжу в календаре,
И небеса опять осядут грузно
В моей неповторимой стороне.
Горит душа
На вздутом столь искусно
Не гаснущем от времени огне.
Душа на нём отсвечивает ало,
Как ясень на дорогах заревых.
О, только бы она не отпылала
Когда-нибудь
у правнуков моих!
О, только б им
Врасплох не прокривала
Ночная птица близкую беду,
И робкое рассветное начало
У них не оборвалось на виду.
Огонь раздут воистину
усердно,
На сотни лет крещение тоской.

...Я говорю о памяти людской –
Она подчас жестока,
Но бессмертна!

НО И ТЕПЕРЬ...

О как порою манит синь небес,
И как поля зовут неудержимо!
А я прошёл, всего скорее, мимо
Живых и окрыляющих чудес.
Теперь не вспомнить, сколько лет назад
Решил, что воспарю под облаками
И небеса со мной заговорят
Не по-земному нежными словами.
Тогда полей понятен был язык,
Была ясна и внутренняя тяга
К далёкому просёлку у оврага,
Где колдовал настойчиво родник.
А жизнь взяла в железные тиски,
И резкое сказалося напряжение,
И приступы заоблачной тоски
Поведали всерьёз о пораженье.
Но и теперь, когда дремучий лес
Сплошнью надвигается стеною,
Семью цветами делится со мною
Простор полей и глубина небес.

НЕ ВЕРИТЬ НЕ ДАНО

Снега взметнулись глухо
И встали на пути.
За хмурой завихрой
Тропинки не найти.
Не в дымке густо-синей
Родные берега –
Над матушкой Россией
Кружит, чудит пурга.
Шуруя, как бывало,
Вопит на все лады...
Но мне и горя мало
От выпавшей беды.
Стяну ремень потуже
И... не страшна метель!
Давно проверку стужей
Прошла моя шинель.
И тот экзамен строгий –
Что сам, невзгодой сыт,
Я сдал на подороге,
Покамест не забыт.
Навек запомнил вроде
(Пурга, не завывай!),
Что и шальной погоде
Придёт на смену май,
И синь заглянет снова
В раскрытое окно...
Мне в это, право слово,
Не верить не дано.

* * *

Кончается время
для нашенской рати,
И я, пока чувства остры,
Всё чаще и чаще
при каждой утрате
В душе зажигаю костры.
И долго среди
возносящихся дымов
Вздыхаю о том в тишине,
Что больно редуют
ряды побратимов,
Друзей по Великой войне,
Что мною ещё
не дописана книга
И сад не разбит на юру,
И кем-то повыбрана
вся костяника
В моём заповедном бору.
Навряд ли от участи этой
надолго
Теперь я и сам увильну.
Наступит черёд –
и отчаянно Волга
Заломит на стрекне волну.
Не тут ли
на фоне темнеющей сини
Двойник мой, отзывчив и смел,
К победному лавру
во славу России
Листок да прибавить сумел?
Но дело совсем не во мне,
уверяю,
Я просто острее сознаю,
Как мало осталось
вороньему граю
Тужить о стоящих в строю,
Как лихо уносит родимых
под горку
Дорожка с накатом литым!..
И чаще, хотя по-мужски,
втихомолку,
Вздыхаю по дням молодым.

* * *

Загадаю знать бы, где и когда
Снова над миром встанет беда,
Чёрные смерчи высунут кровь.
В скатки шинели скатаны вновь.
Звёздами касок высветлен ряд –
Ротный готовит к службе наряд.
Парни застыли в плотном строю,
Мне возвращая юность мою,
Ту, что у грозной пала черты.
Может, прикрою их от беды?
Это я смог бы даже теперь.
...Только, как выстрел, хлопнула дверь,
Только в ночи, где не видно ни зги,
Звонкую тишь распорили шаги.

Владимир ГУСЕВ

ВЕСЁЛЫЙ АККОРД

Рассказ

ИВНОВЬ, и вновь он горит, горит во мне — этот анатомикум, корпус Медицинского института: чёрная горизонтально-округлая стена, а из окон — прядяющие и вновь уходящие внутрь живые клинья пламени; вновь он летит, летит во мне — этот серый самолёт в бело-сером небе; говорят — “немецкий самолёт”, а он “такой же, как наш”, эта мысль стоит в моём детском мозгу. Серо отсвечивает его фюзеляж: мы знали это слово. Вновь я вижу солдат, из которых один, маленький, отстал, но догоняет, догоняет и тоже пост:

Веди нас в бой,
товарищ Ворошилов,
Донецкий слесарь,
боевой нарком...

Вновь я чувствую остро-суповой запах армейской походной кухни у нас во дворе.

Что же весёлого во всех этих воспоминаниях? Да ничего. Отчего же весело сердцу, когда я к ним обращаюсь? Отчего же так грустно ему, когда я ныне смотрю кругом? Не знаю.

Но о весёлом так о весёлом.

Одно из главных слов в воздухе того времени — “зажигалка”. Слово “фугаска” вызывало почтение: фугаски были редки, были тяжелы, велики, они вечно что-то взрывали, разносили и прошибали. Слово “зажигалка” было более интимное и даже вызывало улыбку. “Опять зажигалка”.

Вообще, к делу сказать, уникальный военный опыт нашего детства пропадает втуне. Мы знали и пока знаем такое, чего не знали и многие военные. Я бы и сейчас с одного взгляда отличил дом разбомблённый (осталась коробка, но проби-

ты, выжжены и искорежены перекрытия) от дома взорванного (воронка с кусками стен и железа внутри неё). Я знаю, как трещат автоматные и винтовочно-пулемётные патроны, положенные под трамвай. Та, та, та: те более тенором, эти более басовито. Причём и пули летели, но мы не бращали внимания... Просто насыпанный дорожкой на рельсы чёрный (грифельчками) или серый (плиточками) порох и трещит соответственно: та-та-та...

Разбирать, развинчивать артиллерийский снаряд от сорокапятки неопасно: тол, тринитротолуол, этот белый слежавшийся порошок (когда до него добираться), не так-то легко воспламенить. Снаряд можно и молотком колотить, если он прижавел. Граната с ручкой и в “рубашке” (резьба на ромбы: для осколков) или тяжёлая, чугунная, квадратнорезная лимонка не опасна, если без запала. С запалом опасно, но запалы мы легко вынимали. Истинно опасны были мины. С упорством, достойным лучшего применения, ребята пытались их разбирать; хотя мины были не большие и не тяжёлые, но рвались так, что иногда от двух-трех исследователей оставались лишь кишки на ближайших ветках. Всё равно исследования продолжались.

Я уж не говорю об оставленных немцами минах в виде шоколадок, коробок с красками и карандашами... Да, так вот он, наш военный и послевоенно-военный опыт...

Так вот, о зажигалках. Видимо, был какой-то исходный просчёт в конструкции этих круглых бомбочек — просчет, который тотчас почувствовало наше ушное население. Они были призваны поджигать строения, причём считалось, что они не только жгут дерево, но и плавят металл. На деле они как-то редко срабатывали. Самолёт на бреющем сбрасывал их сериями; они падали туда, сюда, в том числе, конечно, и на крыши домов; поначалу вызывали и панику. А потом... Я с улыбкой читал потом у Вершигоров, что ли, как он на крыше дома крикнул в телефонную трубку: “Умираю, но не сдаюсь”, когда прямо над ним самолет сбросил эти бомбы. Сам автор не без юмора пишет, что теперь-то он знает: если бомбы выпали над тобой, то можешь сидеть спокойно, ибо они по инерции пролетят ещё километр другой.

Но даже если и попали... Бомба эта не рвётся, а как-то вяло тлеет-горит, и тут её надо ухватить лопатами и бросить в ящик с песком или в кадку с водой. Всё это стояло на крышах. Но чаще зажигалки вовсе и не тлели, а просто падали и лежали или катились, задерживаемые желобом крыши. И тут-то, конечно, был повод для массового героизма.

Человек слаб: любит, не очень рискуя, побыть героем. Негорящие зажигалки торжественно бросали в песок, ликовали, салютовали лопатами... Отсюда и интим: привкус опасности и улыбка.

Последнее, что помнится, — некто латыш Фукс, который дежурит на крыше. Вернее, уже не дежурит, но ещё не слез оттуда.

Наш двух-с-половинойэтажный, ныне посмотрись на него по приезде — жалкий, серый (почему-то желтый) дом с громоздкой трапезнойвидной крыши.

Опасность уже прошла, все уж “у дома” — разминаются, а Фукс ещё на крыше, ещё не влез в черно-квдратное чердачное окно. Его бледная сутуловатая жена перед домом смотрит вверх, на мужа.

— Дурак! Ну какой дурак! — начинает она.

— Ира!

— Дурак! Зажигалки!.. Герой!.. Пока сидел на крыше, воры машину украл!

— Машину...

— Да, швейную!

— Ира! А ты где была?

— В бомбоубежище! Где же.

— Ира! Я их видел сверху.

— Он видел! Он видел!..

— Ира! Я же им кричал. Я кричал, я свистел. У меня свисток из милиции. Я же кричал, я свистел. Но не могу же я... на посту...

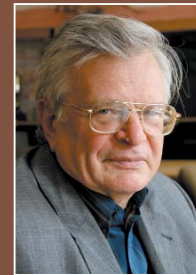
— Он свистел! Просвистел машину!

И двор взрывается хохотом.

Да! Что из того, что через два месяца, бросив не только машины, но и столы, чашки, ложки и одеяла, все будут толпиться на переправе, спеша на спасительный левый берег... Что из того?

Разве же они не знали, что так будет? Знать-то не знали, но уж, конечно, подозревали. У нас люди всегда были какие угодно, но не дураки...

Да, просто тогда смеяться умели не так, как теперь-то.

18 мая Владимиру Ивановичу ГУСЕВУ — известному русскому писателю, учёному и общественному деятелю, председателю правления Московской организации Союза писателей России, исполняется 70 лет. Мы от души поздравляем юбиляра — нашего автора, взыскательного читателя, строгого наставника, доброго советчика и друга — и желаем ему жизненного и творческого долголетия!

О РУССКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Русская духовная культура... Многие сегодня заявляют об её упадке. О жесточайшем кризисе, а то и полной гибели. Но никакого кризиса русской культуры нет, не было и не ожидается! Другое дело, что всё в стране делается для того, чтобы она исчезла.

Делается руководителями страны, делается нашими “зарубежными друзьями”. Всё это делается. Немцы — те хотели нас прямо уничтожить. Немцы есть немцы, они народ прямалинейный. Теперь всё делается более хитро: и русские хороводы с гармошками ставят, праздники православные культивируются, которых при коммунистах не было. А на самом деле народ уничтожается. Даже самоуничтожается. Народу внушают, и довольно успешно, комплексы неполноценности. Так народ и может погибнуть: сначала духовно, потом и физически. При этом, повторяю, кризиса культуры у нас нет.

По-прежнему русские остаются самыми умными, самыми талантливыми во всём мире. И все эти таланты и умы мы сами сегодня поставляем всей этой свалочкой, которая нас уничтожает.

Сейчас куда ни ткни по всему миру — везде талантливые русские работают. В физике, в математике, в музыке, в хоккее, где угодно. Вся мировая культура сегодня — что она такое без русского элемента?

Всё взято у нас, теперь нас же ругают и обвиняют бездарными. Так что нет никакого кризиса ни в русской культуре, ни в науке, ни в том же спорте, ни кризиса русского ума и таланта, а есть попытка внушить эту мысль о кризисе самому русскому народу. Мол, какие мы жалкие, провинциальные, глупые, беспомощные. А народу надо желать выйти на первый план мировой духовной жизни. Нам нужна здоровая самокритика народа, без боязни увидеть свои пороки, но не самоуничижение. Я даже думаю, скорее наш народ ждёт физическая смерть, чем духовная. Физическое вырождение. И думаю, пока живы будут русские, духовной смерти наши неоруги от нас не

О НАЦИОНАЛЬНОМ ГЕРОЕ

Исторические гадания — дело пустое... Встань Болконские во главе страны, а не уйди в тень после Бородина, всё было бы иначе. Без них же русский народ только и сумел, что проявить сотни раз свое знаменитое, неслыханное терпение и многое... проиграть для самих себя...

Да, не спаси себя сами, свою стихию и нравы ни тургеневские Сучки, ни Платоны Каратаевы, ни Иваны Денисовичи...

Так и не находимся среди нас Андрея Болконского, безусловного лидера во всем. Сегодня нам для нового Возрождения нужны не Чичиковы на “мерседесах”, не почвеннические-народные Каратаевы, а Андрей Болконский. Когда народ это поймет, сам поймет, тогда и наступит “время Болконских”. Или мы сами как народ уйдём с исторической сцены.

ИЗ РАССКАЗОВ ИВАНА АНТОНОВИЧА

**Вячеслав
ШАРАВОВ**

Иван Антонович был лесником. Жили они с теткой Василисой в лесной сторожке, километрах в полутора-двух от старого Клинско-Волоколамского тракта. Жили тихо и мирно. Никому не мешали. Добрым людям всегда рады были.

Я помнил Ивана Антоновича в преклонном возрасте. Он мне показывал грибные и ягодные места. Часто поил чаем, настоящим на травах и ягодах, рассказывал разные истории из своей жизни, и особенно из того периода, когда в нашей местности проходила война. Лихое наступление немцев, оккупация и стремительное бегство захватчиков во время мощного контрнаступления наших войск под Москвой, как правило, были главными темами этих разговоров.

Многие рассказы Ивана Антоновича я хранил в памяти, некоторые записывал. Время шло. События военных лет часто донимали меня, притягивали своей таинственностью и постоянно вызвали желание поделиться с читателями. Так и появилась эта серия "Из рассказов Ивана

ВОЛЧОК

В 1941 году немцы на Москву рвались с такой стремительностью, что местные жители не знали, куда и как прятаться. А некоторые и не пытались прятаться: "Черт с ними! Как-нибудь переживём оккупацию, а может, всё-таки одолею и этого супостата".

Семье же моего деда Михаила Васильевича и бабушки Пелагеи Яковлевны была дана команда эвакуироваться. Бабушка была хотя и в возрасте, но являлась членом партии, и местная администрация пыталась чем можно помочь коммунистам. В противном случае немцы бы расстреляли, а дом сожгли.

Бабушке выделили лошадь и район указали – деревня Жестоки, что на границе с Тверской областью.

Поехали к вечеру. Дорога от Волоколамска до Клина забита отступающими войсками, беженцами, скотом, который гнали, чтобы не достался врагу. Ехать на лошади да ещё с привязанной сзади коровой было практически невозможно. Дед тогда и сказал бабушке: поезде, мол, Пелагея в сторожку к Ивану Антоновичу. Он, может, и приютит. А в Жестоки нам просто не добраться со своим скарбом.

И Пелагея Яковлевна согласилась. Избушка стояла в лесу, а немцы его пуще огня боялись. Приехали в сумерках. Иван

Антонович и тетка Василиса никакого упрека не высказали – мол, куда деваться:

– Располагайтесь, где сможете. Корову в сарай заприте. Одно вот – собаку в доме оставлять нельзя, залает – только немцев накличет, – сказал Иван Антонович. – С ней что-то делать надо.

Придумали быстро. Дед взял вожовую веревку и ушел с Волчком в лес, далеко, с километр, наверное. Привязал Волчка крепко веревкой к огромной ёлке на поляне. Положил ему для еды ногу, отрубленную от павшей лошади, и ушёл. Волчок долго подвывал. Был он псом крупным, помесью овчарки с другой не менее крупной особью, и поэтому бояться за него не приходилось. Но подвывал Волчок жалобно...

На другой день навестить собаку не удалось. Немецкие войска шли целые сутки, под грохот моторов и лязг гусениц выходить из избушки было жутко. Только на третий день дед пошёл проведать собаку и повёз ей другой мосол: ведь живое существо и кормить надо.

Подъехав к поляне, дед не услышал радостного лая. Подойдя ближе к ели, к которой был привязан Волчок, увидел двух лежащих на снегу собак. Одна была явно крупнее. Дед понял, что это волк.

Рядом лежал Волчок и тихонько постанывал. Был он сильно изранен. Морда вся в запёкшейся крови, ухо порвано, на правую заднюю ногу встать не мог... Но волка задрали.

– Волчок, да как же ты так смог? – жалостливо проговорил дед. – Такого матёрого одолев!

Уложив на санки Волчка, дед прицепил и волка и так, волоком, потянул свою поклажу к избушке. Дома ничего не могли понять. Но Иван Антонович разъяснил, что Волчка спасла веревка. Дед округил его собачью шею два раза, а узел завязал под самым горлом. Вот хищник и не смог, благодаря веревке и узлу, перегрызть его Волчку. Тот же, запутав волка веревкой, сумел сверху взгромоздиться и вцепиться в хребет матёрому волчице и таким образом доконать его.

Бабушка Василиса выходила Волчка. Пёс отлежался и встал на ноги, а с волка сняли шкуру, и долго еще она служила подстилкой на студенном полу.

ИСТОРИЯ С ВИНТОВКОЙ

Эту историю я бы не узнал никогда, если бы не одна случайность. Как-то ближе к весне Иван Антонович попросил меня порыться на подволоке (это такая ниша между крышей крыльца и дощатым подбоем снизу) и найти там лопату поменьше и полегче. Большая лопата ему уже стала не под силу. Я с мальчишеской прытью взлетел на чердак и принялся перерывать всё, что там лежало, стараясь скорее найти эту самую лопату. Перекаладывая разные доски, топорнища, мотки проволоки и другое барахло, зацепил остатки старого тулупа, заложенные доской, и обнаружил, что в них завернуто что-то металлическое и тяжёлое. Развязав веревку, обнаружил, что тряпьем обёрнута винтовка. С волнением и самому себе непонятной радостью выдал Ивану Антоновичу, что нашёл вместо лопаты.

– А ну-ка слезай оттуда! – строго скомандовал Иван Антонович. – Пошёл же за делом, а ты суёшься, куда не следует.

– Да я разве что... – попытался было оправдаться. Но тут попалась маленькая лопата. Это сразу успокоило и меня, и Ивана Антоновича. Но все равно чувствую, недоволен старик. Чтобы как-то скрасить случившееся, принёс я ещё два ведра воды из колодца, потом вязанку дров и только собрался было уходить, как Иван Антонович остановил:

– Давай уж я тебе расскажу историю про винтовку-то... Так, наверно, лучше будет. А то не ровен час сболтнёшь, где не надо...

Слушать про винтовку было интересно.

Случилось это после того, как немцы взяли Волоколамск. Напирали они с такой силой, что наши войска не выдерживали и вынуждены были отступать. Красноармейцы шли и организовано, и по одному, догоняя свои части. Однажды к вечеру в избушку лесника пришли сразу четверо красноармейцев. Один из них был таджик. Это уже потом узнал Иван Антонович. Грязные, усталые, простуженные. Попросились переночевать, а утром, как получится – лесом, просёлками – догонять своих. Накормили их Иван Антонович с теткой Василисой отварной картошкой с огурцами да салом для поддержания сил. Печь натопили пожарче. На полу бойцы и устроились. А рано утром быстро собрались. Иван Антонович указал примерное направление через лес, назвал деревни, мимо которых нужно пройти, чтобы попасть на дорогу между Кли-

Об авторе

Вячеслав Иванович ШАРАВОВ родился в Подмосковье, в деревне Коверино в 1944 году. После школы работал на фабрике в Клину, потом без малого тридцать лет служил в армии и органах внутренних дел. Полковник в отставке. Первую книжку стихов "Люблю и верю" выпустил в Объединённой редакции МВД России в 1996 году. Затем издал том прозы "Разговор по душам". Член Союза писателей России. Живёт и трудится в Москве.

ном и Калинином, где, по всему было видно, шли бои. Бойцы заторопились. Дал он им кое-что из еды на дорогу, а сам видит, что красноармейцы, ну тот, который нерусский, идти и не может. Хворь одолела его основательно. Еле ноги волочит.

Подожёл Иван Антонович к старшему и сказал, чтобы оставил он Алим, так звали таджика, у него в сторожке дня на три-четыре. Он подлечит его, а потом сам и проведет. Старший глянул на Алим, подумал-подумал и согласился. Так, наверно, лучше будет, с больным-то ведь тоже далеко не уйдёшь. А путь неблизкий.

Бойцы двинулись в путь, а Иван Антонович с теткой Василисой взялись за лечение Алима. Напоят его чаем с сушёной малиной – и на русскую печку. Дня за три подняли больного на ноги. Парень он был неразговорчивый. А тут, как силы появились, сам попросил Ивана Антоновича показать дорогу, куда идти надо. Немцы за это время уже прошли вперёд, и избушка, считай, в их тылу находилась.

– Ты, дед, – говорил Алим (русским языком он владел

плохо и Ивана Антоновича называл деда, а тетку Василису – маму), – проводи меня немного, а дальше я сам.

– Да куда сам-то?

Иван Антонович, считай, полжизни в лесу прожил, да и то блуждал иногда, а тут человек и леса не видел, и местности не знает – в жизни никогда нужную дорогу не найдёт. Поэтому решил, что пойдет провожать Алима до передовой. Тут и встал вопрос о винтовке. Алим настаивал, что без винтовки ему никак нельзя. С ней он солдат, а так – за дезертира принять могут, и дело для него плохо кончится. Иван же Антонович считал по-другому. Вдруг в пути на немцев нарвётся, что они сделают с одной винтовкой? А те их наверняка расстреляют, за партизан примут.

Спорили долго. Наконец Алим согласился. Вот тогда-то Иван Антонович и запрятал эту трёхлинейку на подволок крыльца.

Как добираться с Алимом до наших войск, Иван Антонович не говорил. Он хорошо знал лесные пути-дороги, а потому, видно, к переднему краю вышли они без приключений. А вот чем закончилась эта история, он вспоминал не раз. Дело в том, что года через два или три после окончания войны получили Иван Антонович и тетка Василиса интересное письмо. Из Таджикистана писал им Алим Садыков. И Иван Антонович пересказывал его по памяти. “Деда Иван и мама, – писал Алим, обращаясь к Ивану Антоновичу и тётке Василисе. – Вы теперь мои родные. Благодаря вам я выжил в ту кровавую зиму 1941 года. Я буду за это благодарен вам до конца дней своих. Я ведь, когда мы наступали опять, был недалеко от вашего лесного дома. Хотел забежать за винтовкой, да некогда было, и нужда в ней отпала: наступали мы уже с автоматами”. Дальше Алим писал, что во время войны его сильно ранило, но выжил опять. Живёт хорошо и всем сердцем своим просит родных деда и маму приехать к нему в гости. Он очень рад будет.

Письма я этого у Ивана Антоновича не видел, но сохранился конверт, и помню, как на нём подробно указывался обратный адрес. И внизу значилось – “от Алима Садыкова”.

И теперь, по прошествии многих лет, невольно думаю: мне: вот ведь какая дружба связывала русского человека с сегодняшним иностранцем. А будет ли она таковой, случись подобное испытание с нами снова?

РУССКАЯ БАНЯ

В ходе наступления на Москву в оккупированных деревнях и селах немцы оставляли небольшие гарнизоны для охраны тылов армии и управления местным населением. Эта история касалась и моей родной деревушки Коверино, что находится между Клином и Волоколамском.

Оккупация длилась уже больше месяца. Жители деревеньки, что прижалась почти к самому лесу и была ближе к сторожке лесника, немецкого присутствия терпелись вдоволь. Но продолжали со всем присущим русскому характеру упорством переносить все новые и новые мятарства. А уж издёвок-то хватало. Однажды ранним утром старший из команды, квартирующей в деревне, вызвал к себе старосту и начал допытываться, как бы им помыться.

– Да как, как, – отвечал Пахом. – Наверно, никак. Теперь ведь не лето.

– Почему никак?! – заорал немец. – А где баня?! Или что, русский мужик зимой не моется?! Как медведь, живёт?

Весь разговор перемежался бранью на непонятном немецком языке и таким же непонятным русским. Пахому даже показалось, что переводчик переводил только матерщину, потому как связанного разговора не получалось.

– Да моемся мы, моемся, – отмахивался Пахом. – А как – это другой вопрос.

– Как и где? – наседали немец.

– В печке, вот где! – с какой-то внутренней усмешкой выдал наконец староста...

– В какой печке?! Где в печке? – опять заорал немец.

– В русской печке, – уточнил Пахом.

– Дурак! – или что-то типа этого выговорил немец. – Гроссмуллер Яга может мыться в твоей печке!

– И муллер Яга может. А как же! – съехидничал Пахом.

Немец ехидства не понял, видимо, возгордившись тем, что знает сказку о русской Бабе Яге.

Ладно, пусть покажет, как это делается на самом деле, – видимо, решили немцы.

Печка у Пахома была большая. Он добросовестно объяснил, что её хорошо топят сухими дровами, нагревают котлы с водой, вычищают печной под. Застилают его соломой. Затем в тёплую печку заходят по очереди и моются.

Немец решительно ничего не понимал, но уже так не злился. Не ехидничал и Пахом. Всё было по-серьёзному, отчего старшему, видимо, казалось, что именно так и устраивают бани в России. Он ещё заглянул за печку, фонарём посветил внутрь и явно убедился, что вымыться или даже изобразить подобие бани там невозможно. Но объяснениям старосты внял. Каких-либо иных условий для мытья в деревне не наблюдалось. Да и в других селениях он что-то не замечал бань, какие имелись на его родине. Но то ли изначально немец был настойчивым, а может, терпение лопнуло – вещи доконали, поэтому он отдал команду топить в трёх домах сразу. Топить прилежно. А потом он скажет, что надо делать дальше.

Бабы принялись топить печи. Солдаты же притащили в каждый дом по огромной бочке, и Пахом понял: хана всему. Теперь все подполья будут залиты водой, а там что-то всё-таки хранилось. Всё это потом замёрзнет, да и дома от такой толпы сгореть могут. Но поди ослушайся...

Когда всё было готово, истопники отправили в окопы. На улице остался один часовой. Вдруг долговязый солдат прибежал к самому большому окопу-землянке, где притаились семьи три, и прокричал вовнутрь:

– Матка, мочалу! Матка, мочалу!

– Нету мочалы, нету, – развели руками две бабки сразу.

Немец погано вырвался и, наверное, от злости и для острастки выстрелил вверх, чем только ещё больше перепугал всех, в том числе и своего часового...

Баня началась. Вдруг Пахом заметил, что из среднего дома вместе с паром повалил дым. Видно, внутри уже что-то горело. Побежал к часовому, объяснил, что так и дом сгорит, и солдаты сгорят. Что это плохо кончится. Подняли тревогу. Человек пять мившихся нагишом метнулись в соседний банный дом, а Пахом со старухами начал тушить загоревшийся. Потушить его кое-как удалось. Огонь не вырвался наружу, выгорела только часть задней стены, выходящей в сени. Однако на другой день староста был вызван снова и получил команду строить настоящую баню.

– Как? – спросил Пахом.

– Разобрать вот те сарай и амбары, что стоят за деревней, и строить, – распорядился старший квартирмейстер.

Сам же нарисовал проект из трёх совмещённых помещений. Дровяной склад, предбанник и помывочную с водонагревательной печью посредине. Для работы выделили пять солдат. Говорили, что все они из тыловой похоронной команды.

Неужели, думали люди, фашисты надеются здесь жить долго, коль баню решили строить... Однако собрали баню дня в три. Сделали и крышу, и потолок. Но сложить печь не получилось. Не было ни кирпича, ни глины. Тогда из тылов привезли сварную водогрейку. Её установили, как паровоз, во всю длину бани. Но, увы, по прямому назначению использовать сооружение так и не довелось. Квартировавший гарнизон был спешно перебросен ближе к Москве. А при отступлении немцев и бани пришёл каюк.

Когда наш первый танк выскочил от деревни Милухино на пригорок и полоснул пулемётной очередью вдоль улицы, баня огрызнулась в ответ.

Танк на мгновение замер, повел пушкой и выстрелил несколько раз. Деревянное строение дрогнуло, прожитое горящими болванками, неуклюже осело и загорелось.

Наступающие войска прошли быстро, и к вечеру староста из любопытства осторожно осмотрел пепелище. Внутри обнаружил трёх убитых немецких солдат. Один из них был похож на того самого старшего квартирмейстера...

И всё бы было ничего: что заслужили, то и получили. А вот баню жалко. Так её в деревне больше и не построили...

СТАРОСТА

Никто не знал, сколько продержатся немцы, занявшие деревню. Но к делу они приступили со всей серьёзностью. Первое – это собрали сход. Здесь и до войны трудовых мужицких рук было всего ничего, а с её началом и тех не стало. На собрании самый старший фельдфебель настоятельно требовал избрать старосту. Люди знали, что значить прислуживать фашистам. Бабы отказались сразу все. Да и фельдфебель не был особенно настроен на то, чтобы управляла женщина.

– А что делать будем? – спросила одна из самых деловых старушек.

– Арбайтен, арбайтен унд арбайтен!

– Работать и еще раз работать! – уточнил переводчик.

– Да что ж работать-то? Ведь всё снегом замело.

Немец не врубался, что если всё замело снегом, значит, в России уже никто не работает.

– Арбайтен унд арбайтен! – ещё раз подтвердил фашист.

– Пусть готовит арбу, – передразнила немца Захарьевна, – будем её возить.

Но дело обстояло довольно серьезно.

– Вот того мужичка, – указал фельдфебель на Пахома, деда с исковерканными пальцами на левой руке еще с Первой мировой войны.

– Он не может! – завопила Пахомова бабка. – Это же стать врагом народа.

– Помолчи, дура! – пнула ее в бок Захарьевна. – Ничего страшного, будем арбайтен и всё.

Народ притих. Фельдфебель назначил старостой Пахома. Переводчик это перевёл. Кажется, все согласились.

Несколько бригад отправили заготавливать лес. Бабы рассудили так: сами не успеют всё сжечь, значит, нам досчитается.

В лес фельдфебель, конечно, не ходил. Пахому задачку поставит, и ступайте, мол, пилите. Но норму требовал такую, что народ всей деревней за зиму столько леса и дров не заготавливал.

Периодически Пахому вопрос: как? Пахом отвечал: так, мол, и так. А как там шла заготовка с двуручной пилой и старыми топорами, знали только бабы. Да и вывозить лес было не на чем...

Случайно фельдфебель обнаружил, что на поле под снегом остался лён в ручешках. Он выкопал несколько снопов, спросил, сколько здесь похоронено льна. Пахом сказал: целое поле.

– О, филе, филе. Аллее арбайтен! – поставил новую задачу “главноначальствующий”.

Лён был под снегом, его просто не смогли убрать. Война продвигалась так стремительно, что успели только связать в снопы. Так его снегом и замело.

Снопы брали вилами и сносили в кучу. И тут началась самая настоящая комедия.

– Нихт куча, нихт куча! – орал фельдфебель. – Гут арбайтен надо! – И рисовал этакий красивый стог, большой и высокий, ровный и остроконечный. Но как такой сделаешь из мороженных снопов? Дня два ушло только на то, чтобы выложить основание.

– Ви хольц, ви хольц (как дрова)! – пытался объяснять фельдфебель.

– Как дрова – это значит в поленицину, – кивали люди.

– Не лениться, не лениться! – твердил фельдфебель, ибо именно так понимал слово “поленицину”. – Делает пирамиду, – настаивал он. И все показывал, как она выглядела.

В центральной России никогда лён в такие островерхие стога не укладывали и, конечно, не знали, как это делать. Но фельдфебель был настойчив. И основание будущего стога прорисовалось. Затем начали выводить сам стог. Снопы сыпались, особенно мороженные, и никак не держались в веерообразном состоянии, как требовал фельдфебель. Бабы наверх работать не могли. Связку выкладывал Пахом. У него это получалось плохо, и тогда фельдфебель по длинной лестнице, которую держал человек пять-шесть, влезал наверх и перекладывал все связки заново. Показывал Пахому, как это грамотно делать.

А закончилось мероприятие трагикомически. Ничего подобного, что требовал фельдфебель, у Пахома не вышло: стог шёл вкривь и вкос, а то и вообще начинал рассыпаться. Но всё-таки рос, и когда поднялся уже метра на четыре и Пахом начал выводить вершину, фельдфебель ещё раз поднялся наверх. На скользких мороженных снопах льна они воровались, как два клоуна в мешках. Было холодно, и надевалось всё, что было можно. Бабы в два броска с подставки еле-еле закидывали им по одной-две ручки льна. И вдруг уже под конец работы фельдфебель поскользнулся и начал балансировать. Пахом подержал его, и оба кувыркком полетели вниз. Пахом чуть было не задавил Прасковью, соседку по дому, за что последняя постоянно ругалась с дедом и подначивала его. Фельдфебель грохнулся основательно, но перепутался и того больше. Ему вначале показалось, что падает весь стог и что это чья-то провокация. Потом успокоился. А дня через два его забрали в боевую часть. Под Крюковым уже началось наступление.

Люди ожили. А как пошло повальное бегство оккупантов от Москвы, Пахомова избушка загорелась. Говорят, немцы льняными снопами печь топили и спалили

жилище...

Едва последний фашист покинул деревню, всех старост тут же забрали. Деда Пахома, правда, вскоре отпустили. Бабы заступились. Подписали заявление, что он своим руководством не только вреда стране не нанёс, но ещё и пострадал от фашистской нечисти.

КАБАНЬЯ ОХОТА

Осень 1941 года была холодной и голодной. Фашисты разорили всё, что можно. И дед Михаил со своей бабушкой, жившие у Ивана Антоновича с тёткой Василисой, тоже бедствовали. Дом их в деревне сторел. Немцы, когда отапливали пустые дома во время наступления, дрова не пилили и не кололи, а загибали в печи, насколько возможно. Так, толкая толстые бревна, выбили они в задней стенке кирпичи, огонь вырвался наружу, и дом загорелся. А тушить кому надо? Наступательный фейерверк! Для храбрости да остротки.

Во дворе дома были зарыты кадки с рожью. Вот дед и ездил на пепелище вечерами выгребать из бочек что попадало: рожь так рожь, мусор так мусор. Потом уцелевшее просеивалось. Рожь прокручивали в круподёрке, и бабушка пекла лепёшки вместо хлеба.

А у Ивана Антоновича с осени за огородом были открыты ловчие ямы. Это для кабанов. Как только картошка подрастала, они захаживали в огород лакомиться ею.

Иван Антонович, бывало, сбоку проволоку натягивал и старые ведра на нее вешал, внутрь которых клал пустые консервные банки. Кaban заденет проволоку, банки загремят, и он уже в этом месте не лезет. Так Иван Антонович приучал зверьё в огород наведываться только сюда. Там проволоки не было, но зато имелись ямы, куда можно легко попасть, убегая от пугалок.

А уж ноябрь стоял, считай, зима. Как приманишь кабана? На огород выносили два-три кочана начинающей портиться капусты и картофельные очистки. Выливали помой. Не великое "угощение", но в холода кабаны и такую рады.

Как только первые следы начинали отпечатываться, мы с Иваном Антоновичем и включались в отлов. Подкомруку усиливали, ямы вычищали и хорошо маскировали.

Поймать кабана — дело серьёзное. Стадо-то бежит в ровную верёвочку. Никто в сторону не ступит. Впереди — секач: тот вообще никогда не ошибётся. За ним — свинья, а уж потом — подвинки. Но тоже дисциплинированные. Чтобы их строй испортить, надо напугать сильно. Хотя Иван Антонович имел ружьё, но стрелять не решался. Немцы нагрянут: "Партизаны, партизаны!" — и капут всем выйдет.

Но Иван Антонович придумал, как обойтись без пальбы. Сделал две колотушки деревянные, подобрал пару вёдер позвонче. Тётя Василиса предупредила, чтобы только не пробили их. Подкомруки мы в одну ночь огород хорошо и сели в засаду. Часов до трёх ночи сидели. Я засыпал пару раз. А тут слышу, Иван Антонович толкает:

— Давай, — говорит, — будем выскакивать. Я с одной стороны двора, а ты — с другой. И бей колотушкой в ведро.

— А сколько их? — заранее предчувствуя опасность, спрашиваю я.

— Много. Видишь, тени. Ходят и хрюстают, жрут, значит. Ну мы с Иваном Антоновичем со своими барабанами и вылетели со двора!.. Трах-тарарух! Секач как рывкнул, и

всё стадо ринулось в конец огорода...

Идти смотреть ямы ночью — это дело рискованное. Иван Антонович говорит:

— Давай до утра терпеть.

Утром пошли на осмотр. В одну яму влетел крупный кабан-подсвинок. Ну, думаю, как доставать-то будем? Он и там ходит, как зверь. Разорвёт ведь.

А Иван Антонович уже несёт свою острогу. Это, значит, косарь такой, штык-нож от старых винтовок, ещё с Первой мировой войны, прикрученный к жердине. Мы такими косарями лучину щипали для растопки. Взял Иван Антонович эту жердь с косарём да как всадил в кабана, тот и готов.

Ну, думаю, и хитер Иван Антонович. Вот голова-то! В самое голодное время у нас и мясо, и жир какой-никакой. А вкус палёных кабаньих ушей я и до сих пор помню.

ТАНКИ В ЛЕСУ

Боевых танков я никогда не видел. А тут вдруг все ушли из сторожки на заготовку дров, остались в избушке мы с тёткой Василисой. Только я собрался было за водой к колодцу сходить, слышу, от большака к лесу какой-то грохот катится, прямо как вихрь.

Я к бабушке Василисе. Та говорит, надо в подпол прятаться, и туда ползла. Я же от страха и любопытства влетел на чердак. Только к щёлке приник, смотрю, стальные черепашки из прогалины на поляну выползли. Лязз стоит в лесной тишине, аж иней с деревьев летит. Лёг на живот, смотрю. Первый танк выбрался в чистое поле да как полоснёт по верхушкам ёлок — ветки так и полетели.

Вот, думаю, и дурак же я, надо было лезть в подпол к тётке Василисе, всё-таки там не так слышен этот смертельный грохот, да и пулемёт в подполе не достанет. Но было уже поздно.

Второй танк тоже пострелял из пулемёта, а затем встали танки в ряд и начали стволами крутить. Если бы стволы на сторожку направили, я бы так на чердаке и умер от страха. Но танки стволы направили в словую чащу. Покачали ими, покачали, затем замерли и бахнули! Избушка чуть не рассыпалась по бревнышкам, а когда темно-красная болванка пролетела мимо светёлки, мне показалось, что стало даже жарко. Я упал на пол чердака, прошептал что-то вроде молитвы: "Да упаси меня, Боже" — и заткнул уши.

Второй танк выстрелил куда-то немного дальше, в молотые посадки. Но я уже лежал с заткнутыми ватками ушами и не глядел в цель чердака.

Затем танки ещё вкрутовую обстреляли поляну из пулемётов. Мне показалось, что пули попали в крышу избушки, и я заорал что-то стонотное и бессильное.

Вдруг раздался новый грохот. На поляне всё закружило, завьюжило. Танки рванулись с места и понеслись в сторону большака.

Бабушка Василиса из подпола не вылезала. Я тоже не подавал признаков жизни до тех пор, пока не появились Иван Антонович и дедушка. Дрожа от пережитого, я рассказал о случившемся. Иван Антонович открыл подпол и выпустил почти спокойную тетку Василису. Она, оказавшись, там ещё и делом занималась: начистила целый котелок картошки.

Иван Антонович определил это явление немцев как разведку — нет ли в лесу каких-либо партизанских баз.

После отъезда танков я насобирав много гильз от пу-

лемёта. Принёс и две большие гильзы от снарядов, которые Иван Антонович тут же приспособил под колокола с двух сторон избушки. К тому же снарядами срубили две вершины ёлок, которые мы использовали на дрова.

МЕСТЬ

Прохор Егоров, Сергей Смирнов и дед Назар появились в избушке к вечеру. Мы уже никого не ждали, да в лес никто и не ходил. Я доскребал последнюю картошку и уже собирался на печку. Тётка Василиса спала на полатах, бабушка и дедушка укладывались на сундуках около маленькой печурки. У Ивана Антоновича было своё место, за печкой. Там и тепло, и абсолютно спокойно. Даже если над лесом начнётся воздушный бой, Иван Антонович это не услышит. Только к концу зимы Иван Антонович обычно покидал свое пристанище и уходил на диван, а в его так называемую загонку поселяли родившегося бычка или телёнку, если, конечно, отелится корова.

Догорал последний фитилёк котилки, и вдруг в сторожку постучали. В ту же секунду я был уже на печи, и прошедших мог встречать только Иван Антонович. Он спросил мужиков, что за работа их привела. Прохор Егоров, мужичок лет шестидесяти, с давно искалеченной ногой, объяснил, что у них полный вещмешок горючей смеси, все отлажено и они завтра пойдут поджигать немецкие танки, армада которых под напором наших сил катилась к Волоколамску. Мужикам откуда-то стало известно, что завтра будет проходить самая большая колонна.

— Хотя один, но грохнем. Вчера фашисты сожгли дом Прохора, и мы должны за это отомстить.

— Мужики, только вы куда-нибудь в сторонку от большака-то отойдите, а то ведь, если фашисты вопрут на сторожку... Ну сами понимаете — могила будет.

— Не трусь, Антонич, все сделаем как надо, — заверил дед Назар. — Ты нам дай поспать часика четыре, а как петух прокричит, мы так и уйдём.

— Василиса, покорми бойцов хоть лепешками с картошкой, а то дело-то ответственное, — распорядился Иван Антонович.

Тётка Василиса слезла с полатей, достала из чугунка остатки холодной картошки, три лепешки и развела в кипяченой воде большой кусок сахара.

При виде сахара мне тоже захотелось стать народным мстителем, да так просто всё, оказывается, не бывает. Мужики поели и тут же легли на полу.

Как был подбит танк, я не знаю. Никто не хотел рассказывать подробностей. Но в самой низинке под Брыковом он торчал лет пятнадцать. Пока мы, пацаны, не разобрали его почти до винтика. Помню, уже перед самой смертью Иван Антонович рассказал, что Прохор разбил об него бутылку десять, пока весь не залил бензином и не поджёт.

Танк застрал и пытался подняться на взгорок с разгона. Прохор в это время и начал его атаковать бутылками, мужики только успевали подавать. Другой техники не было.

Мужики сами не могли понять, как это танк вдруг загорелся да ещё взрывался раз пять. Часа на два задержали всю колонну. Прохор потом всё жалел, что горючего мало взял. Иначе бы можно больше техники поджечь.

Удивляло мужиков и то, что таким простым средством, оказываясь, можно даже с танками бороться. Не случайно во время войны бутылками с зажигательной смесью

сотни фашистских танков было уничтожено.

ЛЁШКИН РАСЧЁТ

Когда стало известно, что началась война, Лёшка Дофеев не сразу осознал случившееся. Жил он в глухой деревне, отгороженной от большого мира лесом и непроезжими дорогами. На телеге или санях зимой проехать ещё можно. А так — нет. Даже если фашисты напирать будут, то до них всё равно вряд ли доберутся.

По-другому беду он ощутил, когда отца в один день забрали на фронт. Уходя, он тревожно и горестно сказал: — Всё, Алексей, будешь за меня дома. Две младшие сестрёнки и мать останутся на твоё попечение.

А было Лёшке четырнадцать лет. Ни то ни сё. Ни воевать не пойдёшь, ни дома того, что отец мог делать, не сделаешь. А тут и осень, и уборка, и хозяйство. И тем не менее всё случилось не так, как он предполагал.

Фашисты давили со всех сторон. Когда наши войска отступали, Лёшка думал, что отец, может, хоть нанемного домой забежит. Ведь дорога-то на Москву не так далеко проходит. Хоть повидаться, о чём-то посоветоваться. Ничего не вышло. Не зашёл отец. А вскоре в округе появились немцы.

Кое-как прибрав за осени огороды, жители затаились, как перед чем-то страшным и безысходным. Даже на улице без нужды выходить перестали. Но вот наконец и в их деревню пришли. А Лёшка всё думал, Бог милует, обойдёт их эта беда. Чёрта с два!..

Видно, немцы так боялись партизан, что в каждой деревеньке, особенно граничащей с лесом, свои гарнизоны поставили. Тут уж страх стал реальным. Сестрёнок они с матерью спрятали у бабушки. Дом у неё похуже, и в нём немцы не поселились. На Лёшку и на других его сверстников фашисты смотрели подозрительно. Видимо, знали, что от подростков можно ожидать чего угодно. Мать сказала, чтобы Лёшка тоже жил у бабушки, но он не согласился, уперся и ушёл в сарай. Оттуда можно было за домом наблюдать. Мало ли что.

Один из часовых проверил сарай. Убедившись, что кроме мальчишки там никого нет, он всё равно потыкал Лёшке в грудь автоматом и сказал что-то на своём лязгающем языке. Лёшка перевёл примерно так: будешь вылезать из сарая, пристрелим!..

С этого и началась жизнь в оккупации. Не жизнь, а пытка.

Выгнав жителей, фашисты поселились в трёх лучших домах в середине деревни. Людей направили на заготовку леса. Сами же мародёрствовали. У тётки Маши, что одиноко жила на краю деревни, зарубили всех кур и заставили её же ощипывать. У деда Василия зарезали последнюю овцу. Он её в подполе прятал. Всё равно нашли.

Тут уж сельчане поняли, что не зря скот в огни отдали. Там хоть свои попользуются, а не эти бандиты. Народ в постоянном страхе держали. Чуть что, сразу из автомата начинают стрелять очередями. Когда с живностью было покончено, немцы стали по амшанникам и горенкам лазить. Забирали всё, что есть и пить было можно. Огурцы, капусту, яйца...

Лёшка про себя даже радовался, что они успели с матерью две кадки в землю зарыть. Одну с рожью, другую с капустой. Авось хоть что-то сохранится.

Особенно свирепствовали два фашиста, которые жили в их доме. Длинный такой, верста коломанская, белокрысы и второй – покороше, но толще, и злой – хуже черта. Пришли они как-то среди дня к деду Василию с обыском. А искать-то уже нечего. Этот второй и показывает рога на голове, “му”, говорит, где “му”? А дед Василий повернулся к лесу и говорит: там, мол, “му” есть. Немец пнул деда в грудь прикладом и показывает, иди, мол, в лес, ищи “му”. Дед не идёт. Тогда он затвор передёрнул и выстрелил под ноги деду. И дед Василий поплёлся к лесу. Немцы что-то погаркали, ещё раз стрельнули и пошли другой дом грабить.

Но больше всего Лёшка боялся за мать. Её немчура проклятая готовить на себя заставляла и бельё стирать. А потом пьянку организовали. Из соседнего села приволокли поросёнка. И пошло-поехало...

В такие дни Лёшка внимательно наблюдал из своего убежища за куражом фашистов. В голове рождались самые разные картины мести. Он готов был на всё. И взорвать, и расстрелять, и дом поджечь вместе с пьяной бандой. Но как осуществить всё это, сидя в щелявом сарае, не знал. Бессилие порождало такую обиду, что горькие слёзы сами текли из глаз.

Уже в сумерках он увидел, что с крыльца сбежала мать и бросилась в сторону бабушкиного дома. Долговязый фашист тут же догнал её и почти волоком потащил обратно в дом. Услышав материн голос, Лёшка пулей вылетел из сарая и рванул к дому. Что он думал, как хотел помочь матери, и сам не знал. На пороге почти воткнулся в долговязого немца.

– Отпусти! – во всю силу заорал Лёшка.

Фашист резко крутанул парня в обратную сторону и с такой силой ударил сапогом по задку, что Лёшка будто взлетел вверх и тут же жёстко ударился о мёрзлую землю. На какое-то время, кажется, даже потерял сознание. Но опять услышал плачущий материн голос.

– Сынок, милый, ползи скорее, ведь убьют, гады.

Встать Лёшка не мог. Он пополз, обливаясь слезами, слизывая кровь с разбитых губ и мучаясь дикой болью от кованого сапога фашиста. Лёшка ждал, что сейчас убьют, расстреляют и его, и мать. Изверги ведь способны на всё. Но выстрелов не было. И Лёшка кое-как ползком и на четвереньках дотащился до сарая.

Стало темно. Он не знал, убежала ли мать. Не мог войти даже до бабушкиного дома, где можно было хоть как-то согреться. Просидел всю ночь в сарае, мучаясь от боли и плача от собственного бессилия. Он уже знал, что сделает с этими двумя фашистами. Он расстреляет их, как только будет возможность. А это произойдёт скоро. Не может же наш народ столько времени терпеть эту нечисть. Должна же прийти Красная Армия и разбить вражью силу. Ведь там, на фронте, сражается его отец, другие мужики из его деревни. Дядя Коля, сын деда Василия, дядя Иван, сосед по дому, сильные и здоровые, они всё могут. По крайней мере, так думал Лёшка и всё прислушивался, не раздастся ли грохот орудий со стороны Москвы.

Раньше канонада всё в ту сторону двигалась. А в последнее время вроде затихла. Но, кажется, на другую ночь, которую Лёшка тоже коротал в сарае, со стороны восхода солнца начал нарастать тревожный гул. И не просто грохотало, а казалось, что грохот придвигался к их деревне. Немцы тоже как будто прислушивались. Но к вечеру всё затихло снова. А Лёшка уже ни сидеть, ни спать не мог. Он проглядел все глаза через щёлки и окошко сарая. Он так верил, что скоро конец фашистскому разгулу, что уже

точно знал, как он будет действовать, когда придут наши. Самое главное, чтобы не успели убежать хотя бы эти двое, что живут в их доме.

И всё-таки Лёшка проглядел момент, когда наши два танка с рёвом и грохотом ворвались в деревню. Они шли почему-то с другой стороны, не с московской, а от леса, откуда немцы могли ждать только партизан.

Была вторая половина дня, и противоположную сторону деревни коси подсвечивали лучи заходящего солнца. Фашисты бросились из всех домов сразу. Но тут же трое или четверо упали на снег. Танки дали несколько залпов из пушек. И Лёшка заметил, что его лютые враги, жившие в доме, вновь вбежали вовнутрь. Танки, окружив деревню, встали на разных её концах, и чёрные с головы до ног красноармейцы с автоматами в руках двинулись к середине деревни. Баба Маша тоже шла с ними, что-то объясняя и плача.

Лёшка снова, как в тот раз, пулей вылетел из своего убежища и хотел было бежать навстречу красноармейцам, но побежал сразу к дому. Ничего не боясь, хотя и зная, что может быть убитым, он закричал во всю силу, что они здесь, в его доме, и встал сзади двора, дожидаясь бойцов.

Стрельбы больше не было. Лёшка не понимал, почему немцы не защищаются, не открывают огня. Ведь у них у всех есть оружие. В избу он пошёл вслед за бойцами. Один был командиром, чем-то даже похожий на соседа дядю Ваню. Такой же высокий, но очень худой и сильно заросший. Как партизан, отметил про себя Лёшка. В сенях командир выстрелил вверх через выбитое окно и дал команду выходить. Другой красноармеец, отойдя в сторону, резко открыл дверь. Враги были на месте. Бестолково глядя на красноармейцев, они без всякого сопротивления направились к выходу.

– Назад! – снова дал команду старший. На улице раздался рёв, и было видно, что один из танков подходит к середине деревни.

Отобрав у фашистов оружие, командир спросил Лёшку, сколько их было в деревне. Лёшка ответил: “Одиннадцать” – и впился глазами в долговязого садища.

– Товарищ командир, – хрипло выговорил Лёшка, – дайте мне автомат.

Командир глянул на него. Подросток смотрел зло и серьёзно.

– Зачем?

– Я застрелю их. Они – гады! Они издевались над моей мамкой, убили деда Василия. Они фашисты.

– Возьми. – Командир протянул Лёшке оружие.

Немцы всё это время стояли не двигаясь, но, по-видимому, всё понимая. И когда Лёшка громко выкрикнул: “Вон!” – они тоже всё поняли и, не оглядываясь, вышли на улицу.

Следом за Лёшкой направились и красноармейцы...

Лёшка дрожал от страха и до онемения в пальцах сжимал автомат. Ноги были как деревянные, он даже не понимал, что будет дальше делать. Но тут услышал приказ командира: “Стреляй... быстро!”

На плечо легла широкая тяжёлая рука танкиста. Прикосновение командира придало Лёшке уверенности. Он резко потянул спусковой крючок.

Долговязый и второй ткнулись в землю за сараем...

СПРАВКА

На улице было сыро и холодно. Конец марта. И зима вроде бы ещё не ушла, и весна по-настоящему не наступала. Но зато свежо и воздух чистый. Пётр Савельев, стуча самодельной клюшкой, сделанной из можжевельного корня, и скривя деревянной кутышкой вместо правой ноги, с трудом вышел из здания райсовета на улицу и пытался вдохнуть свежего воздуха. Совсем дух перехватило, да и сердце колотилось в груди, как старая молотилка, часто и неровно. Ух! Как же это он так решился. И нужно было ему это испытание. И так чего в жизни только не было! А тут идти выхлопывать пенсию, доказывать, что инвалид, что когда-то воевал. Сельчане надоедали. А соседка по дому, Игнатьевна, так та и настояла, чтобы поехал в райцентр. Жить, мол, тебе, Пётр, не на что. Хотя ветераном ты у нас по деревне считаешься, знаем, что воевал, а пенсию военную не получаешь. Ты что, мол, с голоду так умереть хочешь? Дадут тебе прибавку, поезжай – и всё тут.

И он решился. Взял все справки, которые дома хранились, и поехал. И вот теперь после разговора с тем унылым собеседником, наемкнувшим Петру, что это никакие не документы, а скорее филькины грамоты и что, мол, он, Пётр Савельев, никакой не участник войны, а очередной вымогатель, придумывающий себе дополнительные льготы, Пётр, еле переводя дыхание, стоя у угла здания, опершись на перекладину. О чём он мог думать сейчас?..

Наконец с огромным трудом добрался до автобусной станции. С таким же усилием, поддерживаемый каким-то сердобольным мужиком, сел в автобус, идущий в его родную Петровку. Поехал и, будто впадая в забытие, а точнее, вернувшись к тому, что стало причиной его сегодняшнего визита в город, вдруг снова, уже в который раз, увидел себя и то тяжкое военное лихолетье, которое выпало ему пережить.

В первые дни мобилизации Петра на фронт не взяли. Изуродованная левая рука лишала возможности воевать в полную силу. Бревном на стройке как изломало её всю, так и срослась она неправильно, с искривлением, всегда торчала в сторону, как привязанная. Тулуп надеть и то мешала, окаянная. Одним словом, инвалид...

Так и мучился Пётр с ней. Не женился из-за этого, жил с матерью. А тут – война. Немец так попёр, что к осени уже к самому Волоколамску, районному центру, подошёл.

Однажды Пётр, обозлённо выругавшись, сказал матери, что его терпение лопнуло. Пойдёт воевать, иначе немцы так и Москву подомнут.

Рванули они тогда вдвоём с другом Иваном Гаврилыным в сельсовет с себя бронь снимать. У Ивана тоже недуг был серьёзный: нога в колене не гнулась. Пришли к председателю сельсовета Соловьёву. Сельчане его между собой “Понимаешь-понимаешь” звали. За его постоянную присказку да еще за привычку поучать всех.

Председатель выслушал мужиков и сказал: – Тут, понимаешь-понимаешь, дело непростое. Ведь не я бронь вам давал, понимаешь, не могу я и разрешение дать. Могу только, понимаешь-понимаешь, дать справку, что не возражаю, понимаешь, чтобы вы на фронт ушли. А так, понимаешь-понимаешь, больше ничего не могу.

– Давай хоть справку, – сказали мужики.

Получив бумагу, что сельсовет отпускает их на войну, Пётр с другом сразу направились в военкомат.

В Клину к ним отнеслись с пониманием, искалеченную руку Петра никто даже не заметил, Иван тоже хромоту свою “припрятал”. Да и то сказать, до того ли было, немец-то пёр и пёр...

К концу дня получили винтовки и были сразу же опре-

делены в роты на укрепление Солнечногорска.

На другой день их подразделение заняло оборону недалеко от железнодорожной станции Подсолнечная. Слышны были паровозные гудки, и где-то километрах в десяти сильно дымились высокие трубы. Оборонительная линия представляла собой подобие траншеи с бруствером из снега и льда. Она протянулась с запада на восток по ломаной линии через небольшой пригорок. Бойцы по команде лейтенанта начали остервенело вгрызаться в застывшую землю. Делали что могли, но грунт окаменел на морозе и только звенел, как металл. Измотанный и осунувшийся молодой офицер, руководивший обороной, сказал, что этот участок не главный и немцы сюда могут просто не подойти, но если их будут хорошо сдерживать вдоль Ленинградского шоссе, то, может быть, кто-то сюда и сунется. А вот тогда и надо будет по ним ударить. Мужики, кажется, суть поняли. Петра же взволновала оговорка: что, значит, их оборона – не главная? А когда фашисты пойдут, она что, сразу в главную превратится? И он потихоньку закапывался все глубже и глубже.

К концу третьих суток окопались неплохо. Но Пётр так замёрз в своей снежной канаве, что начал серьёзно беспокоиться, как бы вообще здесь не очоурился. К тому же сухари, взятые из дома, кончились. А о горячей каше, о которой несколько раз говорил лейтенант, похоже, предстояло забыть.

Наконец где-то на правом фланге начало погромыхивать. Бойцы дослали патроны в патронники, высунули из снежных амбразур стволы винтовок, изготовились. И только уже в потёмках по их высоте ударили.

По цепи прошла команда ротного: враты в землю и не поднимать головы.

Головы не поднимали. Но вдруг, когда серые сумерки ещё больше стусились, бойцы увидели танки. Они с рёвом и грохотом двигались прямо в центр обороны. Окажется, здесь когда-то обозначалась дорога, и несколько машин в три ряда полезли прямо на их траншею. Высота ударила сплошным винтовочным огнём. Но это на танки совершенно не действовало. Пехоты же за ними не было.

Бронированные машины как шли вдоль ложбины на высоту, так и продолжали идти да ещё периодически вылезали из стволов красные ключья пламени.

Вдруг откуда-то сбоку шархнули из противотанкового ружья. Танк присел и, кажется, остановился. И тогда Пётр остервенело стал лупить по смотровым щелям танка, моторному отсеку. Изуродованная рука действовала сейчас, как подставка, и он бил из винтовки в эту чёрную громадину без остановок.

Все ждали, может, вылезет экипаж или покажется вражеская пехота. Но никто не появился, а другие танки продолжали подниматься на взгорки и поливали огнём пулемётов перед собой.

Пётр до того разгорячился, что и не заметил, как высунулся из своего снежно-ледяного укрытия и уже начал палить во вторую громадину. Этот танк тоже, кажется, встал на какое-то время и тут же выстрелил, и даже не выстрелил, а громыхнул всей своей утробой. А спустя секунду загорелся.

Как и почему, Пётр не понял. (Наверное, это опять ротный из пзтэра вмазал немцу.) В одно мгновение Пётр почувствовал, что какая-то дикая сила выбила у него из рук винтовку: осколки цевья и приклада ударили в голову, грудь, подбородок. Чем-то красным и горячим хватило по глазам, и он упал на дно своего снежного укрытия. Два

пальца левой руки отлетели в снег, кровь не текла, боли тоже не чувствовалось, но уродливая рука перестала работать совсем. То ли замёрзла, то ли затекла. Он лежал скрючившись и думал: как же так, вроде бы все мужики сражались как положено. Да и они с Иваном действовали довольно решительно. А танки всё-таки прорвались. И почему это в роте только одно противотанковое ружье? А где остальные? Да и можно ли этими жердеподобными трёхлинейками воевать с танками?

И такая досада была на душе Петра! Попытался было пошевелить уцелевшими пальцами. Без толку. Хорошо хоть всё несчастье на одной руке.

“Зарастёт, наверное”, – думал Пётр и впадал в беспомощность.

Наутро санитары подобрали раненых. Петру повезло. Он попал в госпиталь...

Обрубки пальцев зажили быстро, контузия тоже прошла, голова не гудела так сильно, как раньше. Выписался он в часть, назвав её по памяти. Однако военфельдшер, вручавший документы, наставительно подчеркнул, что не в часть ему следует явиться, а домой отправляться. В родную Петровку. Вроде как, по его пониманию, все Петры и были из этой деревни.

– Да нет, – возразил Пётр. – Поеду в часть, в которой воевал, оборонял Солнечногорск. – И добавил, что у него об этом и справка имеется.

Военфельдшер только усмехнулся:

– Справка твоя является освобождением от военной службы и той бронью, которую выдали в сельсовете.

Тогда Пётр и рванул из госпиталя напрямую в свою родную деревню.

Он знал, что фашистов хотя и попёрли от Москвы, но Петровку, наверняка, ещё не освободили. Спешил напрямую, где пешком, где на попутке, а то и на санях. По дороге трофейным автоматом разжился. Всё лучше той жердеподобной “мосинки”, что ему в Клину выдали. И патронами подзапасся.

А немцев-то от Москвы гнали кружным путём, опять через Солнечногорск, Клин, на Высоковск и прямо по Волоколамскому тракту. Точь-в-точь той дорогой, как они наступали, так и обратно по ней же с боями их отшвыривали подальше от Москвы.

Однако, как ни торопился Пётр, деревню его уже от фашистов освободили. Прибыл он ночью, а немцы накануне сами из домов повыскакивали, как только наши танки появились. Говорят, сибиряков испугались. Это когда по ним сибирские полки из-под Крюкова ударили.

Пётр задерживаться дома просто не мог. Рука зажила. По большаку на запад двигались наши войска. А наступать Петру очень хотелось. В обороне он уже себя попробовал.

Собрался быстро. Мать опять приготовила сыну сумку сухарей и пошла проводить хотя бы до большака. Теперь тот казался хорошей дорогой, наезженной. А как поднялись на взгорки, как увидел Пётр идущий по большаку к фронту грузовик, так и рванул ему наперерез. Да не по дороге побежал, а по полю. Замахал руками, чтобы шофёр его заметил. Замахала руками и мать. Хотела предупредить сына, что все поле-то заминировано. Фашисты на каждом шагу по две-три мины оставили. Это чтобы никто не ходил да чтобы наше наступление остановить было легче. Но где там, разве докричишься, разве Петька услышит?!

Она и кричала, и руками махала, а Пётр всё влево наперерез грузовику забирал, всё успеть хотел. Рука покалеченная, как рама какая, так всё сбоку и болталась, бежать

мешая. И только было грузовик притормаживать начал, как что-то сильно громыхнуло на том самом взгорке, и вместе со снежной россыпью отлетел куда-то в сторону Петька. И только снежная пыль стала оседать на его темный, дергающийся, как крылья, тулуп...

И заплакала тётка Матрёна, и осела сама в глубокий сутроб... Шофёр грузовика тоже увидел случившееся, подбежал к Петру, ничего не говоря и не обращая внимания на мать, подхватил, засунул в кабину и повёз обратно от Волоколамска к Клину. От фронта к тылу. Опять в госпиталь...

Так и не повоевал толком Пётр Савельев. Не судьба была попасть на фронт, если не считать малого, той обороны под станцией Подсолнечная, а уж как туда рвался.

Ногу ему поправили. Сделали деревянный протез, этакую культышку. На ней Пётр ходил, хотя и мучился. Мать умерла. И совсем худо стало парню – бедно и одиноко. По документам не был он ни участником, ни инвалидом войны, даже в ветеранах не числился...

Автобус заскрипел тормозами, спускаясь с очередной горы. Пётр открыл глаза, огляделся. На следующем подъёме его остановка. Надо собираться к выходу. Пётр хотел было проявить молодцеватость, вроде бы отдохнул немного, да и к родному дому приближается, силы должны прибавиться. Попытался встать порезче, да еле-еле оторвался от сиденья. Сердце всё так же разгорячённо стучало в груди, одна настоящая нога, и та показалась какой-то тяжёлой, не говоря уже про деревянную. Опять с трудом встал и с трудом вышел из автобуса.

Солнце медленно уходило за деревню и малиновым светом отливало на взгорке. То ли это испарина земли, подсвечиваемая закатным светилom, превращалась в этакую радугу, то ли это Петру виделось зарево той далёкой и недавней кровавой войны.

Он медленно пошагал в сторону дома. Заплетная сумка была пуста. Он даже не купил съестного в городе. А ведь дома почти ничего не было, кроме хлеба и картошки.

Плеться в сторону деревни, Пётр почувствовал, что какая-то непонятная сила повлекла его к тому самому взгорку, к тому злосчастному месту, где оставил он свою ногу, где поганая фашистская мина лишила его возможности воевать дальше. Увязая в мягкой земле, кажется, достиг того самого места, откуда хорошо было видно шоссе, а тогда это был большак, по которому шёл грузовик к фронту, и он бежал ему наперерез, лишь бы только успеть. Приложив здоровую руку козырьком к глазам и глядя в сторону деревни, он даже будто бы увидел мать, спешащую за ним и машущую руками.

Пётр хотел было еще раз повернуться, но деревянная культышка так увязла в земле, что не поддавалась его усилиям. Кажется, лопнул и удерживающий её ремень. Пётр потерял равновесие и медленно осел на землю.

Не выдержало, видно, и сердце. Оно остановилось, как часовой механизм, заведённый именно на это время, простучав, может быть, даже чуть больше, чем ему полагалось...

А по ходатайству совета ветеранов было всё-таки установлено, что действительно Пётр Савельев числился в списках того подразделения, которое обороняло подступы к Москве. Удивительно, но из военного архива пришло подтверждение и о первом ранении ополченца Петра Савельева. А через некоторое время передали в деревню сельчанам на хранение орден Отечественной войны, которым наградили Петра Захаровича, солдата Родины, её защитника. Однако об этом он так и не узнал. И только